

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 23

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Донецк
2021**

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54

Г72

Г72 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»: сборник научных работ серии «Право». Вып. 23 : Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк : ДОНАУИГС, 2021. – 236 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований учёных, аспирантов правовых кафедр ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», высших учебных заведений ДНР, ЛНР, России и СНГ. В материалах рассмотрены актуальные вопросы становления и развития национальной правовой системы в условиях формирования современного государства. Освещены пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического и правового развития государства.

Предназначен для научных работников, аспирантов, магистрантов, студентов, практических работников.

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54

Сборник научных работ серии «Право» включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Договор № 39-02/2019 от 07.02.2019.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства информации Донецкой Народной Республики серии ААА №000067 от 16.11.2016 г.

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики (Приказ № 1134 от 01.11.2016 г.) сборник научных работ серии «Право» включён в Перечень рецензируемых научных изданий.

Учредитель:

ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Главный редактор:

Ворушило В.П. – кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. – кандидат экономических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. – кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Груздев В.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Костромской государственной академии права и социальных наук», г. Кострома, РФ;

Куксин И.Н. – доктор юридических наук, профессор «Московский городской университет», г. Москва, РФ;

Рабец А.М. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой семейного и ювенального права Российского государственного социального университета, г. Москва, РФ;

Мелехин А.В. – доктор юридических наук, профессор, «Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Москва, РФ;

Пашенцев Д.А. – доктор юридических наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, РФ;

Витвицкая В.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Матюшайтис Н. В. – кандидат юридических наук;

Незнамова А.А. – кандидат юридических наук, Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, РФ;

Мальцев В.А. – кандидат юридических наук, доцент, Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Мытищи, РФ;

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Кушаков М.Н. – кандидат юридических наук;

Сичкар В.А. – кандидат юридических наук, доцент;

Шестак С.В. – кандидат юридических наук;

Моисеев А.М. – доктор юридических наук, Донбасская юридическая академия ДНР;

Седнев В.В. – доктор медицинских наук, профессор, сотрудник Генеральной прокуратуры ДНР;

Селюков А.Д. – доктор юридических наук, профессор Российского государственного университета Правосудия;

Ответственный секретарь:

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент.

Технический секретарь:

Ушакова Д.С.

Адрес редакции: ДНР, 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163а.

Телефон: (062) 337-66-09

Издаётся по решению Учёного совета ГОУ ВПО «ДОНАУИГС»

© ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Лысых Р.С.

Принцип неприкосновенности личности как форма защиты прав свобод человека и гражданина 6

Матюшайтис Н.В., Черкашина А.Е.

Особенности организации органов местного самоуправления 16

Смирнов А.А.

Процессуальная форма административной деятельности таможенных органов как проявление внутренней стороны управления 24

РАЗДЕЛ 2

Административное право, административный процесс

Абашина Я.В., Баландин И.Е.

Административный процесс в правовой системе государства 33

Гарькавенко Л.В.

Административно-правовое регулирование конкуренции..... 43

РАЗДЕЛ 3

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Асеева М.А.

Исторические особенности формирования МКА в России, Китае и Англии 56

Саенко Б.Е.

Об использовании экономических и правовых методов в государственном регулировании экономики 67

РАЗДЕЛ 4

Финансовое право; налоговое право; бюджетное право, авторское право

Калашикова И.В., Богославская К.Э., Мусейчук Д.

Правовой режим регулирования института
банковской тайны в ДНР и направления его совершенствования.. 83

Ширкова И. В.

Охрана объектов авторского права: правовой аспект 96

РАЗДЕЛ 5

Трудовое право; право социального обеспечения

Дятлов В.В., Гончаренко А.Д.

Понятие и правовое регулирование индивидуальных трудовых
споров..... 107

Сичкар В.А.

Юридическая ответственность в трудовом праве как отдельное
охранное правоотношение..... 118

РАЗДЕЛ 6

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Бордюгов Л.Г., Николаева Е.Б.

Сущность военных преступлений в аспекте международных
преступлений..... 129

Сасов А.В., Богославская К.Э.

Пенитенциарная система США и ее реформирование в рамках
федеральной уголовно-правовой политики 141

Сасов А.В., Мусейчук Д.Ю.

Проблемы применения статьи 107 Уголовного кодекса Донецкой
Народной Республики 153

Делевер А.В.

Нарушение правил содержания сибиреязвенных скотомогильников.
уголовно-правовой анализ 164

РАЗДЕЛ 7
Международное право; Европейское право

Соловьёва Ю. А.

Международно-правовые стандарты права на охрану здоровья... 174

РАЗДЕЛ 8
**Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность**

Котляр А.В., Острадчук С.С.

Надзор за деятельностью общественных объединений в Донецкой Народной Республике..... 188

Шестак С.В.

Законность, контроль и надзор – соотношение правовых терминов (современный подход)..... 199

РАЗДЕЛ 9
Гражданский процесс; арбитражный процесс

Асеева М.А.

Правовая природа учения об арбитраже. 213

РАЗДЕЛ 10
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ворушило В.П., Супрун О.В.

Основная характеристика доказывания в уголовном процессе Донецкой Народной Республики 227

РАЗДЕЛ 1

Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

УДК 343.1

DOI: 10.5281/zenodo.5743784

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ФОРМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ЛЫСЫХ Р.С.,

преподаватель кафедры права и национальной
безопасности ДОННУ, аспирант,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

АСЕЕВА Н.В.,

и.о. декана юридического факультета ДОННУ,
канд. юр. наук., доцент
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Одной из наиболее значимых идей современности является обеспечение прав и свобод личности, как естественного свойства каждого индивида. В числе личных прав, принадлежащих гражданину, одним из таких является право на личную неприкосновенность, которое вместе с другими естественными правами составляет основу конституционного статуса личности. Научная новизна нашего исследования определяется его целями и задачами и проявляется в том, что личная неприкосновенность впервые рассматривается одновременно и как право человека, и как принцип уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: личность, неприкосновенность, уголовный процесс, принципы судопроизводства, частная жизнь, Донецк, ДНР.

THE PRINCIPLE OF PERSONAL INVALIDITY AS A FORM OF PROTECTING THE RIGHTS OF HUMAN AND CITIZEN

LYSYKH R.S.

Lecturer of the Department of Law and National
Security, post-graduate student, Donetsk National
University,
Donetsk, Donetsk People's Republic

**ASEEVA N.V.,
Acting Dean of the Faculty of Law, Candidate of
Legal Sciences, Associate
Donetsk National University,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

One of the most significant ideas of our time is to ensure the rights and freedoms of the individual, as a natural property of each individual. Among the personal rights belonging to a citizen, one of these is the right to personal inviolability, which, together with other natural rights, forms the basis of the constitutional status of an individual. The scientific novelty of our research is determined by its goals and objectives and is manifested in the fact that personal inviolability is for the first time considered both as a human right and as a principle of criminal proceedings.

Keywords: personality, inviolability, criminal procedure, principles of legal proceedings, private life, Donetsk, DPR.

Актуальность. Право каждого человека на свободу и безопасность является одним из основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с конституцией. Статья 15 Конституции Донецкой Народной Республики гласит, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность; арест и задержание допускаются только по решению суда. До решения суда лицо не может быть задержано более 48 часов [1]. Этот принцип отражен в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса ДНР [3, с.192].

В соответствии со ст. 12 УПК ДНР, сущность неприкосновенности личности в сфере уголовного судопроизводства выражается в трех элементах. Таким образом, согласно разделу 1 данной статьи, никто не может быть арестован по подозрению в совершении преступления или арестован при отсутствии законных оснований, предусмотренных УПК ДНР [2]. До решения суда лицо не может быть задержано более 48 часов. Часть 2 ст. 12 УПК ДНР предписывает лицу, в ведении которого он находится, незамедлительно освободить любого незаконно задержанного, заключенного или незаконно помещенного в

медицинскую (психиатрическую) больницу или задержанного на срок, превышающий срок, установленный УПК ДНР [4, с. 200].

Постановка задачи. В частности, ограничение свободы не может быть связано с вопросами неприкосновенности личности (например, при подписании запрета на выезд). Поэтому, чтобы прояснить этот момент, необходимо рассмотреть понятие неприкосновенности. Из-за отсутствия законодательного определения неприкосновенности личности существует множество доктринальных подходов к этому понятию.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемам принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, теории и практики его реализации в уголовном судопроизводстве посвящены научные труды целого ряда представителей уголовно-процессуальной науки, в частности: В.А. Азарова, М.Т. Аширбековой, С.С. Безрукова, Р.С. Белкина, В.П. Божьева, В.М. Быкова, Е.Г. Васильевой, Т.Ю. Вилковой, Л.М. Володиной, Л.А. Воскобитовой, Н.А. Громова, Т.С. Дворянкиной, И.С. Дикарева, Т.Н. Добровольской, О.А. Зайцева, Е.А. Зайцевой, А.Ю. Епихина, К.Б. Калиновского, О.В. Качаловой, А.П. Кругликова, Л.И. Лавдаренко, А.М. Ларина, В.З. Лукашевича, П.А. Lupинской, Л.Н. Масленниковой, И.Б. Михайловской, О.В. Мичуриной, В.П. Нажимова, Ю.К. Орлова и других.

Цель статьи. Целью статьи является изучение содержания статьи 12 УПК ДНР «Неприкосновенность личности», определение спорных моментов ее конструирования и применения, а также разработка предложений совершенствованию анализируемой уголовно-процессуальной нормы.

Изложение основного материала исследования. Законодательное закрепление системы уголовного правосудия в главе 1 Уголовно-процессуального кодекса ДНР не привело к завершению дискуссии о количественном и качественном составе ее положений. Напротив, такой подход законодателя вызвал многочисленные возражения со стороны ученых и практиков. Чтобы не вдаваться в полемику вокруг понятия и критериев

разграничения принципов уголовного процесса, а также их системы, хотелось бы оценить, насколько хорошо законодатель структурировал основные принципы уголовного процесса.

Принцип личной неприкосновенности противоречит некоторым другим нормам уголовного судопроизводства.

Из вышесказанного можно сделать вывод о необходимости существенной корректировки системы уголовно-процессуальных норм [8, с. 32].

Анализ различных точек зрения позволяет узко и широко трактовать понятие неприкосновенности личности. Таким образом, неприкосновенность личности в узком смысле отражает постулат уголовного судопроизводства, согласно которому никто не может быть задержан иначе как на основании решения суда.

Согласно толковому словарю В.И. Даля, слово «неприкосновенный» означает то, что нельзя трогать, кого или чего нельзя трогать. Нарушается целостность личности как социальной единицы, например, при обыске или досмотре, следственном эксперименте или визуальном осмотре. В любом случае ограничения неприкосновенности личности требуют тщательного правового регулирования. Ведь ограничение конституционного права человека на неприкосновенность должно иметь правовую основу.

Как правило, обыски лиц производятся на основании решения суда, однако чаще всего личные обыски проводятся в связи с арестом, задержанием или домашним обыском [5, с. 160]. Более того, ст. 12 УПК ДНР следует дополнить частью 3, в которой необходимо установить требование о разрешении ограничения неприкосновенности личности в случаях, прямо предусмотренных УПК.

Следует отметить, что наши предложения по совершенствованию ст. 12 УПК ДНР касаются не только человека и гражданина как социальной единицы, но и направлены на повышение качества реализации принципа защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Предоставленные комментарии могут быть полезны для улучшения законодательства и практики его применения.

Неприкосновенность личности гарантируется, прежде всего, Конституцией Донецкой Народной Республики.

Конституционные положения о неприкосновенности личности (статья 12 Уголовно-процессуального кодекса ДНР) также относятся к рангу принципа отправления уголовного правосудия. Однако здесь эта гарантия правового статуса человека и гражданина трактуется узко.

Следовательно, в названии статьи 12 УПК «Неприкосновенность личности» есть определенное несоответствие с его содержанием. Часть 1 ст.12 УПК ДНР предусматривает, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или лишен свободы при отсутствии предусмотренных Кодексом правовых оснований. До решения суда лицо не может быть задержано более 48 часов. Это фактическое указание на основания и условия (разумеется, в самой общей форме), на которых лицо может быть задержано или ограничено [6, с. 29].

Многообразии правовых источников принципов системы уголовного правосудия указывает на их универсальное значение для организации, как уголовного процесса, так и отправления правосудия.

Все принципы уголовного правосудия тесно взаимосвязаны и составляют единую правовую базу. Имея собственное значение, они определяют действия друг друга и образуют систему, определяющую демократическое содержание и форму уголовного правосудия.

Эта система предназначена для обеспечения единого понимания закона и применения всех требований законодательства в деятельности прокуратуры, поэтому она служит методологической основой для развития и совершенствования законодательства в области уголовного судопроизводства [7, с. 63].

К сожалению, действующие правила уголовного судопроизводства нестабильны. В поисках оптимального порядка поведения в уголовных делах законодатель иногда корректирует многие положения и целые процессуальные институты, формулируя новые положения или возвращаясь к не столь забытому старому. Такие изменения не всегда полностью соответствуют принципам, изложенным в УПК.

Изученная практика и представленные статистические данные свидетельствуют о том, что нормы, касающиеся неприкосновенности личности, носят декларативный характер, тогда как эти правовые нормы должны составлять жесткое правило практической деятельности сотрудников правоохранительных органов. Законность и обоснованность выбора, изменения и отмены, превентивных мер имеют первостепенное значение для соблюдения прав личности.

Проблема законности в теории права привлекала и продолжает привлекать внимание многих авторов. Это вполне понятно, поскольку по своей теоретической сути законность как правовое явление характеризуется определенной сложностью и большим разнообразием, а на практике – неослабевающей актуальностью. В литературе нет единого мнения об определении законности. Не останавливаясь на анализе различных точек зрения, отметим, что наша позиция по данному вопросу согласуется с пониманием законности как точного и неукоснительного соблюдения и исполнения, основанных на них законов и актов всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами.

Строгое соблюдение закона основано на психологическом осознании необходимости уважать закон, готовности решать все юридические вопросы, а также на «букве» и «духе» закона.

Мы считаем, что судебный контроль за соблюдением конституционных прав и свобод человека в сфере уголовного правосудия не только оправдан, но и необходим. Этот вывод органично вытекает из позиции, что Республика вступила на путь

верховенства закона, а суд представляет судебную власть со всеми вытекающими из этой власти последствиями.

Несомненно, отсутствие судебного контроля, а также соответствующего механизма его реализации приводит к негативным последствиям в уголовном судопроизводстве.

Что касается судебного надзора за досудебным расследованием, то он существовал и раньше, но контрольные функции суда могли осуществляться только со стадии, осуждения. Однако эти функции судебного надзора не могли повлиять на законность предварительного расследования по конкретному делу.

В настоящее время нет однозначного ответа на вопрос, следует ли возлагать эти контрольные функции суда на отправление правосудия или другую судебную деятельность.

Право человека на человеческую неприкосновенность и право на неприкосновенность частной жизни гарантируются различными отраслями права, включая уголовное. Основным уголовным законом, защищающим конфиденциальность, является ст. 139 Уголовного кодекса («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), но ряд других статей Уголовного кодекса также служат средством правовой защиты от незаконного вмешательства в частную жизнь.

Следует отметить, что, несмотря на остроту проблемы правовой защиты личности, частной жизни, тайны личной жизни в современном обществе и значительное количество преступлений в этой области, количество возбужденных уголовных дел по данным статьям крайне мало.

К сведениям, раскрытие которых может привести к нарушению конституционных прав граждан, относятся, прежде всего, данные, полученные в ходе судебно-медицинских и психиатрических экспертиз.

Недопустимо разглашение информации, полученной в ходе судебно-медицинской экспертизы документов, почерка и письма автора, относительно содержания личных документов (писем, завещаний, дневников, ценных бумаг и т. д.).

Также не раскрывается информация, полученная с помощью фонограмм или видеофонограмм, исследованных в ходе судебно-фоноскопической экспертизы; электронные документы и другая компьютерная информация (например, содержимое базы данных, коды доступа, пароли и т.д.), полученная в результате компьютерной судебной экспертизы.

Обращаем ваше внимание, что вся вышеуказанная информация содержится на физических носителях как предмет преступления. Возникает вопрос, как квалифицировать «утечку» информации о частной жизни лица, которая была получена оперативно и не была зафиксирована процессуально в материалах уголовного дела; в равной степени это может быть любая устная информация, такая как сведения, предоставленные на слушаниях, показания очевидцев, но не включенные в протоколы соответствующих следственных действий. Мы полагаем, что, поскольку такая информация не носит процессуального характера, классификация преступного деяния согласно ст. 134 УК ДНР в этом случае невозможна.

В соответствии со ст. 134 УПК ДНР данные предварительного расследования не разглашаются, что в первую очередь является обязанностью следователя или прокурора, ведущего уголовное дело в производстве. Данные предварительного расследования могут быть разглашены только с согласия следователя, прокурора и только в той мере, в какой они считают это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не нарушает права и законные интересы преступника. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного процесса без их согласия не допускается (ч. 3 ст. 134 УПК ДНР).

Мы считаем, что разглашение информации о частной жизни участника судебного процесса или иных лиц, имевших место в судебном процессе, следует рассматривать как процессуальное нарушение, которое должно повлечь за собой уголовную ответственность. Конечно, суд должен принять меры для того,

чтобы вопросы, касающиеся частной жизни обвиняемого или других лиц, обсуждались в закрытом режиме, но иногда невозможно предотвратить спонтанные заявления и демонстрации участников открытого судебного разбирательства [9, с. 15].

Однако здесь следует иметь в виду, что основная задача судебного разбирательства – установить виновность или невиновность обвиняемого в совершении преступления, и конфиденциальность его частной жизни может быть ограничена в некоторых отношениях.

Выводы. Исходя из вышесказанного, мы можем сказать, что право человека на неприкосновенность и право на неприкосновенность частной жизни гарантируются различными отраслями права, включая уголовное право. Право человека на неприкосновенность – это гарантированное государством состояние человека, в котором его психофизическая целостность и индивидуальная автономия свободны от принуждения. Согласно части 2 статьи 48 Конституции ДНР такое право может быть ограничено законом. В ч. 2 ст. 10, законодатель обязывает суд, прокурора, следователя, следственный орган немедленно освободить каждого незаконно задержанного или лишеного свободы. Это требование распространяется на всех, кто был незаконно помещен в медицинскую или психиатрическую больницу и находится под стражей дольше срока, указанного в Кодексе.

Вот почему реализация принципа неприкосновенности личности поможет избежать подобных нарушений и ошибок, во всяком случае, свести их к минимуму, а также будет способствовать не только признанию и провозглашению, но и действительной защите прав и свобод граждан, в том числе их личной свободы и неприкосновенности.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики (в ред. Законов от 27.02.2015 №17-ИНС, 29.06.2015 №63-ИНС, 11.09.2015

№92-ИНС, 29.12.2017 №205-ИНС, 30.11.2018№01-ИНС, от 06.03.2020 №106-ИНС) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 15.11.2021).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 №240-ИНС (действующая редакция по состоянию на 29.06.2020) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.11.2021)

3. Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства / под ред. Н.С. Мановой. М.: Проспект, 2016. 192 с.

4. Исаенко В.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и досудебном производстве: курс лекций / В. Н. Исаенко. – М.: Юрлитинформ, 2017. 198 с.

5. Ларинков А.А. Уголовно-процессуальная проверка в стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие / А.А. Ларинков, В. А. Шиплюк; Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. Генеральной Прокуратуры РФ, 2015. 159 с.

6. Безруков С. С. Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 28-35.

7. Гриненко А. В. Система принципов уголовного судопроизводства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. №. 2. С. 64-68.

8. Сысоев Ю.Е. Квалификация разглашения данных о частной жизни лица, полученных в ходе предварительного расследования // Российский следователь. 2011. №23. С. 31-34.

9. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. №16. С. 14-19.

УДК 342.25

DOI: 10.5281/zenodo.5746448

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

МАТЮШАЙТИСЬ Н.В.,

канд. юрид. наук, доцент

кафедры административного права

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика;

ЧЕРКАШИНА А.Е.,

студентка группы ЮР-19-1

**факультета юриспруденции и социальных
технологий**

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье проведен анализ особенностей организации органов местного самоуправления в разных государствах. Проанализированы конституции разных стран и нормативно-правовые акты, которые определяют статус местных органов самоуправления. Рассмотрена важность функционирования органов местного самоуправления как одного из основных демократических институтов государства.

***Ключевые слова:** местное самоуправление, органы местного самоуправления, демократия, муниципальное управление.*

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

MATYUSHAITIS N.V.,

PhD in Law, associate professor

**of the department of administrative law SEI HPE
«Donetsk Academy of Management and Public
Administration under the Head of Donetsk People's
Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

CHERKASHINA A.E.,

student of the group YUR-19-1

faculty of Law and Social Technologies

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

The article analyzes the peculiarities of the organization of local self-government bodies in different states. The constitutions of different countries and the normative legal acts that determine the status of local self-government bodies are analyzed. The importance of the functioning of local self-government bodies as one of the main democratic institutions of the state is considered. It is concluded that the presence of local self-government bodies is a prerequisite for democracy for civil society. It is thanks to local self-government that the community is able to manage local affairs and effectively solve problems according to its needs.

***Keywords:** local self-government, local self-government bodies, democracy, municipal administration.*

Актуальность данной темы раскрывается в значении местного самоуправления для любого государства. Именно благодаря местному самоуправлению община имеет возможность управлять местными делами и эффективно решать проблемы в соответствии со своими потребностями, тем самым повышая эффективность работы государства.

Постановка задачи. Тема развития деятельности органов местного самоуправления для любого демократического государства

является одной из актуальных на сегодняшний день, что обусловлено необходимостью определения статуса местных органов самоуправления.

Анализ последних исследований и публикаций. Похожую проблематику в своих работах исследовали такие ученые и научные деятели, как Соколов А.М., Лупандина О.А., Бутырина М.В., Уваров А.А., Балыхин А.Г., Кодина Е.А., Курманов Э.Р. и др.

Целью данной статьи является анализ особенностей организации местного самоуправления в зарубежных странах.

Изложение основного материала исследования. Органы местного самоуправления всегда играли большую роль в становлении государства, ведь именно из локальных объединений создавались страны с единым центром власти. Органы местного самоуправления – важное звено между народом, который является фактическим источником власти, и исполнительной властью, осуществляющей свои полномочия от имени народа.

Каждой стране присущи различные формы взаимодействия центральной власти с местной, обусловленные политическими, историческими и общественными различиями. Участие граждан в управлении государством является важной чертой демократической формы организации общества. Как известно, происхождение власти местного уровня интересовало ученых еще с античных времен. Аристотель был одним из первых, кто дал определение государству и гражданству. Он считал, что государство возникает естественно и, собственно, сама связь между гражданами и государством является отношением части к целому [1, с. 112].

Таким образом, местное самоуправление является одним из основных факторов как правительственных изменений, так и общих сдвигов в социальной, политической и экономической жизни европейских стран. Привлечение граждан к управлению местными делами в Европе произошло еще в 12 веке вместе с появлением Магдебургского права, которое предоставило многим

городам возможность действовать на принципах самоуправления и фактически стало прототипом современного института органов местного самоуправления. Взаимодействие, возникающее между территориальной общиной и избранным представителем власти, является важным для воплощения механизмов демократии, поскольку предоставляет гражданам право участвовать в решении местных проблем и быть задействованными в местной политике.

Местное самоуправление – это важный фактор, который способствует не только демократизации общества и его обычаев, но и вносит весомый вклад в просвещение масс. В конституциях многих стран закреплены нормы по организации органов местного самоуправления, а именно порядка и способа их создания. Например, в статье 92 Конституции Японии сказано, что «положения по организации и деятельности местных государственных образований устанавливаются законом в соответствии с принципом местной автономии» [2]. В федеративных странах каждый субъект федерации самостоятельно определяет нормы, которыми руководствуются местные органы. В США федеральные органы власти могут лишь создавать программы, касающиеся общегосударственных (федеральных) стандартов. Все, что определяется как локальный вопрос, решается на уровне муниципалитетов. В Конституции Чехии указано, что самоуправление и создание представительских местных органов – это именно право, а не обязательный признак [3].

Интересным также является тот факт, что чешские территориальные самоуправляющиеся единицы являются «публично-правовыми корпорациями», то есть имеется определенное разграничение между государственными органами власти и органами местного самоуправления, поскольку создание особого субъекта права свидетельствует о возникновении автономии у граждан для решения местных вопросов. В статье 155 Конституции Эстонии указано, что единицами местного самоуправления являются волости и города, но в то же время в определенном законом порядке могут создаваться другие органы

местного самоуправления [4]. Такая норма является неординарным для большинства конституций, ее наличие свидетельствует о возможности реорганизации местного самоуправления по потребности, что отвечает демократическим принципам этого государства.

Конституция Польши, в свою очередь, в статье 165 гарантирует самостоятельность местного самоуправления посредством судебной защиты, предоставляет органам местного самоуправления право собственности и другие имущественные права [5]. Эффективность местного самоуправления в значительной степени зависит от возможности локальных органов власти принимать решения относительно восстановления налогов и сборов. Налоги – это самый важный источник дохода для органов государственной власти и местного самоуправления. Именно с помощью налогов формируются расходы на образование, развитие медицинской и военной отраслей, вычисляются деньги на заработную плату государственным служащим. Не меньшую роль налоги играют и для обеспечения нужд территориальных общин. Полученные средства органы самоуправления тратят на поддержание благосостояния общества, развитие инфраструктуры и предоставление социальной помощи незащищенным слоям населения. Примером может служить развитая система налогов в США, которая позволяет поддерживать граждан страны. В этой стране есть налог, который перераспределяется между самыми бедными американцами: сумма денег, которую они платят – меньше той, которую они получают в результате перераспределения. Очевидно, такие налоги способствуют экономическому благосостоянию граждан и помогают уязвимым слоям населения страны жить в обществе, достичь не только юридического, но и фактического равенства.

Необходимым элементом для существования органов местного самоуправления является принцип субсидиарности. Он обеспечивает взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления, учитывая, что в решении локальных

вопросов предпочтение следует отдавать именно местным органам власти. Статья 4 Европейской хартии местного самоуправления подчеркивает важность связи между органами местного самоуправления и обществом [6]. Приближение власти к людям помогает усиливать демократические основы и имплементировать их в жизнь.

Принцип subsidiarity занимает особое место в государствах с федеративным устройством, поскольку они построены на принципе пропорционального распределения органов власти для решения вопросов в различных сферах государственной жизни. Одной из важных функций subsidiarity является возможность управлять делами на местном уровне без вмешательства центральной власти, что очень ярко проявляется в системе местного самоуправления Швейцарии. И в федеральных, и в унитарных государствах принцип subsidiarity находит свое выражение в обеспечении культурной и этнонациональной самобытности отдельно взятых территориальных общин.

Экономическая эффективность является еще одним важным преимуществом, которое следует из subsidiarity, поскольку близость к проблеме, наличие информации о местных проблемах создают преимущества для принятия решений на локальном уровне. Имея широкие полномочия и прямо представляя население, органы местного самоуправления не всегда выполняют свои функции должным образом. Система представительства территориальных общин, как и система органов государственной власти, состоит из обычных людей, и нет никаких гарантий, что эти люди эффективно будут выполнять свои обязанности и будут действовать в интересах общества.

Примером может служить организация местного самоуправления в двух разных городах Боливии. Главой городов в этой стране является мэр, занимающий самое высокое место в иерархии местного самоуправления [7]. В городе Чарагуа городской голова, работая вместе с муниципальным советом, ввел

прозрачную систему управления и инвестиционного планирования, которая обеспечивает участие граждан и положительно влияет на развитие города. Были созданы проекты, которые отвечали реальным потребностям горожан и были направлены на решение местных проблем. Муниципальные ресурсы были эффективно распределены, что было подтверждено национальными аудиторскими проверками. Например, местным органам власти удалось сохранить эксплуатационные расходы на уровне 4 процентов от общего бюджета. В результате работа мэра и муниципального совета получила положительные отзывы и поддержку от общины.

В другом городе Виача, который по меркам страны был богаче, после избрания нового мэра органы местного самоуправления стали коррумпированными и неэффективными, а сам мэр тратил деньги на собственные проекты, которые не касались жителей города. Весомым доказательством может служить увеличение заработной платы для себя и подчиненных более чем на 100 процентов без значительного расширения административных возможностей и улучшения технических навыков штата. Также мэр растратил крупные суммы денег на проекты, которые либо были не достроены, либо очень плохо построены и привели к перерасходу: игровая площадка, которая почти сразу после ввода в эксплуатацию стала разрушаться, что угрожало здоровью детей; канализация, которая взорвалась и привела к загрязнению улиц города.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Подводя итог по всему вышесказанному, следует отметить, что существование органов местного самоуправления является обязательным условием демократичности для гражданского общества. Именно благодаря местному самоуправлению население имеет возможность управлять местными делами и решать проблемы быстро и, что самое главное, локально, то есть максимально приближенно к насущным потребностям на местах. Однако нужно

помнить, что неотъемлемой частью эффективного местного самоуправления является доступ к нему граждан.

Сегодня существует потребность в углублении социально-политического диалога населения и власти на местах. Органам местного самоуправления необходимо более серьезно взаимодействовать с населением в контексте приобщения к процессам «низовой самоорганизации» граждан и принятия в них активного участия. Местные власти должны быть заинтересованы в формировании позитивного образа как надежного партнера населения в вопросах их самоорганизации.

Список использованных источников

1. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 384 с.
2. Конституция Японии от 03.05.1947 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html.
3. Конституция Чешской Республики от 16.12.1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/czech_republic.pdf.
4. Конституция Эстонской Республики от 28.06.1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/>.
5. Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm.
6. Европейская хартия о местном самоуправлении от 15.10.1985 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901042>.
7. Конституция Боливии от 25.01.2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=39>.

УДК 339.543

DOI: 10.5281/zenodo.5746603

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЫ УПРАВЛЕНИЯ

СМИРНОВ А.А.,

**канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права**

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье предпринята попытка путем обобщения научно-практического опыта сделать шаблон, характеризующий свойства процессуальной формы административной деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: административная деятельность, таможенный орган, процессуальная форма, законодательство.

PROCEDURAL FORM OF ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF CUSTOMS BODIES AS A MANIFESTATION OF THE INTERNAL SIDE OF GOVERNANCE

SMIRNOV A.A.,

**Cand. jurid. Sciences, Associate Professor of the
Department of Civil and Business Law,**

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of the
Donetsk People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

In the article an attempt is made, by generalizing scientific and practical experience to make a template characterizing the properties of the procedural form of administrative activity of customs authorities.

Keywords: administrative activities, customs authority, procedural form, legislation.

Постановка задачи. Анализ юридической литературы свидетельствует, что большинство ученых-юристов к формам управленческой деятельности относят издание правовых актов управления, составление административных договоров, совершение действий юридического характера, осуществление организационно-распорядительных действий, а также совершение административно-хозяйственных мероприятий.

Данная позиция верна, но лишь частично, если принимать во внимание только внешнее проявление деятельности таможенных органов как составной части общей системы органов исполнительной власти.

В свою очередь, к внутренним проявлениям формы деятельности следует относить процессуальную (процедурно-процессуальная, процедурно-организационная) форму административной деятельности таможенных органов.

Обзор последних исследований и публикаций. Изучению данного вопроса посвящены труды таких теоретиков права, как В.В. Дорохин, В.В. Головкин, А.Ю. Якимов, П.Н. Сафонов, А.В. Зубач, О.А. Сафоновичева, И.В. Папанова, О.В. Гречкина и др.

Актуальность. Несовершенная процедура принятия и фиксации решений таможенными органами может свести на нет все усилия ее субъектов и иных участников административной деятельности по запланированному результату. Неисполнение требований по оформлению правовых актов или нарушение процессуальных требований осуществления отдельных действий юридического характера может служить основанием для отмены принятых решений и объявления результатов административной деятельности юридически ничтожными.

Целью написания статьи является анализ процессуальной формы как составляющей административной деятельности таможенных органов.

Изложение основного материала исследования. Таможенные органы в своей деятельности осуществляют ряд функций, в том числе и административно-процессуальную, для выполнения

которых они обладают определенными правами. Административно-процессуальная функция таможенных органов включает как административно-правоприменительную, неюрисдикционную деятельность, так и юрисдикционную (привлечение таможенными органами к ответственности лиц, совершивших административные правонарушения; производство по жалобам на решения, действия (бездействие) таможенных органов, нарушающих права граждан и организаций и др.). Административно-процессуальные действия таможенных органов направлены на проверку добросовестности выполнения участниками экспортно-импортных операций таможенного законодательства, выявление фактов отклонений от требований, установленных административно-правовыми нормами, таможенными правилами, выявление причастных к нарушениям лиц, квалификацию деяний, установление мер ответственности за них и принятие мер по предотвращению и минимизации ущерба интересам государства от противоправных деяний.

Кроме того, административную деятельность таможенных органов, как и любое другое явление, следует рассматривать в диалектическом единстве ее содержания и формы.

Если содержание возможно исследовать через совокупность свойств, элементов и процессов, составляющих ее внутреннюю сторону, то способы организации самой деятельности наиболее полно могут быть выражены через внешнее проявление – ее форму.

Эти понятия не могут существовать одно без другого. Взаимно детерминирующие друг друга, содержание и форма обуславливают возникновение в процессе административной деятельности различных интегрирующих связей и отношений. Содержание выступает ведущим, предопределяющим элементом любого изучаемого объекта общественных отношений, а форма – элементом, который модифицируется, изменяется в зависимости от изменения содержания и конкретных условий его существования [1].

Тем не менее, не следует абсолютизировать преобладающую роль содержания над формой, так как если речь идет о государственно-правовых явлениях, то их форма претерпевает существенного влияния со стороны различных факторов объективного и субъективного характера [2].

Безусловно, формы деятельности, используемые таможенными органами, достаточно разнообразны. Однако такое разнообразие не может свидетельствовать о полной самостоятельности таможенных органов и их должностных лиц при выборе способа осуществления властных полномочий или же при реализации плановых мероприятий в процессе осуществления административной деятельности. Все формы такой деятельности прямо или опосредованно регламентированы действующим на территории Донецкой Народной Республики таможенным законодательством. Это означает, что данные органы исполнительной власти с целью реализации своих функций обязаны использовать только те формы, которые предусмотрены соответствующими нормами законодательства и являются адекватными в условиях конкретной жизненной ситуации.

Принимая во внимание, что и на сегодняшний день в административно-правовой литературе вопрос о формах управленческой деятельности, к которой относится и административная деятельность таможенных органов, однозначно не разрешен и, изучив достаточно широко имеющуюся как научную литературу, так и нормативно правовую базу, в наиболее обобщенном виде за рабочий вариант понятия «форма административной деятельности таможенных органов» можно взять следующую формулировку: «однородные по своему характеру и правовой природе внешне выраженные группы действий либо их результат, посредством которых осуществляются функции».

Существование процессуальной формы административной деятельности обусловлено объективно. Гносеологически в ее основе лежит многократная повторяемость четко определенных

действий (операций, приемов), а также способов их осуществления, используемых средств, их стабильность, устойчивость, даже стереотипность при наличии соответствующих общественных отношений (условий и предпосылок) [3].

Процессуальная форма административной деятельности закладывает программу, алгоритм деятельности, обеспечивает порядок, целенаправленное движение субъектов (таможенные органы, их должностные лица) и участников (граждане и субъекты ВЭД) этой деятельности к заранее определенному желаемому результату.

В юридической литературе данной форме деятельности таможенных органов уже посвящены отдельные монографические работы, в которых предпринимались попытки формулирования ее понятия, анализа различных ее элементов, сторон, видов, обращалось внимание на другие аспекты актуальной и дискуссионной проблемы.

Выясняя процедурно-процессуальный характер административной деятельности таможенных органов, на мой взгляд, необходимо исходить из понимания самого термина «процессуальная форма». Так, под ней следует понимать совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к участникам процесса, направленного на достижение определенного материально-правового результата.

В действительности, осуществление административной деятельности в процессуальной форме позволяет таможенным органам повысить эффективность управления в сфере таможенно-правового регулирования общественных отношений, а также реализовать принципы целесообразности процедуры осуществления предоставленных полномочий субъектам административной деятельности. Использование процессуальной формы дисциплинирует должностных лиц таможенных органов, повышает их ответственность, способствует осуществлению контроля за реализацией ими своих полномочий, что, в свою очередь, уменьшает возможность произвольного использования

властных полномочий. Усовершенствование данной формы положительно влияет не только на деятельность таможенных органов и их должностных лиц, но и других участников административной деятельности, побуждая их к правомерному поведению в процессе реализации своего права на перемещение товаров и иных предметов через таможенную границу государства.

Обобщив научно-практический опыт, можно сделать шаблон, характеризующий свойства процессуальной формы административной деятельности таможенных органов.

1. Круг субъектов и участников административной деятельности, их место и роль в этой деятельности, объем прав и обязанностей, условия включения в деятельность и выхода из нее и тому подобное.

Таможенное законодательство определяет процессуальный статус лиц, участвующих в деятельности, связанной с перемещением через таможенную границу товаров и других предметов. Особое внимание, как правило, уделяется субъекту административной деятельности, к которому предъявляются специальные и процессуальные требования, позволяющие ему беспрепятственно в процессе осуществления своей деятельности осуществлять необходимые властные действия, направленные на эффективное и оптимальное решения дела.

2. Содержание и характер действий и операций субъектов и участников административной деятельности.

Следует согласиться с позицией ученых, считающих, что каждый участник процесса может совершать только те действия, которые ему позволяют правила, их касающиеся, то есть действия, которые необходимы для реализации своих прав и исполнения своих обязанностей.

3. Предметный характер юридически значимых действий и операций.

Именно общность предмета обуславливает формирование совокупности четко установленных действий и операций,

направленных на разрешение конкретно индивидуального дела, получившая название процессуальных производств.

4. Перечень соответствующих средств, приемов и способов осуществления административной деятельности, рациональные пути их использования.

Например, постановление о наложении взыскания за нарушение таможенных правил должно основываться только на фактах, установленных и доказанных с использованием определенных законом средств, приемов и способов (объяснения правонарушителей, свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, тому подобное).

5. Процессуальные гарантии, позволяющие в полном объеме обеспечивать права и законные интересы субъектов и участников административной деятельности.

К наиболее важным гарантиям принадлежат законность, гласность и открытость деятельности, право на защиту, соблюдение правовых презумпций и тому подобное.

6. Сроки и время совершения процессуальных действий и операций.

Определение конкретных, относительно небольших сроков рассмотрения и разрешения юридически значимых дел является фактором, который, с одной стороны, исключает промедление, а с другой – позволяет упорядочить административную деятельность, ввести ее в определенные временные рамки.

7. Система процессуальных актов, в которых фиксируются действия и операции, закрепляются результаты деятельности, их структура, обязательные реквизиты и требования, к ним предъявляемые.

Таможенным законодательством в обязательном порядке определяется вид процессуального акта, используемый в процессе осуществления должностным лицом таможенного органа влияния на поведение участников деятельности. Выбор того или иного вида процессуального акта зависит от характера и вида административной деятельности.

8. Порядок обжалования действий или бездействия субъектов административной деятельности, принятых ими решений и процессуальных актов.

Таким образом, акцентируется внимание на направленность процессуальной формы в защиту иных участников такой деятельности, пострадавших от произвола субъектов при осуществлении ими управленческих функций, а также на укрепление законности в деятельности государственных органов.

9. Условия и порядок выполнения принятых решений, контроль за их выполнением.

Особое значение придается вопросам практической реализации принятых решений, непосредственно влияющим на эффективность и результативность административной деятельности.

Отдельные виды административной деятельности таможенных органов (правотворческая, правоохранительная) имеют достаточно развитую процессуальную форму, другие (организационная) – менее совершенную, упрощенную. Однако, в любом случае, эти формы присущи административной деятельности, обеспечивая взаимосвязь элементов ее деятельности, упорядочивая, стабилизируя их, направляя на достижение конкретного результата.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок по данной проблеме.

1. Процедурно-процессуальную регламентацию административной деятельности таможенных органов и в дальнейшем необходимо совершенствовать, что обусловлено как общими процессами строительства государственности на территории Донецкой Народной Республики, так и такими отдельными факторами, как, например, либерализация экономики, развитие внешнеэкономических связей.

2. От использования тех или иных форм управления в значительной мере зависит эффективность административной деятельности таможенных органов и, следовательно, успешность

процесса реализации заданий и выполнения функций, стоящих перед ними. Рациональное объединение используемых форм содействует созданию наиболее действенного механизма внедрения на практике в таможенную политику Республики с минимальными затратами сил, средств и времени.

3. Исследования в данном направлении достаточно актуальны, прежде всего в условиях становления государственности в период вооруженного конфликта, а также дальнейшей реализации мероприятий по интеграции Республики в мировое сообщество.

Список использованных источников

1. Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов: учебник для вузов // П.Н. Сафоненков, А.В. Зубач, О.А. Сафоненкова. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 356 с.

2. Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды / Б.В. Макогон // Вестник СПбУ МВД РФ. – 2013. – №4. – С. 17-22.

3. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности: трансформация в условиях экономического кризиса / Е.Е. Тонков // Российская юстиция. – 2011. – №6. – С. 2-5.

РАЗДЕЛ 2

Административное право, административный процесс

УДК 342.9

DOI: 10.5281/zenodo.5733956

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

АБАШИНА Я.В.,

**старший преподаватель кафедры
административного права**

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

БАЛАНДИН И.Е.,

**студент группы Юр-18-1 факультета
юриспруденции и социальных технологий**

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье анализируются основные концепции понятия и содержания административного процесса в современной правовой доктрине. Автор обосновывает вывод о необходимости понимания административного процесса в двух измерениях: управленческом (сфера публичного управления) и судебном (административное судопроизводство).

Ключевые слова: административное право, административный процесс, публичное управление, административное судопроизводство.

ADMINISTRATIVE PROCESS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE STATE

ABASHINA Y.V.,

**senior lecturer of the Department
of Administrative Law,**

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of Donetsk People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,**

**BALANDIN I.E.,
student of the group YUR-18-1 of the Faculty of Law and Social Technologies
SEI HPE «Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of Donetsk People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

The article analyzes the basic concepts of the concept and content of the administrative process in the modern legal doctrine. The author justifies the conclusion about the need to understand the administrative process in two dimensions: management (public administration) and judicial (administrative proceedings).

Keywords: administrative law, administrative process, public administration, administrative proceedings.

Постановка задачи. Проблемы процессуального регулирования оснований, условий и порядка реализации законов, указов Главы других нормативно-правовых актов и содержащихся в них материальных административно-правовых норм, регулирующих отношения в различных аспектах и направлениях реализации государственной исполнительной власти, приобретают сейчас особую остроту и практическую актуальность. Общеизвестны многочисленные сетования и законодателей, и правоприменителей на то, что во многих законах и других нормативно-правовых актах не предусмотрен вовсе или недостаточно четко прописан порядок и механизм их реализации.

Обзор последних исследований и публикаций. Административный процесс является относительно «молодой» подотраслью административного права, которая имеет все предпосылки в будущем выделиться в самостоятельную отрасль правовой системы.

Административно-процессуальная проблематика является одной из актуальных и распространенных в последнее время в исследованиях отечественных ученых. Относительно этого в первую очередь следует назвать труды таких отечественных и зарубежных авторов, как Конин Н.М., Маторина Е.И., Макарейко Н.В., В.В. Яркова, К.А. Малюшина и других.

Актуальность. В условиях становления в Донецкой Народной Республике социального, правового государства, углубления демократизации нашего общества, утверждения приоритетности прав и свобод человека в отношениях с субъектами государственно-властных полномочий, развития административно-судебной защиты прав и интересов физических и юридических лиц, праворегулирующая и правообеспечительная роль административного процесса заметно растет. Этот вид юридического процесса обеспечивает динамическую форму жизни одной из самых многочисленных массивов правовых норм, которыми являются материальные нормы административного права и которые служат приоритетным правовым инструментом реализации заданий и функций исполнительной власти. А отношения человека и государства, реализация подавляющего большинства разнообразных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц полнее всего проявляется именно в процессе реализации функций исполнительной власти в сфере публичного управления.

Цель статьи. Проанализировав практическую и теоретическую часть административного процесса, определить его роль в правовой системе государства, его место среди других юридических процессов.

Изложение основного материала исследования. Сегодня административный процесс рядом с гражданским, уголовным и другими видами юридического процесса занимает одно из основополагающих мест в системе отечественной процессуальной формы. Как нормативно определенный порядок осуществления отдельных процессуальных действий в многогранной

управленческой деятельности уполномоченных на то субъектов этот вид процесса применялся давно. Он был и остается неотделимым от административного права, от его материальных норм, в целом – от государственного управления.

Административно-процессуальная форма развивалась одновременно со становлением и развитием камерального, полицейского, а в дальнейшем – административного права. Однако, как важному, относительно самостоятельному институту права, административно-правовая теория начала уделять этому правовому явлению надлежащее внимание лишь с середины XX века.

В отличие от других видов юридического процесса, которые преимущественно обслуживают свои материально-правовые аналоги, административно-процессуальные нормы обслуживают не только большой массив материальных норм административного права, но и определяют порядок реализации материальных норм многих других правовых отраслей.

В последнее время административный процесс все мощнее развивается как самостоятельная правовая отрасль как с доктринальной точки зрения, так и с позиций законотворческой и правоприменительной практики. Этому способствовало принятие ряда законов, которые имеют непосредственное отношение к административно-процессуальному регулированию соответствующих правоотношений.

В то же время сегодня процесс становления доктрины административно-процессуальной правовой отрасли сопровождается значительной нестабильностью отдельных теоретических понятий, противоречивостью ее концептуально-категориальных определений, диаметральной противоположностью взглядов и утверждений относительно определенных правовых положений.

Можно полностью согласиться с Ярковой и Малюшиной, которые замечают, что ни одна другая отраслевая наука сегодня не сталкивается с таким количеством противоречий в детерминации

самых главных и самых принципиальных характеристик своего объекта, неподобающей определенностью фундаментальных принципов административно-процессуального права, его природы, объема и сути [1].

В частности, в имеющейся сегодня административно-правовой литературе освещаются различные точки зрения относительно определения понятия, сути и содержания административного процесса, его структуры, сущности и видов административных производств и тому подобное. Ряд авторов высказывают мнение о преимущественно узком понимании административного процесса; другие же придерживаются более широкого его восприятия, соединяя управленческий, юрисдикционный и судебный виды административного процесса. Отдельные ученые ограничивают объемы административного процесса только рамками административного судопроизводства; другие – наоборот, административную юстицию и административное судопроизводство выводят за рамки административного процесса.

По нашему убеждению, если административный процесс ограничивать только рамками административного судопроизводства, то за его пределами остается большой объем теоретического и практического материала, а также соответствующей нормативно-правовой базы, связанных с рассмотрением и решением самых разнообразных индивидуально-конкретных административных дел, которые складываются в сфере публичного управления, органами публичной администрации, а в отдельных случаях – и судами. В свою очередь это составляет значительную часть административно-процессуальной деятельности.

Прежде чем подробнее рассматривать концептуальные позиции отдельных ученых по освещению упомянутых вопросов, коснемся определенного исторического процесса становления и развития сегодняшних основных концептуальных подходов понимания сущности и содержания административного процесса.

Долгое время в отечественной правовой теории наблюдалось два основных подхода к пониманию административного процесса: узкий и широкий, которые в целом основаны на управленческой природе этого явления.

Узкое понимание административного процесса сводилось к его трактовке как чисто юрисдикционной деятельности органов публичной администрации (в отдельных случаях – и судебных органов). Соответственно, данная концепция определения административного процесса получила название юрисдикционной.

Исходя из данной концепции, характерным для возникновения административно-процессуальных отношений является наличие спора (конфликта) между участниками административных правоотношений. Административный процесс, в данном случае, понимается как регламентированная законом деятельность уполномоченных на то субъектов по разрешению споров, возникающих между сторонами административных правоотношений, которые, в свою очередь, не находятся между собой в служебном подчинении, а также деятельность по применению мер административного принуждения.

Очевидно, что узкое толкование административного процесса далеко не всегда охватывает всю многогранную, динамическую публично-управленческую деятельность органов исполнительной власти и других уполномоченных на то субъектов, осуществляемую не хаотично и произвольно, а в основном в пределах определенного нормативно-правовыми актами процессуально-процедурного регламента. Собственно, узкая точка зрения на административный процесс охватывает в основном только одну функциональную направленность административно-правового воздействия – правоохранительную. Эта позиция, сегодня наименее поддерживаемая среди ученых.

Сторонники широкого понимания административного процесса включают в его понятие и содержание всю процессуально-процедурную деятельность уполномоченных на то субъектов по реализации материальных норм административного

и некоторых других отраслей права. Эта концепция толкования административного процесса получила название управленческой. По ней административный процесс рассматривается как многогранное явление, включающее решения в административном и судебном порядке любых индивидуально-конкретных административных дел, в частности, связанных с рассмотрением дел так называемого позитивно регулятивного характера; тех, которые вытекают из споров между участниками управленческих отношений (дела конфликтного, юрисдикционного содержания); касающихся реализации прав, свобод и интересов физических и юридических лиц и предоставления им административных (управленческих) услуг и др. Широкая точка зрения на административный процесс охватывает и правотворческую, и правоприменительную, и правоохранительную формы процессуальной деятельности, ее юрисдикционный и управленческий аспекты. В данный момент подобная точка зрения толкования сущности и содержания административного процесса в административно-правовой теории была господствующей.

Таким образом, сегодня в административно-процессуальной науке дискуссионными являются три основные концепции понимания сущности административного процесса: управленческая (управленческий административный процесс), судебная (судебный административный процесс) и широкая (управленческо-судебная концепция). Соответственно, среди ученых и наблюдается расхождение взглядов по определению общего понятия и содержания административного процесса с учетом названных концепций.

Ряд авторов, в частности Алексеев и Цапко, определяют административный процесс как регламентированный законом порядок рассмотрения и решения конкретных административных дел, как основанную на нормах административно-процессуального права деятельность исполнительных органов государства, их должностных лиц, а также других уполномоченных на то субъектов по реализации норм материального административного

права, а в отдельных случаях – и материальных норм других отраслей права [2]. Другие – как «урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность публичной администрации, направленную на реализацию норм соответствующих материальных отраслей права в ходе рассмотрения и решения индивидуально-конкретных дел» (Конин) [3, с. 35]; – как «вид юридического процесса, регламентирует порядок и условия признания и обеспечения реализации прав, обязанностей, свобод и интересов граждан, юридических лиц и государства, их защиты, рассмотрения и разрешения конкретных дел в публичной сфере органами властных полномочий, их должностными лицами и административными судами в соответствии с действующим законодательством [4]. Зубач, отрицая существование административного процесса в реальности и называя его артефактом, считает, что эту интегративную правовую субстанцию образуют «самостоятельные процессуальные институты» [5].

В дальнейшем ученый определяет административный процесс как «обобщенное название нормативно регламентированной деятельности публичной администрации по реализации властных полномочий» [6], несколько сужая этим определением возможность отнесения к структуре административного процесса деятельности административных судов. Отдельные авторы понятия административного процесса связывают исключительно с деятельностью административных судов по поводу рассмотрения ими споров, беря за основу различные положения, которым административный процесс определяется как правоотношения, складывающиеся при осуществлении административного судопроизводства [7]. Относительно этой концепции – деятельность органов администрации по рассмотрению и разрешению ними различных индивидуально-конкретных административных дел следует признавать не административно-процессуальной, а административно-процедурной. На наш взгляд, данная концепция

несколько искусственная. Само название административного процесса при определении его сущности и содержания предполагает необходимость обращения при этом к его генезису, которым в свое время стало рассмотрение и решение в установленных законом формах и порядке отдельных административных (управленческих) дел органами администрации, даже при юрисдикционной (узкой) точке зрения относительно его понимания. Подобная точка зрения по определению сущности административного процесса была общепризнанной в течение последних десятилетий.

Со временем, по мере необходимости укрепления законности в деятельности публичной администрации, с углублением демократических начал в жизни общества, развитием и становлением административной юстиции – в осуществлении административно-юрисдикционной деятельности активную роль наряду с публично-административными органами начали играть и судебные органы. Поэтому административное судопроизводство и деятельность судов по рассмотрению дел административной юрисдикции логичнее считать частью административного процесса, а именно – судебным административным процессом.

Возможно, со временем административное судопроизводство и выделится в самостоятельную процессуально-правовую отрасль или интегрируется с его общим массивом как отдельная составляющая этой правовой отрасли.

А пока что подходящим, как представляется, есть замечания Румянцева о том, что если административное судопроизводство выделится в самостоятельную отрасль права, то это будет окончательным ударом по классификации норм права на материальные и процессуальные, поскольку в рамках административного права останется огромный массив процессуальных норм [8].

На наш взгляд, административный процесс не следует отделять от публичного управления, от юридически нормированной деятельности органов публичной администрации и

других полномочных субъектов по рассмотрению и решению самых разнообразных административных дел, связанных с осуществлением ими своих полномочий. Взгляды отдельных авторов относительно того, что управленческая деятельность субъектов публичной администрации по решению отдельных административных дел является не административно-процессуальной, а административно-процедурной можно назвать искусственно обусловленными, так как процедура – это лишь нормативно определенный абстрактный порядок последовательного совершения отдельных процессуальных действий в отношении определенного юридического результата, составляющая административно-процессуальной деятельности. Административная процедура характерна для любого административного производства, в том числе и административного судопроизводства.

Однако, если по определенным основаниям и придется считать такую деятельность административно-процедурной, а нормы, которыми она будет регулироваться – административно-процедурными, эти субстанции все же будут оставаться составляющими более широкого правового явления, а именно – административного процесса.

Выводы. Следовательно, с учетом вышесказанного, административный процесс, логично определять, как урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность уполномоченных на то субъектов по рассмотрению и разрешению индивидуально-конкретных административных дел, которые формируются в ходе реализации материальных норм административного и некоторых других отраслей права в сфере публичного управления и административного судопроизводства. То есть, говоря о сущности и содержании административного процесса целесообразно объединить в этой субстанции и управленческую, и судебную ее составляющие, взяв за основу ее управленческо-судебную концепцию.

Список использованных источников

1. Административное судопроизводство: практикум: учебное пособие / под ред. В.В. Яркова, К.А. Малюшина. – М.: Статут, 2016.
2. Агапов А.Б. Административное право: учебник для бакалавриата и магистратуры. В 2-х т. Т. 1. Общая часть. – М.: Юрайт, 2019. – 472 с.
3. Административное право. Практикум: учебное пособие для академического бакалавриата / под ред. Маторина Е.И. – М.: Юрайт, 2019. – 356 с.
4. Алексеев И.А. Административное право: учебник / И.А. Алексеев и др. – М.: Проспект, 2020. – 320 с.
5. Зубач А.В. Административное право: учебник для СПО / А.В. Зубач. – М.: Юрайт, 2019. – 530 с.
6. Иванов Д.В. Административное право Российской Федерации / Д.В. Иванов. – М.: Издат. дом Университета «Синергия», 2020. – 320 с.
7. Конин Н.М. Административное право: учебник для СПО / Н.М. Конин, Е.И. Маторина. – М.: Юрайт, 2019. – 432 с.
8. Макарейко Н.В. Административное право: учебное пособие для СПО / Н.В. Макарейко. – М.: Юрайт, 2017. – 260 с.

УДК 347.9

DOI: 10.5281/zenodo.5741242

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ

ГАРЬКАВЕНКО Л.В.,

**старший преподаватель кафедры
административного права**

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Данная статья освещает вопрос административно-правового регулирования конкуренции. Автор анализирует и изучает законодательство о правовом регулировании конкуренции на территории Донецкой Народной Республики. Рассматривается зарубежный опыт регулирования конкуренции и осуществление антимонопольной деятельности.

Ключевые слова: конкуренция, монополия, антимонопольное регулирование, недобросовестная конкуренция, товарный рынок.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF COMPETITION

**GARKAVENKO L.V.,
Senior Lecturer of the Department of
Administrative Law
SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Service under the Head of the Donetsk
People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

This article highlights the issue of administrative and legal regulation of competition. The author analyzes and studies the legislation on the legal regulation of competition on the territory of the Donetsk People's Republic. The foreign experience of competition regulation and implementation of antimonopoly activities is considered.

Keywords: competition, monopoly, antimonopoly regulation, unfair competition, commodity market.

Постановка задачи. Основными задачами представленного исследования являются: рассмотрение понятия и изучение административно-правового регулирования конкуренции; анализ и изучение законодательства о правовом регулировании конкуренции, действующем на территории Донецкой Народной Республики; рассмотрение зарубежного опыта правового регулирования конкуренции и антимонопольной деятельности.

Данная работа будет способствовать комплексному и всестороннему исследованию вопроса административно правового регулирования конкуренции. В исследовании были использованы такие методы, как: анализ, сравнение, исторический метод и др.

Актуальность. В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР, Республика) продолжается процесс построения и развития рыночных отношений в рамках правового государства. Правовое государство закрепляет права и свободы человека и гражданина, обязуясь, эти права и свободы не только не нарушать, но и обеспечивать их защиту системой юридических гарантий [15, с.43]. Конституция ДНР провозглашает и закрепляет право каждого на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

В современных реалиях жизни гражданского общества и государства, рыночная система является устойчиво функционирующим способом координации действий экономических субъектов. В связи с этим, вопрос административно-правового регулирования конкуренции в ДНР, является, безусловно, актуальным. Он заключается в обеспечении урегулирования интересов, как самого государства, так и стабильности предпринимательской и экономической деятельности. Данное положение одновременно стимулирует конкурентоспособность предпринимателей и приводит к улучшению экономического климата в государстве.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретический и практический аспект административно-правового регулирования конкуренции был исследован такими российскими авторами, как: Н.И. Березов, Н. Волкова, А.А. Копылова, А.Ю. Кинев, А.Е. Лобова, К.А. Писенко и другими правоведами.

Данные авторы одни из многих, кто исследует вопрос регулирования конкуренции в России. На постсоветском пространстве данная тема уже давно подлежит изучению и имеет особый интерес, так как проявления здоровой конкуренции выступают показателем развития конкурентной среды и увеличением показателей экономики страны.

В Донецкой Народной Республике, вопрос административно-правового регулирования конкуренции является достаточно новым, актуальным и требует детального изучения.

Цель статьи. Заключается в изучении нормативной базы, которая регулирует вопрос конкуренции и антимонопольной деятельности в Донецкой Народной Республике.

Изложение основного материала исследования. Экономическая конкуренция регулируется в настоящее время правовым институтом, определяемым как «конкурентное право», или законодательство о защите конкуренции, о борьбе с ограничительной деловой практикой, антимонопольное (антитрастовое) законодательство и др.

Названия используются разные, но общий смысл состоит в том, чтобы административными мерами пресекать использование субъектами «необоснованных» по определенным критериям конкурентных преимуществ [11, с.152].

Необходимо отметить, что одним из основных признаков рыночных отношений является наличие конкуренции.

Конкуренция в самом общем смысле означает борьбу субъектов за ограниченный ресурс, т.е. предполагается, что лишь наиболее сильные из конкурентов в итоге получают к нему доступ [11, с.153].

Отметим, что само понятие «конкуренция» неоднозначно и имеет много различных трактовок.

Так, например, в российском законодательстве - непосредственно в Федеральном законе «О защите конкуренции» употребляется следующий термин: «Конкуренция – соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [8].

Приведем определение конкуренции, которое использует в своем исследовании А.И. Березов, что конкуренция – это борьба

фирм за ограниченный объем платежеспособного спроса потребителей, ведущуюся на доступных им сегментах рынка [12, с. 26].

Другой автор, Н. Волкова, определяет конкуренцию как, соперничество на одном из функционирующих рынков, между юридическими и физическими лицами, которые участвуют в достижении одной и той же цели [13, с.18].

Таким образом, можно отметить, что конкуренция – это некий вид экономического соперничества, в результате которого достигаются поставленные цели.

Что касательно, административного регулирования, то черпая свои истоки из глубины веков, публичные антимонопольные нормы стали со временем приобретать системный характер, а начиная с периода конца XIX — начала XX вв., переходного времени в развитии антимонопольной политики, - наполняться административно-правовым содержанием. С этого времени публичная система защиты конкуренции, и антимонопольное регулирование продолжают развиваться преимущественно в административно-правовом режиме [10].

Исследуя законодательную базу Донецкой Народной Республики, которая регулирует вопрос конкуренции и антимонопольной деятельности, отметим, что основой является Конституция ДНР. Она устанавливает в статье 27, что в ДНР запрещено осуществлять экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию[1].

Специальные нормы, которые регулируют конкуренцию и антимонопольную деятельность, содержатся в указах и распоряжениях Главы ДНР, постановлениях Правительства, нормативных правовых актах министерств, ведомств и актах Республиканской Антимонопольной службы ДНР (далее – РАС ДНР).

Одними из первых законодательных актов в сфере торговли, принятых Народным Советом ДНР, являются Законы ДНР «О

защите прав потребителей» [2] и «О безопасности и качестве пищевых продуктов» [3].

Особое значение в вопросе регулирования конкурентных отношений представляет Закон ДНР «Об основах государственного регулирования торговой деятельности, сферы общественного питания и бытового обслуживания населения» [4]. Нормы данного Закона, устанавливают единые правила, по которым развивается отрасль, определяют механизм и основы реализации государственной политики в сфере торговой деятельности.

Также в правовом поле ДНР были приняты такие законы как: «О рынках и рыночной деятельности», целью которого является совершенствование деятельности рынков, усиление контроля за их работой и обеспечения защиты прав потребителей [5] и «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий», - целью создания этого закона, является контроль и регулирование производства и оборота спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий на территории ДНР [6].

Также действует закон ДНР «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», который способствует устранению пробелов в законодательстве данной сферы [7].

Необходимо также указать, что остается открытым и актуальным вопрос принятия специального закона ДНР «О защите конкуренции», который непосредственно будет регулировать данную сферу правовых отношений.

Изучая зарубежный опыт, можно отметить следующие нормативные акты регулирующие вопрос конкуренции.

Первым международным актом, содержащим специальную норму о конкуренции, была Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года. Конвенция обязала государства принимать меры по пресечению недобросовестной конкуренции, которая определялась как «всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых

делах», в частности: а) действия, способные вызвать смещение в отношении предприятия, продуктов или деятельности конкурента; в) ложные утверждения, способные дискредитировать предприятие, продукты или деятельность конкурента; с) указания или утверждения, использование которых может ввести общественность в заблуждение относительно товаров (ст. 10 bis (2)) [11, с.152].

Первые законодательные акты «в защиту конкуренции» были приняты в 1889 г. в Канаде и в 1890 г. в США. Они были направлены против крупных и более эффективных в сравнении с другими сельскохозяйственных и нефтяных компаний, появление которых воспринималось как опасная для конкуренции экономическая концентрация, и вводили государственный контроль над укрупнением предприятий для предотвращения формирования монополий, а также над ценообразованием в «монополизированных» секторах. Позднее схожие законы были приняты во многих странах.

С начала 1990-х г.г. антимонопольные законы действуют в постсоветских государствах, и к настоящему времени уже накопилась законодательная и правоприменительная практика, а также литература [11, с.153].

Конкуренция товаров в мировой торговле является объектом внимания ВТО. Согласно ГАТТ, она должна обеспечиваться снижением тарифных и нетарифных барьеров, применением компенсационных мер в отношении субсидируемых товаров, а также возможностью защиты от демпинга.

Наконец, существуют еще нормы о праве, применимом к деликтам из недобросовестной конкуренции. В некоторых странах есть специальные правила; в других к делам о возмещении убытков, причиненных недобросовестной конкуренцией или нарушением антимонопольного законодательства, применяются общие коллизионные правила в отношении деликтов [11, с. 154].

Таким образом, отметим, что антимонопольное законодательство применяется во всех развитых странах и

направлено на недопущение монополизации, создание условий для здоровой конкуренции, развитие торговых объектов всех видов и форм собственности.

В Донецкой Народной Республике работа по формированию Антимонопольной политики началась с 2016 года и продолжается по настоящее время. За этот период была создана Республиканская Антимонопольная служба, которая в своей деятельности осуществляет функции контроля и соблюдения антимонопольного законодательства ДНР. В настоящее время, разрабатывается проект Закона ДНР «О защите конкуренции». Как отмечает руководитель Республиканской Антимонопольной службы Донецкой Народной Республики В. Мельникова: «для Республиканской антимонопольной службы важно принятие базового проекта закона о защите конкуренции. Это позволит использовать его законодательный инструментарий для оперативного реагирования на факты неконкурентного экономического поведения участников товарных рынков».

По словам председателя комитета Народного Совета по промышленности и торговли С. Чучина: «в современном мире экономики, конкуренция – это механизм, который помогает экономике двигаться вперёд, совершенствоваться в постоянно меняющихся внешних и внутренних условиях».

Законопроект «О защите конкуренции», призван с помощью комплексной системы экономических, правовых и финансовых мер усилить защиту добросовестной конкуренции путём предупреждения, ограничения и пресечения власти монополистов. Это в перспективе будет способствовать успешному развитию рыночных структур.

Соперничество между участниками рыночной экономики за обеспечение лучших, наиболее выгодных условий сбыта товаров и услуг побуждает производителей и потребителей постоянно искать новые пути и способы производства, сбыта и потребления. Задача государства в сфере регулирования рыночных отношений – принять нормативно-правовую базу, целью которой является

создание препятствий для различных форм недобросовестной конкуренции»[9].

В Республике государственное регулирование конкуренции в сфере торговли приобретает особое значение, ввиду, злоупотреблений в вопросах ценообразования. При рыночном ценообразовании формирование цен происходит в процессе реализации продукции, то есть на товарных рынках под действием спроса и предложения. Отсюда, мы можем видеть такое понятие как «недобросовестная конкуренция», которая влечет за собой целый ряд негативных последствий, как для субъектов предпринимательства, так и для экономики в целом.

Самый встречающийся вид недобросовестной конкуренции – использование субъектами хозяйствования в рекламе словосочетаний **«низкие цены»** и **«самые низкие цены»** без наличия возможности подтвердить правдивость распространяемой информации о ценах фактическими данными.

В рамках контроля за торговой деятельностью, с целью недопущения нарушений антимонопольных правил торговыми сетями и поставщиками, осуществляющими поставку товара в торговые сети, РАС ДНР осуществляет плановые и внеплановые проверки торговых сетей на предмет соблюдения требований статей 10 и 27 Закона Донецкой Народной Республики «Об основах государственного регулирования торговой деятельности, сферы общественного питания и бытового обслуживания населения»[4].

Так, включение в договор поставки продовольственных товаров, условий о совершении субъектом хозяйствования, осуществляющим торговую деятельность, в отношении поставленных продовольственных товаров определенных действий, об оказании услуг по рекламированию товаров, маркетингу и подобных услуг, направленных на продвижение продовольственных товаров, а также заключение договора поставки продовольственных товаров путем понуждения к

заключению договора возмездного оказания услуг, направленных на продвижение продовольственных товаров, не допускается.

Антимонопольное законодательство ДНР не разрешает действия или сделки, в результате которых возможно установление или расширение рыночной власти коммерческой организации, если негативные последствия для конкуренции не компенсируются повышением ее конкурентоспособности на внутреннем и международном рынках. Поэтому контроль не мешает интеграции предприятий Республики для конкуренции с зарубежными фирмами.

Для антимонопольной политики, безусловно, важным является также запрет на недобросовестную конкуренцию.

Таким образом, произошедшие перемены в политической и экономической жизни Донецкой Народной Республики, повлекли за собой существенные изменения в условиях и характере функционирования всех отраслей народного хозяйства, в том числе и в сфере торговли. Это, в свою очередь, требует создания целостной концепции и стратегии развития конкурентной среды в ДНР, развития механизмов государственного регулирования сферы торговли, отвечающих современным условиям.

Для успешной деятельности на рынке каждое предприятие должно адаптировать свою систему управления конкурентоспособностью, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных подсистем, целенаправленное действие которых позволяет принимать решения по корректировке уровня конкурентоспособности с целью его сохранения или изменения в зависимости от заданных масштабов деятельности или задач по их росту и управлению [14, с. 341].

Необходимо сказать, что развитие экономической сферы Республики напрямую зависит от эффективности развития внутренней и внешней торговли и действенной системы государственного регулирования конкуренции в Донецкой Народной Республике.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, изучив вопрос административно-правового регулирования конкуренции, автор приходит к следующим основным выводам.

Во-первых, можно отметить, что в правовой литературе нет единого мнения, касаясь самого определения «конкуренция», поэтому, выдвигаются разнообразные трактовки данного понятия. Но из всего многообразия понятий, можно вычлениить одну особенность – это «сопоставительность» сторон или же «соперничество».

Во-вторых, наличие такого фактора, как здоровая конкуренция в государстве, представляет собой, некий механизм достижения высокого уровня экономики. Государство создает нормативную базу при помощи, которой осуществляет регулирование конкурентной среды.

В-третьих, в зарубежных странах имеется довольно богатый опыт правового регулирования конкуренции. Для ДНР, опыт зарубежных стран может послужить хорошей основой, для разработки и внедрения своего собственного законодательства, стать базой для принятия закона ДНР «О защите конкуренции».

В связи с этим, законодателю Донецкой Народной Республики необходимо продумать эффективные меры по административному регулированию конкуренции, которые будут способствовать развитию конкурентной среды, стабилизации товарного рынка и повышению уровня экономики страны.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (Дата обращения 05.10.2021).

2. «О защите прав потребителей»: Закон ДНР (Постановление НС от 05 июня 2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebitelej/>(Дата обращения 05.10.2021).

3. «О безопасности и качестве пищевых продуктов»: Закон ДНР (Постановление НС от 08 апреля 2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-bezopasnosti-i-kachestve-pishhevyh-produktov/>(Дата обращения 05.10.2021).

4. Об основах государственного регулирования торговой деятельности, сферы общественного питания и бытового обслуживания населения: Закон ДНР (Постановление НС от 2 февраля 2018г.) [Электронный ресурс]:– Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osnovah-gosudarstvennogo-regulirovaniya-torgovoj-deyatelnosti-sfery-obshhestvennogo-pitaniya-i-bytovogo-obsluzhivaniya-naseleniya/> (дата обращения: 05.10.2021).

5. «О рынках и рыночной деятельности»: Закон ДНР (Постановление НС от 08 апреля 2016г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-rynках-i-rynochnoj-deyatelnosti/>(Дата обращения 05.10.2021).

6. «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий»: Закон ДНР (Постановление НС от 23 сентября 2016г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-gosudarstvennom-regulirovanii-proizvodstva-i-oborota-spirta-etilovogo-alkogolnoj-produktsii-i-tabachnyh-izdelij/>(Дата обращения 05.10.2021).

7. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период»: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://gisnpa.dnr.ru/npa/0003-9-1-2014-06-02/>(Дата обращения 05.10.2021).

8. «О защите конкуренции» Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/(Дата обращения 18.10.2021).

9. «Парламентарии продолжили работу над проектом антимонопольного закона о защите конкуренции», материалы сайта Народного Совет [Электронный ресурс]:– Режим доступа: <https://dnrsovet.su/parlamentarii-prodolzhili-rabotu-nad-proektom-antimonopolnogo-zakona-o-zashhite-konkurentsii/>.

10. Писенко, К. А. Развитие антимонопольного права: от механизмов противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования: Монография. М.: РУДН, 2010. 240 с.

11. Толочко, О.Н. Институт «защиты конкуренции» в международном и национальном праве: опыт, проблемы, перспективы / О.Н. Толочко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 6 (329). – С. 151–163.

12. Березов, Н.И. Конкуренция в экономике / А. И. Березов. – М.: Ника-Центр, 2018. – 768 с.

13. Волкова, Н. Конкурентоспособность предпринимательских структур / Н. Волкова - М.: LAP, 2018. - 176 с.

14. Копылова, А.А. Рыночная конкуренция. Методы конкурентной борьбы/А.А.Копылова//Научный электронный журнал. Меридиан.- 2021.- №1(54). – С.338-342.

15. Гарькавенко, Л. В. К вопросу защиты гражданских прав и интересов граждан в Донецкой народной Республике / Л.В. Гарькавенко // Сборник научных работ серии "Право". – 2021. – № 2(22). – С. 43-52.

РАЗДЕЛ 3

**Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право**

УДК: 341.01

DOI: 10.5281/zenodo.5734848

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МКА В РОССИИ, КИТАЕ И АНГЛИИ

**АСЕЕВА М.А.,
аспирант
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика**

В настоящей статье исследуются исторические аспекты формирования международного коммерческого арбитража в России, Китае и в Англии.

***Ключевые слова:** международный коммерческий арбитраж, исторические аспекты, сравнительно-правовой анализ, третейское разбирательство.*

HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE ICA IN RUSSIA, CHINA AND ENGLAND

**ASEEVA M.A.,
graduate student of State Educational
Institution of Higher Professional Education
«Donetsk National University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

This article examines formation of international commercial arbitration in Russia, China and in England.

***Keywords:** international commercial arbitration, historical aspects, comparative legal analysis, arbitration proceedings.*

Актуальность. Архиважность международного коммерческого арбитража (далее – МКА) на сегодняшний день

невозможно переоценить, так как благосостояние национальной экономики напрямую зависит от глобализации и расширения международных связей, которые в свою очередь неизбежно влекут бесчисленное количество различных споров между сторонами, как внутри одного государства, так и между резидентами различных стран.

На сегодняшний день отдельные отрасли и правовые институты в Донецкой Народной Республике переживают процесс своего второго рождения и трансформации, выраженной в поэтапном и сбалансированном переходе законодательства к российской модели и гармонизации отечественного законодательства.

Анализ последних исследований и публикаций. При изучении материала для написания данной статьи темы автором был проведен анализ исследований и публикаций ведущих авторов. Нельзя не отметить тот факт, что законодательство в исследуемой сфере длительное время не обновляется и, соответственно, нет актуальных обсуждений в научных кругах данных вопросов. Однако, несмотря на устоявшуюся нормативную базу и сложившиеся правовые традиции, по-прежнему остаются неразрешенными ряд вопросов в сфере третейского разбирательства.

Целью данной статьи является исследование исторических особенностей формирования МКА в разных странах мира для использования наиболее эффективных правовых положений при формировании в дальнейшем соответствующего законодательства Донецкой Народной Республики.

Сравнительно-правовой анализ внутригосударственных нормативных актов в сфере арбитража может обратить внимание на недостатки действующего на сегодняшний день регулирования.

Задачи. В ходе анализа законодательства в сфере арбитража, действующего в отдельных государствах и истории его развития, выявить имеющиеся недостатки правового регулирования данного направления в Донецкой Народной Республике и предложить

возможные пути формирования соответствующего национального законодательства в сфере МКА.

Изложение основного материала исследования. Институт МКА берет свое начало ещё с Древней Руси, имел много сходного с подобным институтом Римского права. Среди правовых памятников той поры можно привести Рядные, Договорные грамоты князей XI-XII веков и Уложение 1649 года. Данные документы имели в себе упоминания о третейском мирном разбирательстве хозяйственных споров.

Средние времена в России были ознаменованы тем, что третейские суды в государстве не получили распространения в урегулировании споров между участниками торгового оборота, в отличие от европейских стран, где они достаточно широко применялись. Вместе с тем их существование на территории крупных торговых центров России, а именно в Архангельске, Нижнем Новгороде, позднее в Москве и торговых центрах на р. Волга, не прекращалось. Отечественные специалисты права фундаментально подошли к научному исследованию вопросов функционирования третейских судов в России в XVIII-XIX веках. Из правовых источников данного периода истории можно выделить положение о третейском суде 1831 года. В 1922 году образуются комиссии при товарных и фондовых биржах, которые в советское время обладали правами третейского суда. В 1932 году при Всесоюзной торговой палате была создана Внешнеторговая арбитражная комиссия (ВТАК), в наибольшей степени реализовавшая на законодательном уровне идеи третейского суда. Нужно отметить, что до этого момента советское законодательство не регулировало арбитражного разбирательства внешнеторговых споров в постоянно действующих арбитражных органах, имеющих негосударственный характер. Первое решение ВТАК было принято 15 ноября 1933 года. За время своей работы ВТАК рассмотрела такие дела, в которых принимали участие организации, учреждения и компании из нескольких десятков стран Европы, Азии, Америки. Стоит

отметить, что при рассмотрении споров по существу применялось помимо советского права ещё и иностранное. В 1987 году внешнеэкономический арбитражный орган был переименован в Арбитражный суд при Торгово-промышленной палате СССР. Таким образом, современный этап ознаменовался кардинальными серьёзными изменениями в социально-экономической структуре и правовой системе государства. В 1993 году принимается Закон о международном коммерческом арбитраже, он закрепил новое положение о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее – МКАС), являющимся правопреемником Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате СССР. МКАС первым в России среди третейских судов стал лауреатом премии «Фемида-99» за вклад в создание демократического общества и развитие институтов правового государства [1, 2].

Отдельного внимания заслуживает мегарегион «Большого Китая», который включает в себя Китай, Гонконг, Макао и Тайвань. В то же время материковый Китай и сам по себе вызывает особый интерес как государство с двумя строями, тремя правовыми семьями и четырьмя правовыми системами [3].

Если обратиться к историческим особенностям становления МКА в Китае, можно отметить следующие четыре временных этапа:

1) 1949-1977 гг. Данный период охарактеризован учреждением главных арбитражных комиссий, представляющих собой альтернативу государственным судам: Китайская международная торгово-экономическая арбитражная комиссия (СИЕТАС) и Китайская морская арбитражная комиссия (СМАС). Изначально споры разрешались административным органом. В период 1949-1977 гг. была создана арбитражная система, являющаяся так называемым биомом неотъемлемых принципов арбитража и административной власти [4, 5]. Государственные органы, которые были уполномочены заниматься экономическим развитием на разных уровнях правительственного управления,

одновременно являлись и третейскими органами. Система третейского разбирательства была сформирована при отсутствии специального законодательства, поскольку была заимствована конструкция национальных судебных органов. СИЕТАС и СМАС в свою очередь рассматривали исключительно споры, в которых присутствовал иностранный элемент несмотря на то, что обладали компетенцией в том числе и по разрешению внутренних споров [5]. Рассматриваемый период времени характеризуется негацией (отрицанием) автономии воли сторон и принудительным арбитражем рассмотрения коммерческих споров. Таким образом, исследуемый период можно позиционировать как «период развития Китая внутренней государственной арбитражной системы, отделяя систему арбитража foreign-related» [6].

2) 1978-1994 гг. Эта эпоха ознаменовалась как «золотое» время МКА. Арбитраж, проведенный различными государственными органами, был одной из главных особенностей арбитража во время этого периода несмотря на то, что подобные споры постепенно переходили под юрисдикцию СИЕТАС и СМАС (как альтернативный способ разрешения споров государственным судам) [4]. Для того, чтобы отвечать особенностям экономической реформы, Китай с 1978 года принимает соответствующие новые законы и постановления. Ещё через два года в Шэньчжэне создается особая экономическая зона, и третейские органы получают возможность рассматривать торговые споры внутри государства, а также между резидентами иностранных государств. Стоит отметить тот факт, что в это время унифицированная законодательная база отсутствовала, и исследуемая категория споров регулировалась только посредством общего представления о законах и др. нормативных актах, и это представляло собой одну из острейших проблем данного промежутка времени. Нужно отметить то, что решения СИЕТАС и СМАС являлись окончательными и обжалованию не подлежали. Вместе с тем судебные решения, которые были постановлены государственными судами, до 1983 года поступали в

вышестоящую инстанцию для обжалования. В 1981 году принимается Закон «Об экономических договорах», к которому в 1983 году Государственным советом были приняты «Правила о вынесении арбитражных решений по спорам, являющихся результатом экономических договоров», согласно которым был разделён арбитраж, рассматриваемый государственными органами и арбитраж, рассматриваемый СИЕТАС и СМАС. Благодаря им у сторон появилось право обращаться в вышестоящую инстанцию – Народный суд. Вместе с тем речь не идет об обжаловании, а лишь об обращении недовольной стороны.

В 1991 году был принят Закон «О гражданском процессуальном праве», разделяющий арбитраж по внешнеэкономическим, трудовым, сельскохозяйственным спорам. СИЕТАС и СМАС до 1994 года являлись монополистами в разрешении внешнеторговых споров. Следует отметить то, что исследуемый период истории также ознаменовался присоединением в 1986 году Китая к Нью-Йоркской Конвенции 1958 года. На следующий год Верховный Народный суд КНР выносит на суд общественности положение «О правилах и толковании Нью-Йоркской Конвенции, правил признания и приведения иностранных решений для КНР».

3) 1995 г. В это время вступает в силу Закон КНР «Об арбитраже», регулирующий деятельность МКА Китая. Он закрепил основоположные принципы – такие, как автономия воли сторон, независимость арбитражей от государственных органов, окончательность и обязательность решения, а также принцип «ex aequo et bono». Главная задача принятого Закона состояла в способствовании развитию экономики и защите законных интересов сторон. С этого момента арбитраж перестает быть обязательной процедурой разрешения экономических споров, становясь «предложенной услугой». Данный период получил название «post – LawArbitratedperiod».

4) Современный период. Для этого периода характерно интенсивное развитие третейского разбирательства, принятие

специальных нормативных правовых актов. Оговоренные обстоятельства делают арбитраж в Китае крайне интересным для стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Результаты анализа истории становления МКА в Китае свидетельствуют о большой перспективности этого института в регионе. Вместе с тем нельзя оставить без внимания тот факт, что, несмотря на все правовые изменения в Китае, по трудовым и сельскохозяйственным спорам арбитражи так и остались формами государственного арбитража [3].

Еще одной из ведущих стран, суды которой участвуют в разрешении как национальных, так и международных споров, является Англия. В 1892 году в Лондоне был создан старейший третейский суд – LCIA, на тот момент он носил название «Лондонская Палата Арбитража». Современное свое наименование суд получил в 1975 году. В этот период времени он де-факто стал одним из наиболее важных постоянно действующих в мире третейских центров по рассмотрению международных коммерческих споров.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии состоит из четырех стран, формирующих в своем союзе группу из трех юрисдикций: Англии и Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии, в каждой из которых имеется собственная судебная система и порядок рассмотрения гражданских дел. Действие английского права ограничено территорией Англии и Уэльса и где применяется следующее законодательство: Правила гражданского судопроизводства 1998 года (Civil Procedure Rules 1998), Закон о конституционной реформе 2005 года (Constitutional Reform Act 2005), Закон о Верховном суде 1981 года (Supreme Court Act 1981); Английский закон об арбитраже 1996 года (Arbitration Act 1996 (of England)); Закон об арбитраже (Международные инвестиционные споры) 1966 года (The Arbitration (International Investment Disputes) Act 1966).

Можно выделить пять основных исторических периодов развития правового регулирования рассмотрения торговых споров международными коммерческими арбитражами Англии:

Первый период (X-XII вв.) характеризуется интенсификацией торгового оборота. В силу высоких издержек, сложности и длительности судопроизводства, именно третейский суд стал популярен для разрешения торговых споров.

Второй период (XVIII-XIX вв.). Образование ряда постоянно действующих, или институционных, арбитражных органов. Первыми специальными законодательными актами, регулирующими деятельность арбитража, стали статут 1698 года, после статуты 1833 и 1854 годов.

Третий период (начало и середина XX века). Дальнейшая гармонизация международного законодательства, регламентирующего аспекты деятельности арбитражей, обеспечила две основные составляющие успеха международного коммерческого арбитража: возможность рассмотрения споров арбитражем, включая арбитраж «ad hoc», и возможность реализации вынесенного таким образом решения.

Четвёртый период (с 1996 года по 2005 год). Этот этап начался с принятия одного из значимых статутов – Английского закона об арбитраже 1996 года (Arbitration Act 1996 (of England)). Принятый Закон об арбитраже не отменил в целом Закон об арбитраже 1950 года, в результате чего ряд его положений продолжает действовать.

Кроме того, в него были включены некоторые положения, относящиеся к арбитражу из других ранее принятых законов (Arbitration (International Investment Disputes) Act 1966, Arbitration Act 1975).

Пятый период (с 2005 года по настоящее время) связан с Законом о конституционной реформе 2005 года (Constitutional Reform Act 2005), внесшим кардинальные изменения в некоторые устоявшиеся за долгое время законы и процедуры, которые прямо или косвенно влияют на государственный контроль за

деятельностью международных коммерческих арбитражей в Англии.

Ещё совсем недавно в доктрине Англии имела преимущество процессуальная теория правовой природы арбитражного соглашения. Но в нынешнее время английские правоведы все чаще отмечают преимущество теории смешанной правовой природы арбитража. Английское право после вступления Англии в Европейский Союз начинает приближаться к европейской трактовке арбитражного соглашения, а именно к смешанной теории. Юридическая природа международных коммерческих арбитражей всё чаще рассматривается в Англии как особый правовой институт «*suigeneris*».

Выработанные английским правоведением комплексная и смешанная теории исходят из положения, что арбитраж является договорным явлением по своей сути, а процедурные вопросы относятся лишь к сфере его функционирования. В настоящее время в Англии поставлена задача уменьшить количество обращений в государственные суды. Там существует специальная процедура, согласно которой сторонам рекомендуется использовать международный коммерческий арбитраж, причём в последнее время эта процедура носит характер официальной рекомендации [7].

Коммерческий арбитраж заменяет длительные процедуры рассмотрения споров в государственном суде и имеет целый ряд преимуществ, основные из них перечислены ниже: а) гораздо более короткие сроки рассмотрения спора; б) позволяет избежать крупных расходов, неизбежных в гражданском судопроизводстве; в) сохранение конфиденциальности для сторон.

Выводы. В рамках информативного исторического очерка проанализированы исторические аспекты формирования института международного коммерческого арбитража.

Разбирательство в МКА представляет собой институт гражданского общества, который отображает уровень свободы граждан.

Увеличивающееся количество юридических организаций высшего профессионального образования, организовывающих специальные курсы, предназначенные альтернативному разрешению споров в целом, и МКА в частности, свидетельствует о возрастающем значении МКА.

Вместе с тем возрастает необходимость в теоретическом понимании основ, главным образом арбитражного и третейского соглашения, а также в обеспечении общеэкономической рентабельности исследуемого способа разрешения споров. Имеется потребность в усовершенствовании юридической техники действующего законодательства.

На данный момент в глобальном масштабе происходит процесс соперничества между державами за формирование наиболее благоприятных правовых условий для третейского разбирательства.

Автором исследования видится благоприятным развитием для формирования и совершенствования института МКА сближение правового регулирования третейского суда и МКА, что в свою очередь даст почву к уничтожению различий между арбитражным и третейским соглашением. Вместе с тем при реализации такого «единообразного» регулирования должны быть приняты во внимание общепринятые в мировом сообществе принципы и тенденции. Данный подход может быть использован в дальнейшем при формировании законодательства Донецкой Народной Республики в сфере урегулирования международных коммерческих споров посредством МКА.

Список использованных источников

1. Международный коммерческий арбитраж: опыт отечественного регулирования/саморегулирования: 80 лет МКАС при ТПП РФ: сб. избр. научных, нормативных, архивных, аналитических и иных материалов / Торгово-пром. палата РФ, МКАС при ТПП РФ, МГИМО (У) МИД России; каф. междунар.

частного и гражданского права; сост. и науч. ред. А.И. Муранов. – М.: Статут, 2012. – Т. 1. – 590 с.

2. Международный коммерческий арбитраж: опыт отечественного регулирования/саморегулирования: 80 лет МКАС при ТПП РФ: сб. избр. научных, нормативных, архивных, аналитических и иных материалов / Торгово-пром. палата РФ, МКАС при ТПП РФ, МГИМО (У) МИД России; каф. междунар. частного и гражданского права ; сост. и науч. ред. А.И. Муранов. – М.: Статут, 2014. – Т. 2. – 877 с.

3. Куан Цзэнцзюнь (KUANG Zengjun) Международный коммерческий арбитраж в Китае: материковый Китай, Гонконг, Макао и Тайвань: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Куан Цзэнцзюнь. – Москва, 2008. – 31 с.

4. Русакова Е.П. Международный коммерческий арбитраж в Китае / Е.П. Русакова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2012. – №4. – С. 159-164.

5. Wang Sheng Chang, A. J. van den Berg Permanent Court of Arbitration. International Bureau, International Council for Commercial Arbitration. New Horizons in International Commercial Arbitration and Beyond // Austin: Kluwer Law International, 2005.

6. Jingzhou T., Mistelis L. Concise International Arbitration. Austin: Kluwer Law International, 2010.

7. Русакова Е.П. Рассмотрение торговых споров международными коммерческими арбитражами Англии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.П. Русакова. – Москва, 2010. – 199 с.

УДК 338.246.025.2: 34

DOI: 10.5281/zenodo.5746551

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ МЕТОДОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

САЕНКО Б.Е.,

**канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика**

В статье рассматриваются методологические аспекты экономических и правовых методов, их место и роль в государственном регулировании экономики. Вносятся предложения по использованию экономических и правовых методов в реформировании государственной социально-экономической политики, её направленности на преодоление кризиса и выхода на траектории роста.

Ключевые слова: методология, метод, экономика, право, государство, регулирование, политика.

ON THE USE OF ECONOMIC AND LEGAL METHODS IN STATE REGULATION OF THE ECONOMY

SAYENKO B.E.,

**Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Civil and
Business Law**

**SEE HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

The article examines the methodological aspects of economic and legal methods, their place and role in state regulation of the economy. Proposals are made on the use of economic and legal methods in reforming the state socio-

economic policy, its focus on overcoming the crisis and entering the growth trajectory.

Keywords: methodology, method, economics, law, state, regulation, policy.

Актуальность. Современный социально-экономический кризис вызван не только ухудшением условий общественной жизнедеятельности, связанными с распространением вируса COVID-19, но и снижением эффективности государственной социально-экономической политики, прежде всего в развитых странах (США, Евросоюз, Япония), во многом определяющих мировой прогресс. Так, экономическая политика ведущих стран Запада прежде всего США, основана на либерально-рыночной модели, привела к кризису и колоссальному социальному неравенству, прежде всего в распределении доходов.

Как указывает выдающийся американский экономист Дж. Стиглиц это создает проблему как для бедных, так и для богатых из-за снижения покупательной способности и емкости рынка [1]. Это отразилось на большинстве других стран, в том числе постсоветских.

Проводимая вплоть до настоящего времени государственная финансово-экономическая политика в России основана на либерально-рыночной модели, активно внедряемой и поддерживаемой Западом с начала 90-г. XX в. в своих интересах под вывеской свободного конкурентного рынка, защищенного от вмешательства государства.

В результате отставание России от развитых стран по темпам экономического роста, объему ВВП заметно увеличилось [2]. Страна пережила дефолт 1998 г., глубокий кризис 2008 г., кризис 2014 г., продолжающийся по настоящее время и усиливающийся за счет западных санкций. В этих условиях жизненно важной задачей является разработка научно обоснованной государственной социально-экономической политики нового типа, отказ от либерализма, в том числе в экономике, который, по оценке Президента РФ В.В. Путина, изжил себя [3].

Одним из условий успешного реформирования государственной социально-экономической политики в России является методологическая разработка механизмов этого процесса, сочетающих как экономические, так и правовые методы.

Постановка задачи. Главной задачей данного исследования является методологическое обоснование экономических и правовых методов, возможности и способов их использования в целях государственного регулирования экономики. Одной из задач является разработка новой модели экономики, адекватной как интересам народа и государства России, так и Донецкой Народной Республики.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы методологии, методов и методики регулирования экономических отношений в новейших условиях XIX-XXI вв. занимают важное место в трудах классиков, которые рассматривали экономику и право в их единстве. К их числу относятся М. Алле, К. Маркс, А. Маршалл, Дж. Гэлбрейт, Дж. Кларк, Дж. М. Кейнс, В. Леонтьев, Дж. Стиглиц, Н. Кондратьев, А. Чаянов и др. В большей степени уделяют внимание правовому регулированию экономических отношений В. Андреев, С. Алексеев, Е. Бельская, Г. Знаменский, В. Мамутов, В. Лаптев, Г. Шершеневич, В. Щербина и др.

Особое место уделяется изучению права как функции государственного регулятора современной экономики. Авторы отмечают, что к настоящему времени сложилось такое положение, что понятию и проблемам государственного регулирования в юридической науке не уделяется достаточного внимания. Хотя оба термина, составляющие — это понятие, - «государственное» и «регулирование» присущи праву, но наиболее обстоятельно вопросы государственного регулирования освещены, в экономической литературе, в том числе и новейшей [4, с.184].

Целью исследования является разработка содержания и механизмов использования правовых и экономических методов государственного регулирования экономики в их органическом единстве.

Изложение основного материала исследования. Понятия предмета, метода, методологии, методике с точки зрения теории познания присущи любой науке. Поскольку теории экономики и права относятся к общественным, или социальным (от лат. *socialis* – общественный) наукам, каждая из них, наряду с другими такими же науками (историей, педагогикой, политологией), исследует мир общества, совместную жизнь в нём людей. В центре внимания экономической теории хозяйственная, производственная жизнь общества, экономические связи и отношения между людьми в процессе создания, распределения, обмена и потребления благ. Юридическая наука – система знаний об объективных закономерностях развития государства и права, их месте и роли в общественной жизни.

Однако наука – это обязательно поиск, бесконечные попытки найти что-то всё более совершенное. В хозяйственной сфере это поиск наибольшей социально-экономической эффективности, то есть наиболее благоприятного для человека сочетания хозяйственных ресурсов с общественными потребностями. Производство ведётся людьми для того, чтобы удовлетворять свои потребности, которые постоянно растут, так как растёт население, обновляются и расширяются человеческие запросы. Ресурсы же производства всегда ограничены (или редки, как говорят на Западе), и при их использовании возникают свои трудности и проблемы.

Таким образом, суть социально-экономической эффективности в том, чтобы общество могло получать максимум необходимых ему жизненных благ при минимуме ресурсных затрат, неизбежных потерь и социальных издержек (бедность, безработица, кризисы, рост цен, преступность, вредное воздействие производства на природу, на здоровье людей и т.п.). Оттолкнувшись от этого, можно сформировать сам предмет экономической науки: изучение хозяйственной жизни общества и путей достижения в ней максимальной социально-экономической эффективности [5, с.10].

С точки зрения права, особенно его специальной отрасли – хозяйственного права предмет – это одна из важнейших и в то же время одна из самых сложных сфер жизнедеятельности человека – сфера материального производства. Можно отметить, что производственная сфера жизни общества, являясь достаточно автономной, нуждается в воздействии именно хозяйственно-правовых норм. Вполне обоснованным и достаточным является утверждение о том, что непосредственным предметом регулирования хозяйственного права является хозяйственная деятельность: это та деятельность, которая связана с производством и реализацией продукции, выполнением работ и оказанием услуг, а также с обеспечением их производителей необходимыми ресурсами [6, с.24].

Это определение, воспроизводимое в течение многих лет с различными незначительными модификациями в отечественной юридической литературе, может быть принято за основу и в настоящее время.

Важной частью данного исследования является рассмотрение методологических аспектов экономики и права как общественных наук.

Сходным между экономической и правовой наукой является то, что они основаны на общей методологии научного познания, которая создает систему базисных принципов, методов, методик, способов и средств их реализации в организации и построении научно-практической деятельности.

Методология – это система методов познания и практики, т.е. система принципов, правил, приемов, способов и средств организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе.

Исходя из данного общего определения понятия методологии, можно провести параллель между методологиями экономической и юридической науки: если первая – это система принципов и способов организации, построения и осуществления теоретико-познавательной деятельности в области исследования

экономической действительности, а также учение об этой системе, то юридическая методология – это система теоретико-познавательной деятельности, а также учение об этой системе в области исследования правовых форм регулирования общественной деятельности, в том числе экономической деятельности.

Во избежание путаницы в понятиях экономической и юридической методологии, их роли в разработке методов решения главной задачи – повышения социально-экономической эффективности производства, выхода из кризиса, следует определить общие методологические подходы для экономической теории и юриспруденции. Это даст возможность определения взаимодополняемых экономических и юридических методов для решения указанной выше главной задачи.

Методологические подходы – это объединенные общими принципами взаимосвязанные методы исследований, которые являются центральным элементом методологии. В экономической и юридической науках зачастую используются сходные методологические подходы – исторический, логический, сравнительный, ценностный (аксиологический), системный, поведенческий, институциональный, структурный, функциональный, комплексный и др.

В экономической и юридической науке общим является диалектический метод, который предполагает объективное, всестороннее и конкретное определение экономических и государственно-правовых действий и событий, выявление присущих им связей, наличие в них противоречий, оценку государственно-правовых норм регулирования экономики с качественной и количественной сторон, выявление зависимости формы явления от его сущности.

В юридической литературе, как и в экономической, нет терминологического единства в отношении методов государственного регулирования экономики в их взаимоотношении и взаимосвязи.

Оживленная дискуссия о соотношении и роли экономики и права, развернувшаяся в научной сфере, свидетельствует об актуальности этого вопроса.

Вслед за классической политической экономией (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс и др.) представители различных экономических школ включились в дискуссию о роли права в решении фундаментальных проблем хозяйствования.

Анализ данной проблематики в практическом и в общетеоретическом плане – задача весьма сложная и многоаспектная. Попыткам её решить посвящен огромный пласт научной литературы, однако тема по-прежнему остается актуальной, степень разработанности вопросов о соотношении экономики и права не позволяет однозначно сформулировать выводы относительно приоритета одного из этих явлений.

Право, как и экономика, и государство производно от общественного развития. Для большинства научных направлений общим представлением о праве является положение о том, что право – это социальное явление, без которого невозможно существование цивилизованного общества.

Многообразие правовых реалий привело к широкому разнообразию научных теорий права: теория естественного права, психологическая теория права, позитивистская теория права, социологическая теория права и др.

Тем не менее, при любом подходе к определению права под ним подразумевается некий общественный регулятор, поддерживающий определенный общественный порядок посредством потенциального принуждения.

В этой связи следует обратить внимание на мнение донецких ученых (Г.Л. Знаменский, В.К. Мамутов и др.), которые справедливо выделяют элемент, объединяющий разрозненные методы правового регулирования экономики в единый метод – общественный хозяйственный порядок. Это – господствующий в обществе уклад материального производства, основанный на положениях Конституции, нормах права, моральных принципах,

деловых правилах и обычаях, одобренных высшей законодательной властью в стратегических экономических решениях, гарантирующий гармонизацию частных и публичных интересов, создающий партнерские и добропорядочные отношения в хозяйствовании [4, с.37].

Альтернатива общественному хозяйственному порядку – хаос в экономике. Общественный хозяйственный порядок – это наилучший юридический ответ на задачу формирования в Донецкой Народной Республике государственно-корпоративной модели экономики, содержащей гармоничное сочетание публично-правового (государственного) и частноправового (корпоративного) регулирования хозяйственной деятельности.

Понятие общественного хозяйственного порядка с отменой Хозяйственного кодекса Украины- с 1 июля 2020 года исчезло из законодательства Донецкой Народной республики, что резко сужает возможность оптимального правового регулирования хозяйственной деятельности, создает предпосылки для перегруженности хозяйственного законодательства узконаправленными актами, в которых отпала бы необходимость при наличии кодифицированного нормативного правового акта - Хозяйственного кодекса Донецкой Народной Республики.

За основу его разработки может быть взят Хозяйственный кодекс Украины, созданный, в том числе, представителями донецкой научной школы хозяйственного права во главе с В.К. Мамутовым и получивший широкое отечественное и зарубежное признание.

В целом, говоря о значимости и роли экономических и правовых методов, следует рассматривать их с точки зрения позитивного воздействия на государственное регулирование экономики и формирование эффективной государственной экономической политики.

Некоторые авторы считают, что «терминологическое обозначение мер государственного регулирования экономики не имеет принципиального значения. Но представляется

необходимым и принципиальным помимо термина «формы» (средства, инструменты и т.п.), употреблять термин «методы» к государственному регулированию экономики и предпринимательской деятельности. Кроме того, необходимо различать методы и формы такого регулирования и не ставить знак равенства между ними» [7, с.104].

Что касается методов государственного регулирования экономики, автор указывает, не претендуя на безоговорочность, категоричность и безапелляционность такого вывода, на три основных метода, используемых в предпринимательском (хозяйственном) праве: метод автономных решений (метод согласования), метод обязательных предписаний, метод рекомендаций. Этот подход к методам хозяйственно-правового регулирования основан на мнении известного учёного-юриста в этой области В.В. Лаптева [8, с.27-30].

Его исходная позиция заключается в том, что в этой отрасли права действует три разных метода (из тех, что упоминались выше), которые находятся в определённой согласованности, взаимосвязи и соподчиненности. Так, в условиях централизованного руководства экономикой важнейшее значение, по мнению В.В. Лаптева, имеет метод обязательных предписаний [9, с.22]; когда же наметился переход к рыночным условиям хозяйствования, то основным становится метод автономных решений (метод согласования) [10, с.38-39].

Однако при таком подходе ещё не решаются все вопросы метода хозяйственно-правового регулирования. И в теперешних либерально-рыночных условиях трудно определить, в какой конкретно мере может проявить себя метод обязательных предписаний, если основным становится метод автономных решений (метод согласования). Сложно будет найти какую-либо согласованность (пропорциональность) в применении того или иного метода.

Выход из такого положения был найден учеными донецкой школы хозяйственного права, предложившими идею создания

единого метода хозяйственно-правового регулирования. Исходной точкой стало то, что системную организацию единого метода можно создать путем подчинения всех первичных (автономных) методов какому-либо одному руководящему началу (принципу, наиболее полно отражающему потребности развития хозяйственных отношений в современной экономике).

В результате проведенных исследований был разработан ключевой метод, способный интегрировать все другие методы. Этот метод должен заключаться в равном подчинении всех субъектов хозяйствования общественному хозяйственному порядку, определение которого было указано выше.

Правовой и экономической смысл единого хозяйственно-правового метода заключается, прежде всего, в том, чтобы создать равные стартовые возможности для субъектов хозяйствования. Посредством этого метода горизонтальные и вертикальные правоотношения настраиваются таким образом, чтобы частные (корпоративные) интересы предприятий и всех других субъектов хозяйствования признавались, удовлетворялись и защищались, но вместе с тем следовали общественным (публичным) интересам.

Ключевой метод хозяйственно-правового регулирования делает принципиально однородными правовые связи в горизонтальных и вертикальных аспектах хозяйствования. В горизонтальных хозяйственных отношениях создается иное равенство, чем в гражданских отношениях, - оно призвано не разделять, а объединять интересы субъектов, превращать их в партнеров, которые в равном подчинении порядку могут найти свой общий интерес.

Чисто административное управление (например, осуществление государственного надзора и контроля в соответствии с законом ДНР [11]), находится за пределами предмета хозяйственного права. Последнее включает в свой предмет лишь те отношения, которые складываются по поводу вертикали особого рода – экономической вертикали, существенно отличающейся от административной.

Главное в экономической вертикали – отношения партнерства между органами государственного управления и субъектами хозяйственной деятельности. Властный элемент в этих отношениях не исчезает в них, но его источником является уже не орган государственного управления, а требование общественного хозяйственного порядка.

Таким образом, вертикальные хозяйственные отношения строятся не на подчинении одной стороны другой, а, как правило, на взаимных обязательствах, в принципе таких же, какие возникают в отношениях по горизонтали – каждая из сторон получает и права, и обязанности. Действия и акты органов государственного управления, не основанные на требованиях и правилах общественного хозяйственного порядка, должны признаваться противозаконными и повлечь за собой в необходимых случаях применение мер ответственности. Отсутствие в законодательстве ДНР правовой нормы общественного хозяйственного порядка, путей и способов его реализации серьезно усложняет регулирование экономических отношений по горизонтали и вертикали, способствует возникновению противоправных явлений как в действиях предприятий разных форм собственности, так и органов государственного экономического управления.

При отсутствии общественного хозяйственного порядка методы воздействия на экономику может применять не государство, а монополии и организованная преступность. Эти явления существуют не сами по себе, а возникают и получают подпитку от процессов саморегуляции, т.е. возникают автоматически, естественным образом. Наглядный пример тому – 90-е годы XX в., когда экономика страны была фактически отдана на откуп криминалу. Преодоление возникающей на этой базе экономической преступности, коррупции, иных противоправных действий по сей день является одной из актуальных задач. Если государство не будет подавлять (правовыми методами) эти

превдоуправляющие факторы, они заменяют государственное воздействие [12, с.23].

Следует всегда учитывать, что существование современного правового государства невозможно без разграничения функций законодательства, государственного управления и юрисдикции. Все ветви государственной власти оказывают (все вместе или порознь) влияние на экономику, в том числе на условия хозяйственной деятельности.

Однако в данном случае весьма важно понять, что такое влияние должно оказываться не непосредственно, а через всё тот же общественный хозяйственный порядок. По существу, это механизм, призванный не допускать прямого подчинения интересов хозяйствующих субъектов интересам государства, которые не всегда, как показал драматический опыт Донецкой Народной Республики, совпадают с интересами общества.

Конечной целью применения экономических и правовых методов является эффективное регулирование социально-экономических процессов и разработка соответствующей государственной политики.

Существует точка зрения, согласно которой нельзя ставить знак равенства между методами государственного регулирования экономики и методами правового регулирования. В любом случае это несовпадающие по содержанию понятия [13, с.38].

Данное утверждение представляется, по крайней мере, спорным. Оно происходит из сложившейся и продолжающейся ныне несогласованной практики управления народно-хозяйственным комплексом.

Во-первых, при таком подходе, когда разделяются методы государственного регулирования экономики и хозяйственно-правовые методы, умаляется роль правового обеспечения государственного регулирования экономики.

Во-вторых, если осуществлять государственное регулирование экономики методами, не являющимися правовыми, правопорядок в экономике вряд ли будет обеспечен.

В-третьих, указание на методы гражданского и административного права (равенства и подчинения) и приводит, в конечном итоге, к административно-правовому регулированию экономики.

На основе подобного вывода ещё в 30-е годы XX века на официальном уровне в СССР было решено осуществлять регулирование хозяйственных отношений методами гражданского и административного права.

Эта модель управления экономикой во многом действует и сейчас, увеличена лишь её гражданско-правовая составляющая под предлогом поддержки частной формы собственности в структуре отношений собственности, в том числе на средства производства. Тем самым используется либерально-рыночная модель, не отвечающая современным вызовам социально-экономического прогресса.

Одним из влиятельных научных направлений в области разработки современной модели экономики является экономика права, возникшая в 1970-х годах XX века. Практически данный подход выражается в последовательном переносе микроэкономического аналитического инструмента на внерыночные отношения, каковыми является право. Классической работой в области экономики права является книга Р. Познера «Экономический анализ права» [14].

Р. Познер вывел критерий эффективности правовых решений. По его мнению, они должны советовать критерию экономической эффективности, который он определяет либо как «принцип максимизации богатства», либо как «принцип минимизации транзакционных издержек» и отмечает, что правовые институты следует реформировать только исходя из соображений эффективности.

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что право активно использует инструментарий экономики для повышения эффективности применения правовых норм и доктрин, однако сегодня не менее интересным и отчасти спорным

является вопрос обратного влияния экономических факторов на сами правовые нормы. Здесь следует иметь в виду, что и экономические, и правовые методы направлены, в первую очередь, на государственное регулирование экономики. Как уже отмечалось, необходимо различать методы и формы такого регулирования. С помощью форм государственного регулирования экономики достигаются цели такого регулирования. Формы государственного регулирования должны быть пригодными и достаточными для достижения целей. Так, цель государственного регулирования природоохранной деятельности – создание благоприятных условий её развития. Названная цель предопределяет, что приоритетными формами такого регулирования являются экономические и правовые формы [15].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме).

1. Экономические и правовые методы эффективны лишь в том случае, если с помощью их применения достигаются цели государственного регулирования. Обобщающим методом эффективного регулирования экономической деятельности всех субъектов, в том числе государства, является общественный хозяйственный порядок.

2. Экономическая политика представляет собой процесс целенаправленного воздействия государственных и общественных институтов для достижения определенных целей. Теоретико-методологической основой экономической политики является модель, которая формируется и видоизменяется по мере развития производительных сил и производственных отношений. Критерием эффективности модели является её способность стать основой для ускоренного социально-экономического развития в интересах всего общества.

3. Государственная регуляторная политика определяется как одно из направлений государственной политики, направленное на регулирование хозяйственной деятельности с помощью

экономических и правовых методов. Одной из перспективных проблем является исследование теории и практики повышения роли правовых методов в государственном регулировании экономики.

4. Важным направлением дальнейшего исследования по теме данной статьи является разработка методики применения экономических и правовых методов в планировании социально-экономической политики Донецкой Народной Республики, основанной на современной государственно-корпоративной модели и отказе от либерально-рыночной модели. Такой переход требует разработки и реализации адекватных экономическо-правовых механизмов.

Список использованных источников

1. Стиглиц, Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Дж. Стиглиц. – М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2016. – 256с.

2. Список стран по темпам роста ВВП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.m.wikipedia.org/wiki/.

3. Путин, В. Интервью газете «The Financial Times» 28 июня 2019 года / В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/ntws/60836>.

4. Хозяйственное право: Учебник / В.К. Мамутов, Г.Л. Знаменский, К.С. Хахулина и др.; Под ред. Мамутова В.К. – К.: Юринком Интер, 2002. – 912с.

5. Куликов, Л.М. Основы экономической теории: Учеб. Пособие / Л.М. Куликов. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 400с.

6. Теоретические проблемы хозяйственного права // Под ред. В.В. Лаптева. – М.: Наука, 1975. – С. 24.

7. Шишкин, С.Н. Правовые методы и формы государственного регулирования экономики / С.Н. Шишкин. – Вестник ЮУрГУ. – 2011. - №27. – С. 104.

8. Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник / под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. – М.: 2008. – С. 27-30.
9. Лаптев, В.В. Хозяйственное право: Общие положения / В.В. Лаптев. – М.: Наука, 1981. – С. 22.
10. Лаптев, В.В. Хозяйственное право – право предпринимательской деятельности / В.В. Лаптев // Государство и право. – 1993. - № 1. – С. 38-39.
11. О государственном надзоре сфере хозяйственной деятельности: закон Донецкой Народной Республики от 21 августа 2015 года - №I-307П-НС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-gosudarstvennom-nadzore-v-sfere-hozyajstvennoj-deyatelnosti/>.
12. Веленто, И.И., Елисеев, В.С. Теория экономического права: тексты лекций / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Гродно, 2004. – С. 23.
13. Белых, В.С. Предпринимательское право России / В.С. Белых. – М.: 2008. – С. 38, 332.
14. Познер, Р.А. Экономический анализ права. В 2-х тт. / Р.А. Познер. – СПб., 2004. – Т.1. – 522с.
15. Об охране окружающей среды: закон Донецкой Народной Республики от 30 апреля 2015 года - №38-ІНС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/>.

РАЗДЕЛ 3

Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

УДК 336.71

DOI: 10.5281/zenodo.5742819

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ В ДНР И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

КАЛАШНИКОВА И.В.,

старший преподаватель

кафедры административного права

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика;

БОГОСЛАВСКАЯ К.Э.,

МУСЕЙЧУК Д.Ю.,

обучающиеся группы ЮР-18-1

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В данной статье проведён анализ норм действующего законодательства ДНР относительно банковской тайны, ее понятие правовой природы, а также процессуальных аспектов, связанных с ними; приведены пробелы и противоречия, существующие в правовом институте банковской тайны, а также предложены определенные направления совершенствования правовых норм в этой сфере.

Ключевые слова: банковская тайна, интересы физических и юридических лиц, персональные данные о клиенте, должностные лица, банки, финансово-кредитные учреждения, раскрытие банковской тайны.

LEGAL REGIME OF REGULATION OF THE INSTITUTE BANK SECRECY IN THE DPR AND DIRECTIONS FOR ITS IMPROVEMENT

KALASHNIKOVA I.V.,

Senior Lecturer

Department of Administrative Law

**SEE HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

BOGOSLAVSKAYA K.E.,

MUSEYCHUK D.YU.,

training groups YuR-18-1

**SEE HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

This article analyzes the norms of the current legislation of the DPR regarding bank secrecy, its concept, legal nature, as well as procedural aspects associated with them; the gaps and contradictions existing in the legal institution of banking secrecy are given, as well as certain directions for improving the legal norms in this area are proposed.

***Keywords:** banking secrecy, interests of individuals and legal entities, personal data about a client, officials, banks, financial institutions, disclosure of banking secrets.*

***Постановка проблемы.** На сегодняшний день все более актуальным становится вопрос о правовом регулировании банковской тайны, которое требует серьезных научных исследований, поскольку разработка механизмов, позволяющих обеспечить максимальную защиту прав и законных интересов граждан в отношениях с банками, приобретает стратегическое значение для развития банковской системы Донецкой Народной Республики.*

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемам правового регулирования банковской тайны значительное внимание уделяли в своих трудах В.Л. Кротюк, Д.А. Гетьманцев, А. Шаповалова, С. Харламова, Ю.В. Ващенко, Е. Карманов, И. Гловюк, Р.В. Афанасьев, А. Корыстин, Т.И. Присяжнюк, И. Бесклубый, В.И. Жуков, А.А. Костюченко, Н. Левицкая, В. Мороз, Г.А. Светличная и др.

Актуальность темы исследования определяется, в первую очередь, сопоставимой новизной для правовой системы ДНР института банковской тайны вообще, а также важности данной темы для системы банковского законодательства нашего государства, достижением стабильности банковской системы ДНР и максимальной адаптацией ее к нормам российского и международного права.

Целью статьи является анализ современного состояния правового регулирования института банковского тайны, выявление основных пробелов и противоречий в данной сфере и формирование на этой основе теоретических выводов и практических рекомендаций по применению банковского законодательства и направления его дальнейшего развития.

Изложение основного материала исследования. Банковская система в любой стране является важной составляющей экономики и имеет значительное влияние на жизнедеятельность и развитие общества. С целью обеспечения стабильного и эффективного функционирования этой системы государство создает условия и предоставляет гарантии, главной из которых является банковская тайна.

Правовой институт банковской тайны является обязательным атрибутом правовой системы любой экономически развитой страны, содержание которой обусловлено особенностями экономико-правовой доктрины и формированием нормативной базы.

Наличие института банковской тайны является не только обязательной государственной гарантией для обеспечения

свободы и неприкосновенности личной жизни граждан, провозглашенной как конституциями большинства демократических стран мира, так и международными договорами. Обеспечение информации режимом банковской тайны в стране является одним из необходимых атрибутов для сохранения защиты коллективных экономических интересов лиц, осуществляющих деятельность в сфере бизнеса через правовой институт юридических лиц.

Институт банковской тайны является одним из главных институтов банковского права, поэтому проблема его эффективности является чрезвычайно важной для каждого государства.

В Донецкой Народной Республике этот вопрос является одним из первоочередных к решению, ведь анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы банковской тайны, позволяет выявить целый ряд проблем и пробелов, которые должны быть учтены в будущем при разработке и принятии новых или изменении существующих нормативно-правовых актов в сфере регулирования вопросов банковской тайны.

Основной нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность банков в ДНР, на сегодняшний день Закон ДНР «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики» от 26 апреля 2019 г. № 32-ПНС (далее Закон) не включает положений, касающихся банковской тайны [1].

На сегодня основополагающим документом, определяющим правовой режим банковской тайны в ДНР является Временное положение о банковской тайне в Донецкой Народной Республике, утвержденное Постановлением Совета Министров ДНР от 04.12.2015 г. № 24-1 (далее Временное положение) [2].

Применение норм, регулирующих банковскую тайну в Донецкой Народной Республике, связано, прежде всего, с трудностью определения этого понятия и нечеткой правовой регламентацией.

При определении банковской тайны следует исходить из следующего:

1) банки стремятся максимально ограничить доступ к сведениям о своих операциях с целью получения высоких доходов;

2) учреждения банков сохраняют в тайне сведения о клиентах и об операциях банков, а работники банковских учреждений в интересах клиентов не имеют права разглашать сведения о состоянии их счетов и осуществляемых ими операций и тому подобное.

Необходимо подчеркнуть, что в научной доктрине используется следующее понятие банковской тайны: под банковской тайной подразумевают сведения, связанные с информацией о деятельности и финансовом состоянии клиента, которая стала известна банку в процессе обслуживания клиента и взаимоотношений с ним или третьим лицам при предоставлении услуг банка, разглашение которой может причинить материальный или моральный ущерб клиенту.

В соответствии с п. 1 Временного положения, банковская тайна – это информация о деятельности и финансовом состоянии клиента, которая стала известна Центральному Республиканскому Банку ДНР или финансовому учреждению в процессе обслуживания клиента и взаимоотношений с ним или третьими лицами при предоставлении услуг банка или финансового учреждения, а также осуществления контрольных функций [2].

По мнению А. Шаповаловой, подобная формулировка определения банковской тайны имеет достаточно существенный недостаток. Так, предоставленное определение защищает интересы исключительно клиентов банка, то есть физических или юридических лиц, пользующихся услугами банка. Наличие такой формулировки лишает права на защиту информации о лицах, которые в прошлом были клиентами банка, но перестали ими быть в порядке, установленном законодательством и/или заключенным с банком договором (например, после расторжения договора про

расчетно-кассовое обслуживание, или прекращения действия кредитного договора и т.п.) [3, с. 140].

Кроме того, в круг информации, охваченной режимом банковской тайны, не включены сведения о лицах, которые, планируя стать клиентами банка, предоставляли банку определенный объем информации о себе, однако не стали клиентами в силу определенных обстоятельств [3].

К банковской тайне относят: 1) сведения о банковских счетах клиентов, а также о корреспондентских счетах банков; 2) операции, которые были проведены в пользу или по поручению клиента; 3) финансово-экономическое состояние клиентов; 4) информация об организационно-правовой структуре юридического лица – клиента, его руководителях, направлениях деятельности; 5) сведения о коммерческой деятельности клиентов или коммерческой тайне любого проекта, об изобретениях, образцах продукции и другая коммерческая информация; 6) информация относительно отчетности Центрального Республиканского Банка или финансового учреждения, за исключением подлежащей опубликованию.

Кроме того, к банковской тайне относятся:

- 1) коды, используемые Центральным Республиканским Банком или финансовым учреждением для защиты информации;
- 2) системы охраны банка, финансового учреждения и клиентов.

Проанализировав приведенный выше перечень, можно выделить некоторые недостатки в самой формулировке норм, закрепленных в п. 2 Временного положения.

Так, в перечень сведений, составляющих банковскую тайну отнесены операции, которые были проведены в пользу или по поручению клиента, осуществленные им соглашения, а также финансово-экономическое состояние клиента, которые сами по себе не могут быть банковской тайной, поскольку банковская тайна – это информация, а потому эти положения целесообразнее было бы сформулировать как «сведения об операциях, которые

были проведены на пользу или по поручению клиента, осуществленные им сделки, сведения о финансово-экономическом состоянии клиента».

Уместным будет обратить внимание также на положения, в которых отмечается, что банковской тайной является система охраны банка и клиентов. Относительно охраны банка не возникает никаких вопросов.

Однако не понятно, что законодатель имеет в виду под «системой охраны клиента». Ведь под охрану попадают сведения о клиенте, а не сам клиент.

Кроме того, по нашему мнению, в этом положении перечень информации, относящейся к банковской тайне, не является исчерпывающим.

В перечень информации, относящейся к банковской тайне, целесообразно включить:

1. Персональные данные клиента – физического лица, то есть сведения о фактах и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его как личность.

Так, согласно ст. 9 Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях» №71-ИНС от 07.08.2015 г., к персональным данным лица принадлежат национальность, образование, семейное положение, религиозность, состояние здоровья, а также адрес, дата и место рождения [5].

В банковской деятельности персональные данные о клиенте имеют свои особенности и могут выходить за рамки вышеуказанной статьи. Например, можно отнести к персональным данным клиента также паспортные данные [6, с. 56], которые в первую очередь необходимые банку для открытия депозитного, текущего и другого счета клиента – физического лица.

К сведениям, которые необходимо предоставить клиенту в процессе заключения и исполнения договора, можно отнести карточки с образцами подписей, количество счетов клиентов, информацию о содержании и условия заключенных договоров, информацию о кредитовании и других операций по счету, о

внесении третьими лицами денежных средств на счет владельца и т.д. [6, с. 64].

2. В случае, если клиентом банка является юридическое лицо, то в содержание сведений о клиенте попадают, прежде всего, уставные документы, свидетельство о регистрации, свидетельство налогоплательщика, карточки с образцами печати и подписей, которыми устанавливается, кто имеет право первой и второй подписей, срок их полномочий.

К сведениям, которые должны охватываться режимом банковской тайны, должны относиться информация о номерах открытых и закрытых счетов клиента, даты их открытия и закрытия; фамилии, имя и отчество руководителя и главного бухгалтера клиента-юридического лица, номер контактного телефона; юридический и фактический адрес клиента; периодичности выдачи выписок со счетов; справки из налоговых органов и пенсионного фонда; сроки выплат заработной платы; сведения о контрагентах клиента и периодичность и размеры выплат между клиентом и его контрагентами; номер и дата заключения договора на обслуживание клиента банком и тому подобное.

Кроме того, к таким сведениям должна относиться вся информация о содержании и условиях заключенных кредитных договоров; о договорах поручительства и гарантии, стороной в которых выступает клиент; личные сведения о конкретных лицах, выступающих от имени клиента, а именно: паспортные данные руководителя, главного бухгалтера, доверенности на подписание соглашений и паспортные данные лиц, которым выданы эти доверенности.

Следующий аспект, на который нужно обратить внимание – это защита банковской тайны.

В соответствии с действующим законодательством обязанность по хранению банковской тайны положена только на банки, тогда как в законодательствах зарубежных стран (на примере Швейцарии) такая обязанность возложена на банки,

частные банковские дома, сберегательные кассы, некоторые финансовые компании [5, с. 68].

Поэтому, по нашему мнению, указанные пробелы законодательства необходимо устранить, распространив правовой режим банковской тайны на соответствующие правоотношения по поводу деятельности других, кроме банков, финансово-кредитных учреждений.

Необходимо детально рассмотреть способы, с помощью которых банки обеспечивают банковскую тайну.

Банки обязаны обеспечить сохранение банковской тайны путем:

1) ограничения круга лиц, имеющих доступ к информации, составляющей банковскую тайну;

2) организации специального делопроизводства с документами, содержащими банковскую тайну;

3) применения технических средств для предотвращения несанкционированного доступа к электронным и другим носителям информации;

4) применения предостережений относительно сохранения банковской тайны и ответственности за ее разглашение в договорах и соглашениях между банком и клиентом.

Служащие банка при поступлении на должность подписывают обязательства по сохранению банковской тайны. Руководители и служащие банков обязаны не разглашать и не использовать с выгодой для себя или третьих лиц конфиденциальную информацию, которая стала известна им при исполнении своих служебных обязанностей.

Частные лица и организации, которые при выполнении своих функций или предоставления услуг банка непосредственно или косвенно получили конфиденциальную информацию, обязаны не разглашать эту информацию и не использовать ее в свою пользу или в пользу третьих лиц.

Важный вопрос, который не нашёл должного правового регулирования в нормативно-правовых актах ДНР – раскрытие

банковской тайны. Согласно п. 14 Временного положения, Центральный Республиканский Банк ДНР имеет право раскрывать информацию о финансовом учреждении или связанных с финансовым учреждением лицах, органам государственной власти, уполномоченным осуществлять досудебное следствие, в случае выявления нарушения законодательства, которое содержит признаки уголовного преступления. Однако данное положение не охватывает все возможные случаи раскрытия банковской тайны.

Поскольку наше государство стремительно развивается в направлении интеграции с Российской Федерацией, необходимо обратить внимание на статью 26 Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1, более детально регламентирующую данный вопрос [8]. Ориентируясь на положения ст. 26 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности», целесообразно рассмотреть дополнение Закона ДНР «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики» аналогичными нормами:

«1. Справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются ЦРБ ДНР им самим, судам и арбитражным судам (судьям), Счетной палате ДНР, налоговым органам, Пенсионному фонду ДНР, Фонду общеобязательного социального страхования и органам принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности, а при наличии согласия руководителя следственного органа – органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве.

2. Справки по операциям и счетам юридических лиц и физических лиц-предпринимателей по операциям, счетам и вкладам физических лиц выдаются на основании судебного решения ЦРБ ДНР должностным лицам органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, при

выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений по их запросам, направляемым в суд в порядке, предусмотренном статьей 10 Закона ДНР «Об оперативно-розыскной деятельности» от 24.08.2018 г. № 239-ІНС, при наличии сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Перечни указанных должностных лиц устанавливаются нормативными правовыми актами соответствующих органов исполнительной власти» [8].

Необходимо отметить, что целесообразно закрепление обязательства работников банка и контролирующих органов хранить банковскую тайну независимо от того, продолжает лицо работать в банковской сфере или нет.

Вместе с тем, по нашему мнению, не в полной мере определен круг лиц, которые должны подписывать обязательства по сохранению банковской тайны при вступлении в должность.

Безусловно, к такому кругу лиц относятся руководители банка. Однако срок работы служащего банка не определен законодательно, а потому нуждается в дальнейшей детализации.

К категории «служащие банка» необходимо относить должностных лиц, которыми согласно ст. 334 Уголовного кодекса ДНР являются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях [9].

Таким образом, законодатель не обязывает банки подписывать соответствующие документы лиц, не имеющих ни административно-хозяйственных, ни организационно-распорядительных полномочий. Весьма проблематичным

выглядит подписание такого документа в силу закона и с членами ревизионной комиссии банка.

Конечно, перечислять на уровне закона все должности, при поступлении на которые лица должны подписывать обязательства вряд ли целесообразно.

Однако в целях устранения описанной выше коллизии в тексте Временного положения о банковской тайне в ДНР [1] слова «служащие банков» предлагается заменить словами «работники банков».

Другим вопросом, на который закон не дает ответа, является срок хранения информации, отнесенной к банковской тайне. По нашему мнению, на уровне законодательства необходимо было бы установить точный срок хранения такой информации, например, бессрочно или как минимум 10 лет.

Основания для получения информации, содержащей банковскую тайну, предусмотрены в п. 8 Временного положения о банковской тайне. К органам, которым возможно раскрытие банковской тайны по их письменному требованию, относятся Прокуратура ДНР, Министерство государственной безопасности ДНР, Министерство внутренних дел ДНР, Министерство доходов и сборов ДНР, Министерство финансов ДНР, Министерство труда и социальной политики ДНР, Пенсионный фонд ДНР, Фонд общеобязательного социального страхования, Центральная избирательная комиссия ДНР.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что в исследовательской работе приведен перечень недостатков, которые способствуют тенденции к нарушению законных способов защиты банковской тайны, являющейся одной из основ доверия клиентами банка информации, владельцами которого они являются. Решением данных проблем является закрепление четко сформулированных положений, которые будут закреплены в Законе Донецкой Народной Республики «О Центральном

Республиканском Банке» и Гражданском Кодексе Донецкой Народной Республики, что усилит устойчивость и стабильность банковской системы, а интересы всех участников банковских правовых отношений станут более защищенными.

Список использованных источников

1 О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 26 апреля 2019 г. № 32-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatyey/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tsentralnom-respublikanskom-banke-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

2. Временное положение о банковской тайне в Донецкой Народной Республике, утвержденное Постановлением Совета Министров ДНР от 04.12.2015 г. №24-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0003-24-1-20151204/>.

3. Шаповалова А. Понятие банковской тайны: проблемы защиты в уголовном процессе / А. Шаповалова // Хозяйство и право. – 2016. – №10. – С. 138-141.

4. Гетманцев Д.О. Банковская тайна: особенности ее нормативно-правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Д.О. Гетьманцев. – М., 2018. – 206 с.

5. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 7 августа 2015 г. г. №71-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatyey/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/>.

6. Коровяковский Д.Г. Проблемы правового регулирования банковской тайны / Д.Г. Коровяковский // Финансы и кредит. – 2018. – № 8. – С. 55-64.

7. Лисицына Н.В. Банковская тайна как объект правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Лисицына. – М., 2015. – 220 с.

8. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.

9. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

УДК 347.78

DOI: 10.5281/zenodo.5746933

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ШИРКОВА И.В.,

канд. филос. наук, доцент кафедры правовых и политических наук

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье рассматриваются объекты авторского права как элемент института права интеллектуальной собственности, объективные формы выражения произведения и способы осуществления охраны авторского права с целью обеспечения развития творческой деятельности человека и реализации конституционной свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества

***Ключевые слова:** авторские права, объекты авторского права, произведения, объективная форма выражения произведения, охрана авторского права.*

PROTECTION OF COPYRIGHT OBJECTS: LEGAL ASPECT

SHIRKOVA I.V.,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor of the Department of
Legal and Political Sciences
Donetsk National University of
Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article deals with the objects of copyright as an element of the institute of intellectual property law, objective forms of expression of the work and ways of implementing copyright protection, in order to ensure the development of human creative activity and the realization of the constitutional freedom of literary, artistic, scientific, technical and other types of creativity

Keywords: copyright, objects of copyright, works, objective form of expression of a work, copyright protection

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, востребованностью использования объектов интеллектуальной собственности, в частности, объектов авторского права в области науки, литературы и искусства, а с другой стороны, недостаточной научной разработкой ряда вопросов, касающихся понимания содержания, формы выражения, элементов объектов авторского права, а также охраны и защиты авторского права, в связи с тем, что подотрасль гражданского права – право интеллектуальной собственности – является довольно-таки молодой и в мировой, и в отечественной правовой системе, и потому требует анализа вышеуказанных вопросов для обеспечения развития научного и культурного потенциала человека и общества; для осуществления основных конституционных прав и свобод человека.

Для раскрытия темы исследования были *поставлены следующие задачи*: рассмотреть перечень объектов авторских

прав; определить характерные черты произведения как основного объекта авторских прав; выяснить, на что не распространяются авторские права; осветить правовую охрану на объекты авторских прав.

Обзор последних исследований и публикаций. Научной базой данной работы стали труды советских и российских юристов. Гаврилов Э.П., Серебровский В.И., Гордон М.В. в своих работах анализируют вопросы советского авторского права; Позднякова Е.А. уделяет внимание институтам защиты авторских и смежных прав и ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности на основе международного и российского законодательства; Свечникова И.В. обращает внимание на историю становления и развития авторского права, субъектный состав авторского права, а также на договорные обязательства автора произведения; Щербак Н.В. на основе анализа российского и зарубежного законодательства рассматривает теоретические основы авторского права.

Цель статьи: определить нормативно-правовое закрепление и регулирование элементов института авторского права с целью должного обеспечения охраны и защиты неимущественных и исключительных прав интеллектуальной собственности.

Изложение основного материала исследования. Объекты авторских прав, как и другие категории объектов интеллектуальной собственности, являются одновременно и нематериальными благами, и товаром, поэтому для обеспечения сохранения интеллектуального потенциала, формирующего культурное и научное наследие государства, необходимо должным образом обеспечить охрану прав интеллектуальной собственности, в частности, объектов авторских прав.

Объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения [1].

Статья 1351 ГК ДНР содержит перечень объектов, которые относятся к объектам авторских прав, в частности:

- 1) литературные произведения;
- 2) драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения;
- 3) хореографические произведения и пантомимы;
- 4) музыкальные произведения с текстом или без текста;
- 5) аудиовизуальные произведения;
- 6) произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства;
- 7) произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства;
- 8) произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов;
- 9) фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;
- 10) географические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам;
- 11) другие произведения.
- 12) программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения.
- 13) производные произведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения;
- 14) составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда [1].

Таким образом, перечень объектов авторских прав связан с различными произведениями (музыкальные, литературные, драматические и др.), но само понятие «произведение» не раскрывается. На основе теоретических наработок ученых сформулируем определение: «произведение» – это результаты творческой деятельности, выраженные в объективной форме [2], которые представляют собой определенную «совокупность идей,

мыслей и образов» [3], получившие свое «объективное выражение в готовом труде» [4].

Иными словами, произведениями науки, литературы и искусства являются лишь такие творческие достижения, которые имеют свою внутреннюю структуру, форму и содержание и признаются таковыми в соответствующих областях научного, литературного и художественного творчества.

По смыслу закона произведениями науки являются любые произведения, основное содержание которых состоит в выработке и систематизации объективных данных о действительности, включая произведения научной литературы. Произведениями литературы признаются художественные произведения, выраженные в словесной форме. К произведениям искусства относятся все остальные произведения художественного творчества, включая произведения архитектуры, живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, музыки, кино, театра и т.д. К объектам авторского права также отнесены программы для ЭВМ, что обеспечивает, с одной стороны, защиту от копирования программ, а с другой стороны, незащищенность ее структурных составляющих [5].

То есть к произведениям относятся нематериальные блага, имеющие структурированную систему идей и образов, воплощенные в вещественную форму (рукопись, рисунок, скульптура и т.п.). Следовательно, авторское право охраняет произведение как нематериальный объект, выраженный в любой объективной форме, и при этом обладающий творческим характером.

Объективная форма выражения произведения тесным образом связана с возможностью его воспроизведения: письменной (рукопись или нотная запись), устной (публичное произнесение речи, публичное исполнение музыки), звуко- и видеозаписи (механической, магнитной, цифровой, оптической и т.п.), изображения (рисунок, чертеж, фотокадр и др.) [5]

Иначе говоря, авторским правом охраняются любые выраженные в форме произведения, в том числе и те, объективная форма которых не связана с материальным носителем.

В юридической литературе понятие «творчество» рассматривается как деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью.

При этом следует отметить, что четких критериев отграничения творческих произведений от нетворческих, кроме приведенных ссылок на новизну, оригинальность, неповторимость и т.п., не существует. Отсюда следует, что авторское право не предъявляет высоких требований к уровню творчества и предполагает его (новизну) наличие в любом произведении.

Перечень охраняемых объектов авторского права не носит исчерпывающий характер, а является примерным, ориентировочным, это связано с тем, чтобы творческий результат, не подпадающий ни под один из перечисленных в законе видов произведений, но отвечающий всем, предусмотренным законом, требованиям, признавался произведением и пользовался такой же охраной, как и прямо названные в законе объекты авторского права.

Объект авторского права обычно имеет специальный знак охраны авторского права, который помещается на каждом экземпляре произведения и состоит из трех элементов:

– латинской буквы «С» в окружности (©) (первая буква слова «copyright») а также используют литеру С в круглых скобках – «(с)».);

– имени (наименования) обладателя исключительных авторских прав;

– года первого опубликования произведения [6, с. 57].

В соответствии с гражданским законодательством для возникновения, осуществления и охраны авторского права не требуется регистрации произведения, иного специального оформления произведения или соблюдения каких-либо других

формальностей. Аналогичное значение имеет и регистрация программ для ЭВМ и баз данных в органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Регистрация программных средств осуществляется исключительно по желанию правообладателя, но факт регистрации может сыграть полезную роль при разрешении спора об авторстве на компьютерную программу и другие объекты авторского права или их незаконном использовании.

Следовательно, на авторское право распространяется принцип презумпции авторства, сущность которого заключается в том, что автор произведения после выпуска его в свет считается таковым до тех пор, пока кто-то не оспорит его авторство в суде

Также гражданское законодательство закрепляет, что авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическую информацию о недрах, что означает нераспространение авторской правовой охраны на структурные элементы (идеи, выводы и др.) целостного творческого произведения, а некоторые из перечисленных элементов (способы, процессы и др.) могут обеспечиваться правовой охраной патентного права.

Также не являются объектами авторских прав:

1) официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе законы, иные нормативные правовые акты, судебные решения, другие материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы;

2) государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное), а также символы и знаки муниципальных образований;

3) произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов;

4) сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное).

Сами сообщения не охраняются авторским правом, так как имеют информационный характер, т.е. неоригинальны, представляют собой простое, механическое, нетворческое изложение событий и фактов [6, с. 42-46].

Наряду с охраной произведений науки, литературы и искусства в целом авторское право предоставляет охрану и отдельным частям произведений, при условии, что они по своему характеру могут быть признаны самостоятельным результатом творческой деятельности и отвечают установленным требованиям.

С охраной отдельных частей произведения в смысле его фрагментов вопрос решается, как правило, достаточно просто: нарушением авторского права должно считаться использование любой части произведения, если только оно не подпадает под один из случаев свободного использования произведений (ст. 1365-1371 ГК ДНР).

Проблема охраны отдельных элементов произведения как таких его составных частей, которые могут быть выделены из него лишь искусственно, является более сложной. Исследованием этой проблемы занимались многие ученые, в частности, Владимир Яковлевич Ионас. На основании его научных трудов можно определить, что авторское право предоставляет правовую охрану таким элементам произведения, как:

а) название произведения – при условии, что оно является результатом творческой деятельности (оригинальным);

б) художественные образы произведения, воплощающие мысли и идеи создателя произведения в конкретно-чувственной форме, в том числе и посредством системы персонажей произведения;

в) язык произведения, отражающий свойственные его создателю приемы и средства художественного воплощения образов произведения;

г) сюжет произведения – при условии, что он неотделим от системы образов произведения и не сводится к элементарной схеме развития событий (фабуле);

д) персонаж произведения – при условии, что он является результатом творческой деятельности конкретных лиц;

е) другие элементы произведения, являющиеся результатами творческой деятельности и способные к самостоятельному использованию (например, оригинальная мелодия музыкального произведения) [7].

Использовать результат интеллектуальной деятельности, в частности, произведения, другими лицами возможно только с согласия автора или правообладателя на основании лицензионных договоров. Законом предусмотрены случаи, разрешающие использовать произведения науки, литературы и искусства без согласия автора с целью предоставления возможности развития науки, образования и творчества, а также для расширения доступа к информации.

Таки образом, законодатель устанавливает разумный компромисс между правами создателей результатов интеллектуальной деятельности, которые должны способствовать компенсации творческих затрат на них, и доступностью таких результатов пользователям для повышения интеллектуального уровня общества [8].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Охрана авторского права имеет двойственное отношение. С одной стороны, объекты авторского права не имеют исчерпывающего перечня, а значит, авторским правом охраняются любые выраженные вовне произведения, в том числе и те, объективная форма которых не связана с материальным носителем.

Для охраны авторского права не предусмотрены специальные процедуры, например, регистрация, получение охранного документа и др., то есть на авторское право распространяется принцип презумпции авторства, сущность которого заключается в том, что автор произведения после выпуска его в свет считается таковым до тех пор, пока кто-то не оспорит его авторство в суде.

Относительность и расплывчатость объектов авторского права и отсутствие специальной процедуры охраны авторского права делают уязвимым автора произведения, что приводит к ограничению и нарушению прав и законных интересов как правообладателя, так и общества, и государства.

С другой стороны, отсутствие четких критериев отграничения творческих произведений (охраняемых законом авторские права) от нетворческих (не охраняемых законом авторские права), отсутствие высоких требований к уровню творчества и предположение новизны, как критерия охраноспособности в любом произведении, расширяет творческие возможности человека для формирования научного и культурного наследия человека и общества.

Список использованных источников

1. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики № 46 (3). Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики (книга третья, книга четвертая). – Донецк: Издат. дом «Эдит», 2020. – 254 с.

2. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век / Э.П. Гаврилов. – М.: Юрсервитум, 2016. – 876 с.

3. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский; Акад. наук СССР, Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 283 с.

4. Гордон М.В. Советское авторское право / М.В. Гордон. – М.: Госюриздат, 1955. – 232 с.

5. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/other/xm2019-12-11.html/>

6. Свечникова И.В. Авторское право / И.В. Свечникова. – М.: Издат. М.: Дашков и К, 2009. — 208 с.

7. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве / В.Я. Ионас. – М.: Юрид. лит., 1972. – 168 с.

8. Бузова Н.В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования / Н.В. Бузова // «Журнал Суда по интеллектуальным правам». – 2019. – № 23. – С. 46-55.

РАЗДЕЛ 4

Трудовое право; право социального обеспечения

УДК 331.109

DOI: 10.5281/zenodo.5741387

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

ДЯТЛОВ В.В.,

старший преподаватель кафедры

административного права

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

ГОНЧАРЕНКО А.Д.,

студентка 3 курса, группы УП-18

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье рассматривается проблема правовых отношений между работником и работодателем, которая является особо актуальной. Развитие экономики, улучшение состояния членов общества, рост национального богатства может быть лишь при высокой продуктивности социума в условиях мира.

Основной темой для написания данной работы служит понятие индивидуальных трудовых споров и конфликтов, а также пути их решения. Также в изложенном материале были рассмотрены судебное и досудебное урегулирование конфликта.

Ключевые слова: право, индивидуальные правовые споры, конфликт, работник, работодатель, законность, правовые нормы ДНР.

THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF INDIVIDUAL LABOR DISPUTES

DYATLOV V.V.,

**Senior Lecturer of the Department of
Administrative Law**

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

GONCHARENKO A.D.,

3rd year student UP-18 groups

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

The article deals with the problem of legal relations between an employee and an employer, which is particularly relevant. The development of the economy, the improvement of the condition of the members of society, the growth of national wealth can only be achieved with high productivity and peace in society.

The main topic for writing this paper is the concept of individual labor disputes and conflicts, as well as ways to resolve them. Also in the presented material, the judicial and pre-trial settlement of the conflict was considered.

***Keywords:** law, individual legal disputes, conflict, employee, employer, legality, legal norms DPR.*

Постановка задачи. При нынешнем уровне развития конкуренции на рынке труда, а также в связи с напряженными отношениями между людьми в современном обществе, особое значение приобретает тема о трудовых конфликтах в организации. Для эффективного разрешения этой проблемы необходимо не только умело подбирать соответствующие методы управления коллективом, но и знать правовую почву решения таких ситуаций.

Анализ последних исследований и публикаций. На современном этапе проблему защиты трудовых прав в условиях

рыночных отношений разрабатывали многие ученые-правоведы: Андрейцев В.И., Бару М.И., Болотина Н.Б., Венедиктов В.С., Гончарова Г.С., Григорьева Л., Жернаков В.В., Зуб И.В., Карпенко Д.А., Кондратьев Р.И., Лазор Л.И., Лавренчук И., Маркина Т.Г., Мацюк А.Р., Мурашин О., Процевский А.И., Пилипенко П.Д., Прокопенко В.И., Ротань В.Г., Стычинский Б.С., Слесарь А.М., Стадник М.П., Стефанюк В., Хуторян Н.М., Чанышева Г.И., Щербина В.И., Ярьсько А.В. и другие.

В основе проведенных исследований российских и иностранных ученых лежат такие определения, как «трудовой спор» и «трудовой конфликт». Изучение вышеназванных понятий считается значимым для понимания данной проблемы и ее правильного решения.

Актуальность. В Конституции Донецкой Народной Республики в качестве основной задачи государственной политики определено построение правового, социального и демократического государства, что предполагает построение и реформирование государственной правовой системы, в том числе трудового права, как составляющей такой правовой системы. Кроме этого Конституция включает в себя широкий спектр трудовых прав, осуществление которых должно быть подкреплено современными правовыми нормами. Осуществление эффективной рыночной экономики, а также правовой системы, разрешение трудовых конфликтов и споров невозможно без научной и теоретической части в данной сфере.

Целью данной статьи является определение современного подхода к разрешению и урегулированию индивидуальных трудовых конфликтов и споров в Донецкой Народной Республике; изучение правоотношений в момент трудовых индивидуальных разногласий; усовершенствование процесса рассмотрения и разрешения споров в организации, а также реализация гарантий, прописанных в законодательстве.

Изложение основного материала исследования. Разногласия между субъектами трудовых отношений зависят от характера и

предмета спора, поэтому могут разделяться на трудовые конфликты и трудовые споры. Термины «разногласие» либо «расхождения» при рассмотрении трудовых правоотношений выступают синонимами к термину «спор». Трудовой конфликт является объединяющим для всех понятий, связанных с разногласиями в трудовой сфере.

Вне зависимости от предмета и субъектного состава трудовых расхождений, споры и конфликты решаются путем судебного, внесудебного рассмотрения.

Правовая природа данных правоотношений основана на материальных нормах трудового права. Рассмотрение индивидуальных трудовых споров и трудовых конфликтов имеет свои особенности.

Принципы разрешения трудовых конфликтов изменяются в зависимости от внешних и внутренних факторов. Это связано с развитием общества и рыночных отношений. Из этого можно сделать вывод, что трудовое законодательство требует реформирования и модернизации. Среди новых принципов можно выделить принцип социального партнерства [3, с. 120].

Для истинного понимания данной темы и правильного восприятия информации необходимо углубиться в понятие индивидуальных трудовых споров и конфликтов.

При ознакомлении с работами ученых, занимавшихся данной проблемой, можно с легкостью определить понятие «трудовой конфликт» и «трудовой спор». Это неотъемлемая часть изучения данной проблемы.

Основной целью всех исследований в этой сфере является определение способов защиты от нарушения трудовых прав и интересов субъектов трудовых взаимоотношений.

Разрешение трудовых споров можно осуществлять различными, обязательно правовыми, путями, при этом не стоит игнорировать даже несущественный спор, так как это может привести к усугубленной застоявшейся проблеме, которая со временем приобретет постоянный характер.

Для лучшего понимания причин и поиска путей решения споров необходимо выяснить, что является объектом и предметом трудовых конфликтов, а также их основных признаком.

Объектом трудового спора необходимо признать адекватную реализацию трудовых правоотношений, которая обеспечивает интересы всех основных субъектов трудового права.

В свою очередь, предметом трудового права выступают субъективные права, юридические обязанности сторон трудового правоотношения, которые не могут быть реализованы вследствие наличия неурегулированности разногласий между работниками и работодателями [4, с. 37].

К основным признакам трудового конфликта можно отнести:

одна из сторон – работник, другая – работодатель либо орган, который представляет интересы работодателя на региональном, национальном уровне;

трудовой спор возникает при реальном или воображаемом трудовом правонарушении;

разногласия решаются лишь законными методами, но в первую очередь необходим примирительный разговор;

разногласия, возникшие между субъектами трудового права и нерешенные путем переговоров, передаются на рассмотрение соответствующим юридическим органам [4, с. 38].

Правовая природа данных категорий требует современных решений трудовых конфликтов. Для правильного решения проблемы необходимо определиться с основными причинами возникновения трудовых споров и конфликтов.

Индивидуальный трудовой спор может возникнуть по причине недостаточной осведомленности работников в вопросе условий труда или действующего законодательства.

Также к основной причине можно отнести пренебрежительное отношение работодателя к действующему законодательству. Т.е. причинами трудового спора могут быть абсолютно разные моменты в процессе трудовой деятельности. Условия, которые влияют на трудовые отношения, возникают

спонтанно и вызывают разногласия между работником и работодателем [5, с. 178].

К основным причинам возникновения трудового конфликта можно отнести:

- недочеты в структуре организации;
- недочеты в процессе производства;
- недочеты в действующем законодательстве и др.

Анализируя вышеперечисленные причины, можно прийти к выводу, что данные проблемы все еще являются актуальными не только сегодня, но и будут оставаться таковыми и в ближайшем будущем, поскольку недопонимание и настороженность присущи нашему обществу. Обстоятельства при этом могут быть различными и касаться социальной, правовой (юридической), экономической сферы. Для предотвращения конфликта необходимо в первую очередь применить все способы предотвращения конфликта и устранения вводных проблем, факторов, зарождения конфликта.

Если же конфликт в организации нельзя предотвратить или же решить его путем переговоров, то дальнейшее решение этого конфликта должно происходить путем судебного разбирательства.

Индивидуальные трудовые споры о применении действующего законодательства о труде решаются в порядке, предусмотренном главой XV КЗоТ «Индивидуальные трудовые споры» [2].

Можно выделить три вида порядка рассмотрения трудовых споров и конфликтов.

1. Общий порядок, согласно которому трудовой спор последовательно рассматривается в комиссии по трудовым спорам (ст. 221, 223-230 КЗоТ). Рассмотрение споров может закончиться в комиссии, если стороны не обжалуют ее решения и спор не будет перенесен в суд. В других случаях – каждая из сторон имеет право обратиться в суд в связи с несогласием с решением комиссии по трудовым спорам. Комиссия по трудовым спорам избирается общим собранием (конференцией) трудового коллектива

предприятия, учреждения, организации с числом работающих не менее 15 человек [2].

Порядок избрания, численность, состав и срок полномочий комиссии определяются общим собранием (конференцией) трудового коллектива предприятия, учреждения, организации. При этом количество рабочих в составе комиссии по трудовым спорам предприятия должно быть не менее половины его состава.

Комиссия по трудовым спорам избирает из своего состава председателя, его заместителей и секретаря комиссии.

По решению общего собрания (конференции) трудового коллектива предприятия, учреждения, организации могут быть созданы комиссии по трудовым спорам в цехах и других аналогичных подразделениях. Эти комиссии избираются коллективами подразделений и действуют на тех же основаниях, что и комиссии по трудовым спорам предприятий, учреждений, организаций[2].

2. Судебный порядок, при котором трудовой спор непосредственно рассматривается судом (ст. 232-239 КЗоТ).

Непосредственно в районных, районных в городе, городских или городских районных судах рассматриваются трудовые споры по заявлениям:

1) работников предприятий, учреждений, организаций, где комиссии по трудовым спорам не избираются;

2) работников о восстановлении на работе;

3) собственника или уполномоченного им органа о возмещении работниками материального ущерба, причиненного предприятию, учреждению, организации;

4) работников по вопросу применения законодательства о труде, которое в соответствии с действующим законодательством предварительно было решено владельцем или уполномоченным им органом;

5) работников об оформлении трудовых отношений при выполнении ими работы без заключения трудового договора и установления периода такой работы.

3. Особый порядок, предусматривающий особенности рассмотрения трудовых споров отдельных категорий работников (судей, прокурорско-следственных работников, а также работников учебных, научных и других учреждений прокуратуры, имеющих классные чины) (ст. 222 КЗоТ) [2].

На практике судебная модель является наиболее эффективной и действенной. Также нужно отметить, что у судебных органов гораздо больше полномочий для решения трудовых конфликтов. Механизмы судебной власти вносят обоснованные, объективные решения по делу.

При этом существуют предприятия, на которых отсутствуют комиссии по трудовым спорам, и в данном случае суд является чуть ли не единственным органом, который может помочь в решении трудового конфликта.

Особо остро проблема урегулирования конфликтов в организации проявляется в сельской местности. Рынок труда на данных территориях предполагает как минимум двух работников на одно место. Потеря работы приносит сотрудникам особые трудности при дальнейшем трудоустройстве, поскольку они осознанно скрывают и замалчивают нарушения прав работодателем [5, с. 21].

Эффективное применение судебного порядка урегулирования трудовых конфликтов невозможно без учета особенностей и выполнения всех стадий рассмотрения данного аспекта.

В Конституции Донецкой Народной Республики, в Кодексе законов о труде и других законодательных актах в последнее время был закреплен ряд прогрессивных норм в области рассмотрения и решения трудовых конфликтов. Основным изменением стала возможность обращения с любыми трудовыми спорами в суд. Ранее такой возможности не было, ведь изначально трудовой конфликт необходимо было рассматривать комиссией по трудовым спорам [7, с. 28].

Прогрессивной статьей, направленной на защиту прав сотрудника, является статья 237-1 Кодекса законов о труде. Она

была принята не так давно, но при этом внесла значительный вклад в трудовые взаимоотношения. В данной статье речь идет о возможности возместить моральный ущерб сотруднику, если работодателем были нарушены законные права сотрудника.

Обязательством работодателя или уполномоченного органа является осуществление ряда действий.

Данные действия должны быть направлены на защиту прав сотрудника, а особенно важно соблюдать все этапы при увольнении сотрудника. Все действия работника и работодателя, а также всех граждан должны пересекаться с основным постулатом Конституции – «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1].

При рассмотрении конфликта как объективного явления мы исходим из того, что одним из фундаментальных законов философской науки является закон единства и борьбы противоположностей.

Согласно этому закону, составные части чего-либо находятся в постоянном взаимодействии между собой. Такое взаимодействие предполагает как постоянное единство, так и постоянную борьбу (или конфликт), что и обеспечивает последовательность развития материи и общества, то есть конфликт вообще и социальный конфликт в частности является формой взаимодействия его сторон (субъектов). Примером такого взаимодействия можно считать и трудовые споры.

Следовательно, любая конфликтная ситуация по своей сути является динамическим явлением, она влияет на состояние социальных систем, порождает в них изменения. Социальные конфликты сегодня стали распространенным явлением. Наличие различных конфликтных ситуаций в обществе обуславливает необходимость их детального анализа [7, с. 256].

Трудовые права и обязанности закреплены законодательством и обеспечиваются юридическими гарантиями, где центральное место занимает правосудие. При рассмотрении статистических данных можно сделать вывод о том, что

большинство трудовых споров, решенных через суд, удовлетворяются в пользу работника. Это может свидетельствовать о том, что судебная защита прав сотрудников является эффективной и действенной.

При этом некоторые решения судов не отвечают требованиям законности, не дают четкого ответа, касаясь трудового конфликта.

Из этого следует, что органы по решению трудовых конфликтов, которые призваны применять санкции по отношению к нарушителю законодательства и возобновлять нарушенное право сотрудника, не всегда справляются с поставленной задачей.

Также к проблемам можно отнести решение типовых конфликтных ситуаций и отсутствие юридической регуляции данного вопроса.

Иногда наблюдается полное отсутствие ответственности, как личной, так и юридической. Безответственность становится одной из самых сильных причин зарождения и усугубления конфликта [6, с. 130].

Тема трудовых конфликтов была рассмотрена не случайно. Будучи регулятором общественных и социальных отношений, право активно проявляет себя при возникновении конфликта, в том числе и трудового характера.

Во время конфликта правовые нормы проверяются на эффективность и способность общества и государства гарантировать человеку реализацию его прав, в том числе в сфере применения способности к труду [7, с. 331].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). На современном этапе наше общество приходит к пониманию права как способу достижения взаимопонимания и компромисса. Участники трудовых взаимоотношений все чаще прибегают к переговорному процессу. Но существуют определенные ситуации, при которых обращение в суд становится неизбежным.

Поэтому государство с помощью права создает механизм, нацеленный на взаимный учет интересов сторон – участников трудовых отношений.

Трудовые споры и в дальнейшем будут оставаться одной из наиболее актуальных проблем в правоотношениях между работниками и работодателями. Поскольку становление трудового законодательства Донецкой Народной Республики находится на начальном этапе, внесение эффективных трудовых норм является необходимым для дальнейшего развития полноценных правоотношений.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г., принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>. – (Дата обращения: 20.04.2021).

2. Кодекс законов о труде Украины от 10.12.1971 г. № 322-VIII, принят Верховной Радой Украины (ред. 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/322-08). – (Дата обращения: 13.04.2021).

3. Амаглобели Н.Д. Трудовое право: учебник для вузов / Н.Д. Амаглобели и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 503 с.

4. Важенкова Т.Н. Трудовое право / Т.Н. Важенкова. – Минск: Тетра Системс, 2017. – 192 с.

5. Воробьев В.В. Трудовое право: курс лекций / В.В. Воробьев. – М.: Форум; Инфра-М, 2018. – 303 с.

6. Гейхман В.Л. Трудовое право: учебник / В.Л. Гейхман, И.К. Дмитриева. – М.: Юрайт, 2017. – 520 с.

7. Москвин В.А. Анатомия трудового конфликта: практическое пособие / В.А. Москвин. – М.: Курс, 2017. – 404 с.

8. Окунев Д.В. Мотивационная программа в системе формирования устойчивых социально-трудовых отношений в организации / Д.В. Окунев. – М.: СИНТЕГ, 2012. – 364 с.

9. Окунев Д.В. Мотивационный аспект регулирования социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях / Д.В. Окунев. – М.: ИЛ, 2012. – 967 с.

10. Аспект Регулирования Социально-Трудовых Отношений На Промышленных Предприятиях / Д. В.Окунев - Москва: ИЛ, 2012. - 967 с.

УДК 349.2

DOI: 10.5281/zenodo.5746603

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ КАК ОТДЕЛЬНОЕ ОХРАННОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ

СИЧКАР В.А.,

**канд. юрид. наук., доцент кафедры
административного права**

**ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,**

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Исследуется проблема правоотношений юридической ответственности. Анализ юридической ответственности в трудовом праве как отдельного охранного правоотношения. Выделяются конкретные аспекты проблемы реализации правоотношений юридической ответственности, которые возникают в сфере применения наемного труда. Сформулирован тезис о необходимости определения места правоотношений юридической ответственности в действующем законодательстве о труде.

Ключевые слова: *трудовые правоотношения, юридическая ответственность, охранительные правоотношения, ответственность в*

трудоном праве, дисциплинарная ответственность, материальная ответственность.

LEGAL LIABILITY IN LABOR LAW AS A SEPARATE LEGAL PROTECTION RELATIONSHIP

SICHKAR V.A.,

**Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Administrative Law**

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

The problem of legal relations of legal responsibility is investigated. Analysis of legal liability in labor law as a separate security relationship. The specific aspects of the problem of the implementation of legal relations of legal responsibility that arise in the sphere of employment are highlighted. The thesis on the need to determine the place of legal relations of legal responsibility in the current labor legislation is formulated.

Keywords: labor relations, legal responsibility, protective legal relations, responsibility in labor law, disciplinary responsibility, material responsibility.

Постановка задачи. Право, как общий регулятор поведения субъектов общественных отношений, должен быть подкреплен механизмом его реализации. Одной из мер обеспечения надлежащего выполнения субъектами права своих обязанностей является юридическая ответственность.

Исследования юридической ответственности имеют большое научно-практическое значение как для общей теории права, так и отдельных отраслей правовой науки. По своей природе юридическая ответственность – многоаспектная правовая категория. Существуют различные теоретико-правовые подходы к пониманию этого правового явления.

Одним из таких является толкование юридической ответственности как особого охранного правоотношения.

Обзор последних исследований и публикаций. Исследованию правоотношений, в том числе в области трудового права, посвящены фундаментальные труды М.Г. Александрова, Л.Я. Лушникова А.М., Горшенева, С.А. Иванова, М.П. Карпушина, Р.З. Лившица, А.Р. Мацюка, О.С. Пашкова, П.Д. Пилипенко, А.И. Процевского, Ю.П. Орловского, В.М. Скобелкина, А.В. Смирнова, Г.И. Чанышевой и других ученых.

В большинстве работ названных авторов вопрос юридической ответственности в трудовом праве как отдельного охранного правоотношения сложен не внятно, либо же существуют огромные противоречия в собственных суждениях. Специальная же литература, касающаяся данного вопроса, либо отсутствует, либо занимает незначительную долю в опубликованных работах. Однако в работах Процевского А.И., а также Лушникова А.М. достаточно хорошо разработаны конкретные понятия, концептуальные подходы юридической ответственности в трудовом праве.

Актуальность. Несмотря на значительное количество общетеоретических и отраслевых исследований, выяснение правовой природы правоотношений, связанных с юридической ответственностью, их места среди всего массива правовых отношений является достаточно актуальным направлением научных исследований. Отдельные теоретические аспекты этой проблемы до сих пор остаются нерешенными. К таковым следует отнести: определение характера охранного правоотношения (материального или процессуального); момента и основания возникновения; особенности соотношения с регулятивными правоотношениями. Следовательно, неопределенность отдельных аспектов правоотношений юридической ответственности и наличие научной дискуссии по этой проблеме обуславливают необходимость дополнительных исследований в этом направлении.

Целью статьи является выяснение аспектов нахождения юридической ответственности в действующем законодательстве о

труде, а также в ходе работы сложить аспекты проблемы реализации правоотношений юридической ответственности, которые возникают в сфере применения наемного труда.

Изложение основного материала исследования. Проблема ответственности в любой области права по своей сути является проблемой правоотношения, порожденная правонарушением как определенным юридическим фактом [1, с. 47]. В общем понимании юридическая ответственность представляет собой регламентированное нормами права общественное отношение, в котором на правонарушителя возлагается обязанность претерпеть соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, которое корреспондирует с обязанностью компетентного органа привлечь виновное лицо к ответственности. Следует согласиться с Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским в том, что юридическую ответственность необходимо изучать с позиции правоотношения, поскольку ее невозможно представить в виде одностороннего явления – как ответственность перед самим собой [2, с. 62]. В этом смысле логичной является мысль о том, что юридической ответственности нет и не может быть за пределами действующего права. Как и правовое регулирование в целом, юридическая ответственность возможна только там, где объективно существует возможность доказывания и выполнения правоотношений средствами юридического процесса, причем ее реализация требует специального аппарата, способного применять правовые нормы и при необходимости принуждать к их выполнению и соблюдению [3, с. 417].

Вполне оправданным является суждение, что выяснение сущности охранительных правоотношений позволяет более глубоко раскрыть понятие юридической ответственности и ее содержание. Кроме того, связь этих категорий позволяет установить место юридической ответственности среди других правовых явлений, с правильных методологических позиций подойти к решению вопроса о классификации видов ответственности [4, с. 43 - 44].

Среди теоретиков права существуют разные взгляды относительно понимания правоотношений юридической ответственности. М.Г. Александров первым высказал идею о том, что нарушение правовой нормы ведет к возникновению особого охранительного правоотношения, которое имеет целью применение к нарушителю определенной санкций [5, с. 91 - 92]. С.С. Алексеев связал охранные правоотношения с охранной функцией права. Они составляются на основе охранных юридических норм, возникающих вследствие юридического факта-правонарушения. В рамках этих правоотношений осуществляется юридическая ответственность и применяются меры защиты субъективных прав [6, с. 268 - 269]. Специфика охранных правоотношений проявляется в том, что, по сравнению с регулятивными правоотношениями, которые отличаются друг от друга рядом юридических признаков - не только по основаниям возникновения (то есть по признаку того, возникают ли они на основе правомерного или неправомерного поведения субъектов), но и по содержанию субъективных юридических прав и обязанностей, по их соотношению между собой. В частности, охранительные правоотношения всегда являются отношениями власти; в их содержание входят меры государственного принудительного воздействия – санкции [7, с. 56].

Не все представители правовой науки придерживаются точки зрения, что юридическая ответственность реализуется в рамках правоотношений. Так, С.М. Братусь занимает диаметрально противоположную позицию. По его убеждению, ответственность – не правоотношение, а атрибут, свойство обязанности на той стадии его реализации, когда правоотношение не выполняется добровольно даже при желании обязанного лица, и поэтому применяется государственное принуждение. Превращение ответственности в правоотношение не вызвано необходимостью. Такая конструкция, с точки зрения С.М. Братуся, является искусственной, поскольку нового правоотношения при наступлении ответственности не возникает, а реализуется

правоотношение, содержанием которого является или ранее существующая обязанность, или обязанность, возникшая в связи с правонарушением. Вследствие чего исследователь под ответственностью понимает принудительно исполняемую обязанность, что существовала ранее или возникла вследствие правонарушения и является элементом правоотношения, которое нарушено [8, с. 102 -103]. Следует подчеркнуть, что такая позиция является спорной и не является достаточно обоснованной. Юридическая ответственность в рамках правоотношений возникает как результат их конкретизации. Поскольку ответственности предшествовала обязанность лица не совершать деяний, за которые она предусмотрена, вид и мера ответственности устанавливаются государством, предусматриваются санкциями правовых норм и в этом смысле являются объективными в отношении правонарушителя [9, с. 129].

Большинство исследователей отрасли трудового права лишь констатировали существование охранного трудового правоотношения. Заметим, что М.Г. Александров, а также А.А. Абрамова, Л.Я. Гинцбург, Е.А. Кленов, В.Г. Малов, Р.З. Лившиц, П.Р. Стависский и другие ученые рассматривали отношения с дисциплинарной ответственностью и возмещением материального ущерба в качестве элементов единого сложного длящегося трудового правоотношения [10, с. 265 - 266]. По мнению А.М. Лушниковой и М.В. Лушниковой, ответственность в трудовом праве является проявлением существования элементарных материальных охранительных правоотношений по дисциплинарной и материальной ответственности, которые возникают в рамках сложного длящегося трудового правоотношения [11, с. 294]. Однако В.С. Андреев, А.И. Процевский, А.В. Пятаков, В.М. Скобелкин, В.М. Смирнов, Л.А. Сыроватская придерживаются другой точки зрения, которая заключается в том, что охранительные правоотношения в трудовом праве являются тесно связанными с трудовыми правоотношениями [12, с. 34 - 35]. Таким образом, определение

места охранительных правоотношений в трудовом праве имеет дискуссионный характер.

Охранное правоотношение по своей сущности не может быть составляющим единого трудового правоотношения, поскольку они различаются, по меньшей мере, по своей сущности и смыслу. А.И. Процевский подчеркивает, что сердцевиной содержания трудового отношения есть обязанность работника выполнять обусловленную трудовым договором работу. Основой содержания охранного правоотношения является обязанность нарушителя дисциплины труда претерпеть невыгодные последствия. Следовательно, охранное правоотношение возникает и существует как обособленное от трудового в рамках предмета трудового права, выполняя определенную ему роль [12, с. 57]. Обязанность возместить вред или претерпеть неблагоприятные последствия является дополнительным по отношению к обязанности надлежащего исполнения работником своей трудовой функции и имеет опосредованный характер. Такая обязанность может быть реализована лишь в рамках отдельного правоотношения, которое возникает на основании конкретного нарушения норм права. Ответственность в трудовом праве выражает содержание охранного правоотношения, целевое назначение которого заключается в обеспечении надлежащего исполнения стороной трудового договора своих обязанностей. Если одна из сторон трудового договора не выполняет или ненадлежащим образом выполняет взятые на себя обязанности, то целью охранного правоотношения будет принудительное подчинение правонарушителя в установленном порядке. Дисциплинарная и материальная ответственность в трудовом праве является тем правовым принуждением субъектов трудового права, которое обеспечивает реализацию субъективных прав и обязанностей сторон трудового правоотношения. О.И. Процевский отмечает, что выделение охранных правоотношений в самостоятельный вид производных от трудового отношения объясняется диалектической взаимообусловленностью обязанности соблюдать

дисциплину труда в трудовом правоотношении и наступлением ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение. Поскольку дисциплинарная и материальная ответственности рассматриваются как самостоятельные виды юридической ответственности за нарушения трудовой дисциплины [13, с. 134 - 135], а ответственность является общественным отношением по содержанию и форме [14, с. 49-50], постольку и надлежит признать наличие производных охранных отношений в рамках предмета трудового права [12, с. 62].

Правонарушение является единственным основанием для реализации юридической ответственности, реализуемой в рамках охранного правоотношения. Различные правонарушения являются основой для возникновения различных по характеру видов правоотношений. Дифференциация правонарушений как оснований юридической ответственности позволяет сформулировать целостное представление о правоотношениях, возникающих в результате нарушение нормы права, позволяет оценить самостоятельность определенного вида юридической ответственности.

На распределение правонарушений в трудовом праве указывала Л.А. Сыроватская, выделяя дисциплинарный проступок и имущественное правонарушение [4, с. 31]. В трудовом праве дисциплинарное правонарушение или трудовое имущественное правонарушение влекут возникновение не какого-либо одного правоотношения, которое бы охватывало оба вида юридической ответственности, а совершенно разные по сущности и содержанию правоотношения. П.Р.

Ставиский вполне справедливо отметил, что сведение всех правонарушений в трудовом правоотношении к дисциплинарному проступку свидетельствует об одностороннем подходе. Трудовое правоотношение двустороннее, каждый его субъект обладает и субъективными правами, и предельными обязанностями. Соответственно, возможно нарушение обязанностей или неправильное применение прав, что влечет за собой определенную

ответственность. Дисциплинарный проступок и дисциплинарная ответственность носят односторонний характер, поскольку их субъектом является работник.

При таком положении другой субъект трудового правоотношения заблаговременно освобождается от всякой ответственности, поскольку ответственность могут нести только должностные лица, а не предприятие, учреждение, организации [15, с. 49]. Таким образом, разные по характеру правонарушения в рамках трудового правоотношения являются основаниями для возникновения совсем отличительных правоотношений, с участием различных субъектов, с собственным содержанием и направленностью.

Хотя правоотношения ответственности в трудовом праве не входят в состав трудового правоотношения, однако существуют вместе с ним.

Правонарушение, являясь основанием для возникновения охранных правоотношений в трудовом праве, совершается не иначе как в рамках трудового правоотношения. К тому же, меры ответственности в трудовом праве применяются только к сторонам существующего трудового правоотношения, что является основой единства дисциплинарной и материальной ответственности.

В структуре оснований возникновения правоотношений ответственности возможно выделить наличие двух элементов: первого – нормативного, второго – фактического. Нормативная основа правоотношений ответственности – совокупность нормативно-правовых актов, наделяющих субъекта правоотношений ответственности определенными полномочиями и регулирующих процесс реализации юридической ответственности. Фактическое основание правоотношений – юридический факт правонарушения [16, с. 2].

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Подводя итоги можно сказать, что проблема правоотношений ответственности в трудовом праве имеет, по меньшей мере, два

аспекта. Первый – определение места отношений юридической ответственности в предмете трудового права, второй – закрепление нормативного регулирования таких правоотношений.

Таким образом, правоотношения, в рамках которых реализуется юридическая ответственность в трудовом праве, занимают одно из ведущих мест в предмете трудового права. По своей сущности, содержанию и назначению они тесно связаны с трудовыми отношениями, ведь вытекают из них и реализуются для их обеспечения.

Это проявляется в том, что дисциплинарная ответственность обеспечивает надлежащий порядок осуществления работниками своих трудовых функций, а, следовательно, и организационный элемент трудового правоотношения. Материальная ответственность, в свою очередь, направлена на охрану имущества и имущественных интересов сторон трудового договора.

Процесс создания законодательства о труде Донецкой Народной Республики должен быть взвешенным и учитывать, как положительный, так и негативный опыт правоприменения. Общие принципы правового регулирования правоотношений юридической ответственности в трудовом праве требуют детальной регламентации в кодифицированном акте о труде, а сами правоотношения должны быть включены в предмет регулирования законодательства о труде.

Список использованных источников

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность как охранительное отношение / Б.Т. Базылев. – М.: Юрид. лит., 2018. – 122 с.
2. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2018. – 128 с.
3. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебное пособие /М.Н. Марченко. – М.: Юрист, 2019. – 640 с.

4. Сыроватская Л. А. Ответственность по трудовому праву / Л.А. Сыроватская. – М.: Юрид. лит., 2020. – 27, 43-44 с.
5. Александров Н. Г. Законность и правоотношения / Н.Г. Александров. – М., 2017. – 91-92 с.
6. Алексеев С. С. Проблемы теории права / С.С. Алексеев. – Свердловск: Свердл. Юрид. ин-т, 2019. – 268-269 с.
7. Алексеев С.С. Общая теория права / С.С Алексеев. – М.: Юрид. лит., 2019. – 108 с.
8. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н Братусь. – М.: Юрид. лит., 2019. – 102-103 с.
9. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для студ. вузов / Т.Н Радько – М.: Проспект, 2019. – 590 с.
10. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение / Н. Г Александров. – М.: Юрид. лит., 2019. – 265-266 с.
11. Лушников А.М. Курс трудового права: учебник / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М.: Статут, 2019. – 725 с.
12. Процевский А.И. Предмет трудового права / А.И Процевский. – М.: Юрид. лит., 2019. – 34, 144, 34-35 с.
13. Абрамова А.А. Трудовое право / А.А Абрамова. – М., 2019. – 134-135 с.
14. Самощенко И.С. Ответственность по трудовому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М.: Юрид. лит., 2019. – 49-50 с.
15. Стависский П.В. Трудовые правоотношения / П.В. Стависский. – М.: Статут, 2019. – 75 с.
16. Кирсанова А.В. Правоотношения юридической ответственности: / А. В. Кирсанова. – Тамбов, 2019. – 8 с.

РАЗДЕЛ 6

Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

УДК 341.3

DOI: 10.5281/zenodo.5734863

СУЩНОСТЬ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АСПЕКТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

БОРДЮГОВ Л.Г.,

кандидат юрид. наук, профессор кафедры
криминалистики

ГОУ ВПО «Донецкая юридическая академия»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

НИКОЛАЕВА Е.Б.,

аспирант кафедры криминалистики

ГОУ ВПО «Донецкая юридическая академия»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Статья посвящена теоретическим вопросам определения сущности военных преступлений. Данная проблема особенно актуальна на современном этапе в условиях военных действий, которые ведут вооруженные силы Украины против самопровозглашенных Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с весны 2014 года. Важность определения сущности военных преступлений в данных условиях обусловлена необходимостью их документирования, с соблюдением норм уголовно-процессуального права и криминалистических методик, с целью передачи доказательственной информации в международные судебные инстанции.

Ключевые слова: военный конфликт, международное уголовное право, понятие военного преступления, нарушение законов и обычаев войны, международное преступление.

THE ESSENCE OF WAR CRIMES IN THE ASPECT OF INTERNATIONAL CRIMES

BORDYUGOV L. G.,

candidate of law sciences, professor of the
Department of Criminalistics

SEI HPE «Donetsk Law Academy»,

Donetsk, Donetsk People's Republic

NIKOLAEVA E. B.,
postgraduate student of the Department of
Criminalistics
SEI HPE «Donetsk Law Academy»,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article is devoted to the theoretical issues of determining the essence of war crimes. This problem is especially relevant at the present stage in the conditions of military operations conducted by the Armed Forces of Ukraine against the self-proclaimed Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic since the spring of 2014. The importance of determining the essence of war crimes in these conditions is due to the need to document them, in compliance with the norms of criminal procedure law and forensic techniques, in order to transfer evidentiary information to international judicial authorities.

***Keywords:** military conflict, international criminal law, the concept of a war crime, violation of the laws and customs of the war, international crime.*

Актуальность. Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются важнейшими ценностями. Однако именно этим ценностям на протяжении всего периода существования человеческой цивилизации наносился урон. Многочисленные военные конфликты как международного, так и внутригосударственного характера, борьба за экономическое господство отбирают жизни большого количества людей, создают угрозу мирному сосуществованию государств, народов, наций, посягают на нормальное течение международных отношений.

Беспрецедентный рост преступлений, наносящих вред не только отдельным индивидам, но и по большей части интересам многих государств, является характерной чертой современности. В то же время следует констатировать, что масштабность угрозы ежегодно возрастает, учитывая возможность использования с противоправной целью достижений новейших глобальных технологий. Даже сейчас, на начало XXI века, совершаются тягчайшие преступления, нарушающие международный мир и безопасность человечества. В связи с указанным, изучение сущности

военных преступлений с целью их недопущения в дальнейшем является актуальным вопросом в настоящее время.

Постановка задачи. Основной задачей исследования является изучение военных преступлений в аспекте международных преступлений, классификация военных преступлений, определение их сущности.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы по определению сущности военных преступлений, их классификации неоднократно являлись предметом исследования в трудах таких ученых как Р.А. Адельханян, И.Ю. Белый, А.Г. Кибальник, С.А. Лобанов, И.И. Лукашук, А.В. Наумов, Е.Н. Трикоз и других.

Цель статьи состоит в совершенствовании классификации военных преступлений, определения их сущности, что является существенным для документирования и фиксации последствий вооружённой агрессии вооруженных сил Украины на территории непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик.

Изложение основного материала исследования. В наше время, которое характеризуется увеличением количества вооруженных конфликтов, порождающих напряжение и отсутствие безопасности, жестокость по отношению к детям, женщинам и пожилым людям; политикой доминирования одних государств над другими; противоречием военных действий потребностям человечества, возникает необходимость существования института международных норм, которые бы уменьшали последствия вооруженных конфликтов, ограничивали методы и средства ведения войны и защищали людей от разного рода незаконных действий. Преодоление таких негативных явлений на международной арене возможно лишь благодаря плодотворному сотрудничеству государств по установлению международной ответственности за нарушение норм международного права.

Международное сотрудничество государств в данном аспекте включает не только принятие норм международного права, но и создание органов, обеспечивающих взаимодействие. В настоящее время кроме Интерпола существует Институт Международного

уголовного розыска (Institute for International Criminal Investigations – ИЦИ) – независимая международная организация, созданная для подготовки профессиональных следователей по уголовным делам, обученных методам и получивших знания, необходимые для беспристрастного расследования военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида, а также для быстрого развертывания междисциплинарных групп для расследования таких преступлений [1, с. 29-30].

Однако наличие таких организаций не мешает некоторым государствам (таким как США, Великобритания и др.) под девизом «борьбы за демократию» непосредственно или опосредованно вмешиваться в дела других государств, развязывать агрессивные войны, совершать перевороты, приводящие к вооруженным конфликтам, как международным, так и внутригосударственным. Здесь уместно вспомнить финансовую поддержку США «арабских весен» и «цветных революций», которые в той или иной степени переросли в различные конфликты, в том числе и военные. Кроме этого «США активно поддерживают процесс расширения НАТО на Восток, вплотную к границам России» [2, с. 465], создают военные базы вокруг России. Созданием своих военных баз на чужих территориях, проведением «стратегии и дипломатии военных баз» США растоптали ряд своих договорно-правовых обязательств перед народами всего мира, содержащихся в соглашениях, заключенных еще в ходе Второй мировой войны [3, с. 99].

Следует отметить, что на всех этапах развития человеческого общества войны и военные конфликты были неременными его спутниками. Они, как правило, были катализатором зарождения и краха государств и цивилизаций, смены исторических эпох. По подсчетам ученых, за более чем 5,5 тысячелетий известной нам истории, произошло почти 14,5 тысяч больших и малых войн, во время которых погибли и умерли от разных причин, связанных с ними, свыше 3,6 млрд. человек [4, с. 69]. Такая цена была заплачена человечеством за «продолжение политики иными средствами» [5, с. 55].

Число пострадавших от этого социального явления резко росло с развитием средств уничтожения людей и расширением масштабов военных действий. Рекордным по масштабам и интенсивности вооруженных столкновений стал XX в., в котором частота войн и вооруженных конфликтов превысила среднюю частоту этих событий за всю известную историю человечества почти в 1,5 раза. Военно-политические конфликты малой и средней интенсивности принесли человечеству не меньше страданий, чем мировые войны.

Исторические исследования показывают, что с древних времен право государства на ведение войны с использованием вооруженных сил регулировалось собственным пониманием монарха и возможностями вооруженных сил. Государственные интересы всегда преобладали над моралью, а армии существовали для того, чтобы бороться за территории, природные ресурсы и т.д.

Вместе с тем, попытки принятия соответствующих правил ведения войны предпринимались с древнейших времен большинством народов мира.

В частности, у индейцев существовал обычай войны, по которому запрещено убивать убегающего врага. Древнекитайский кодекс «Си Ма» устанавливал следующие правила: «убей как можно меньше, причини минимальный вред, насколько это возможно», «не нападай на врага, находящегося в беде», «если враг ранен, – лечи его» [6, с. 8].

Договоры Древней Руси с Византией предусматривали ответственность за преступления, совершенные русскими в Византии и греками на Руси. Например, договор 911 года предусматривал ответственность за такие злодеяния как убийство, грабеж, кража, умышленные побои и т.п. [7, с. 167].

Прежде чем перейти к вопросу о военных преступлениях, их сущности и месте в системе международных преступлений, необходимо рассмотреть вопрос о природе и классификации международных преступлений.

Понятие международного преступления уходит своими корнями в русло естественно-правовых взглядов. В частности,

Г. Гроций утверждал, что государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно или само, по требованию другого государства, наказать по заслугам преступника, или же предоставить это усмотрению соответствующего государства [8, с. 508-509].

Внедрение понятия международного преступления позволяет признать такими лишь деяния, которые являются самыми опасными для международных отношений. В дореволюционной литературе этими деяниями считались: несоблюдение международных трактатов, стремление одних государств к порабощению других и всемирному владычеству, нападение без объявления войны и без достаточного повода [9, с. 50]. В то же время перечень международных преступлений ограничивался деликтами, за совершение которых ответственность физических лиц можно было доказать без затруднений.

В отечественной литературе общее определение преступления в международном уголовном праве встречается не так часто (в отличие от классификации данных преступлений [10, с. 114-115]).

Ряд юристов высказывали разные взгляды относительно понятия международных преступлений. В частности, П.С. Ромашкин считал, что эти преступления являются посягательствами на основы международных отношений [11, с. 26]. По мнению М.И. Лазарева, они направлены на независимость и мирные отношения между народами [3, с. 178]. А.Н. Трайнин международные преступления отождествлял с преступлениями против человечества [12, с. 688-896]. Существовали и иные мнения по данному вопросу [13; 14].

Сложность исследуемого вопроса заключается в том, что сегодня наука, прежде всего международно-правовая, не устанавливает единых понятий, которые касаются правонарушений, посягающих на те или иные охраняемые отношения, регулируемые нормами международного права. Достаточно упомянуть лишь те названия, которыми обозначают преступления по международному праву «конвенционные преступления», «уголовные преступления

международного характера», «преступления, нарушающие международный правопорядок» и тому подобное [15].

Подобное разнообразие терминов и отсутствие единства относительно их трактовки не добавляли порядка в и без того сложную отрасль ответственности в международном праве [16, с. 461]. Классик международного права Я. Броунли справедливо отметил, что «терминология, связанная с данным вопросом, находится в хаотическом состоянии – факт, который частично отражает различия во взглядах по существу вопроса» [17, с. 114].

Длительное время в советской науке была принята классификация международных правонарушений на «международные преступления» и «преступления международного характера».

По мнению некоторых авторов международное уголовное право включает в себя две группы преступлений:

– международные преступления или преступления против мира и безопасности человечества;

– преступления международного характера или конвекционные преступления [18, с. 34].

При этом преступления международного характера так же, как и международные преступления, посягают на международный правопорядок, но в меньших масштабах.

Существуют классификации международных преступлений, основой деления которых являются международные соглашения, содержащие перечень международных преступлений [19, с. 71-72].

В западной доктрине этой классификации, в общих чертах, соответствует разграничение «преступлений по международному праву» (*crimes under international law*) и «преступлений против международного права» (*crimes against international law*).

Известный итальянский юрист А. Кассезе к международным преступлениям относит только те правонарушения, которые могут повлечь за собой только индивидуальную уголовную ответственность совершивших их лиц.

При этом он предлагает классификацию международных преступлений, включающую в себя военные преступления, преступления против человечности, преступление геноцида, агрессию и «некоторые экстраординарные формы терроризма (серьезные проявления поощряемого государством или терпимого государством международного терроризма)» [20, с. 36]. Классификация А. Кассезе, тем не менее, не получила широкого признания в западной доктрине международного права [16, с. 462].

Существует также целый ряд классификаций преступлений против человечности, данных различными международными правовыми организациями.

Характерными особенностями преступлений против человечности являются: направленность против любого гражданского населения; отсутствие связи с ситуацией вооруженного конфликта; крупный масштаб осуществления преступления.

Таким образом, преступления против человечности – это преступления, направленные против гражданского населения, включающие в себя такие действия, как убийства, истребления, пытки, изнасилования, порабощение, депортация, заточение в тюрьму (по Уставу Международного военного трибунала – совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам) [21, с. 4; 22, с. 36].

На настоящее время составы международных преступлений наиболее полно представлены в статьях 5-8 Римского статута Международного уголовного суда 1998 года, который дифференцирует военные преступления по ряду оснований:

– во-первых, по критерию серьезных нарушений: деяния, нарушающие непосредственно Женевские конвенции 1949 года и Протоколы к ним 1977 года (восемь преступлений, в том числе – умышленное убийство, пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, взятие заложников и др.);

деяния, нарушающие законы и обычаи войны (двадцать шесть преступлений, в том числе – умышленные нападения на гражданские объекты, убийство или ранение комбатанта, который, сложив оружие или не имея более средств защиты, безоговорочно сдался, заявление о том, что пощады не будет, и пр.);

– во-вторых, по критерию масштаба вооруженных конфликтов на: деяния, совершенные в условиях международных вооруженных конфликтов (четыре преступления, в том числе – взятие заложников) и деяния, совершенные в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера (двенадцать преступлений, в том числе – умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, разграбление города или населенного пункта, даже если он взят штурмом, изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия) [23, с. 171-172].

И хотя в силу целого ряда причин Римский статут Международного уголовного суда не имеет для Российской Федерации юридической силы, так как Российская Федерация де-факто отозвала свою подпись под ним в соответствии с распоряжением Президента РФ от 16 ноября 2016 года № 361-рп [24], следует прийти к выводу, что указанный выше перечень военных преступлений можно использовать в научных, а иногда и в практических целях.

«Военные преступления» – это некий собирательный термин, которым обозначают нарушение норм международного гуманитарного права во время ведения боевых действий в зонах конфликтов.

Под военными преступлениями понимают различные противоправные действия в отношении мирного населения и военнопленных, выраженные в массовых убийствах, уводе в рабство

военнопленных, терроре в отношении гражданского населения, захвате заложников и их убийствах, нападении на международные гуманитарные и миротворческие организации и т.д.

В международном уголовном праве под военными преступлениями понимаются:

– серьезные нарушения Женевских конвенций 12 августа 1949 года в виде различных деяний, предусмотренных Уставами судов *ad hoc* или Римским статутом в отношении лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей конвенции;

– иные серьезные нарушения законов или обычаев, применимых в вооруженных конфликтах международного характера;

– в случае вооруженного конфликта немеждународного характера – серьезные нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года;

– другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, понятие военного преступления может быть сформулировано как особое международно-противоправное деяние, являющееся нарушением законов и обычаев войны и выражающееся в насильственных действиях военного характера против мирного населения и безопасности человечества, за которые для лиц, виновных в их совершении, несмотря на сроки давности, предусмотрена международно-правовая уголовная ответственность.

Определение сущности военных преступлений, их классификация позволит в дальнейшем вычленив их из всего перечня преступлений, совершенных вооруженными силами Украины, с целью оформления доказательственной базы для международных судебных инстанций с перспективой привлечения к уголовной ответственности военнослужащих вооруженных сил

Украины, виновных в совершении военных преступлений на территории Донбасса.

Список использованных источников

1. Алабердеев Р. Р. Актуальные проблемы международного сотрудничества в сфере розыскной работы / Р. Р. Алабердеев, Л. А. Авдашкевич // Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МЮИ, 2012. – С. 24-31.

2. Ирхин Ю. В. Политология: Учебник / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М.: Юристъ, 2002. – 511 с.

3. Лазарев М. И. Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право / М. И. Лазарев. – М.: Издательство Института международных отношений, 1963. – 256 с.

4. Малышева Е. М. Мировые войны и локальные военные конфликты в истории: последствия, уроки / Е. М. Малышева // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2005. – № 1. – С. 69-78.

5. Клаузевиц К. О войне: Пер. с нем. / К. Клаузевиц. – М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука». – 448 с.

6. Зотов В. Д. Война, политика и право. (Навстречу Третьей конференции мира) / В. Д. Зотов // Московский журнал международного права. – М.: Междунар. отношения, 1999. – № 2 (34). – С. 5-25.

7. Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. / А. Н. Сахаров. – М.: Мысль, 1980. – 358 с. С. 167.

8. Г. Гроций. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

9. Международное уголовное право. Учебное пособие / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Наука, 1999. – 264 с.

10. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П. В.

Волосюк; под редакцией А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 510 с.

11. Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права / П. С. Ромашкин // Советское государство и право. – 1948. – № 3. – С. 26-30.

12. Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества / А. Н. Трайнин // Избранные труды / Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 898 с.

13. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве / Д. Б. Левин. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 152 с.

14. Моджорян Л. А. Субъекты международно-правовой ответственности / Л. А. Моджорян // Советское государство и право. – 1969. – № 12. – С. 124-142.

15. Панов В. П. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями. Учебное пособие / В. П. Панов. Отв. ред.: Бекашев К. А. – М.: Юрист, 1993. – 160 с.

16. Сазонова К. Л. Концепция «международного преступления государства» как основание международно-правовой ответственности: сравнительный анализ доктринальных позиций / К. Л. Сазонова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения – 2013 – № 3. – С. 460-465.

17. Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Книга 2 / Я. Броунли. Пер. с англ. С. Н. Андрианова. Под ред. Г. И. Тункина. – М.: Издательство «Прогресс», 1977. – 507 с.

18. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право: учебное пособие для магистрантов / Л. В. Иногамова-Хегай. – М.: Проспект, 2014. – 112 с.

19. Международное уголовное право: Учеб. для юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук, А. В. Наумов; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. Акад. правовой ун-т. – М.: Спарк, 1999. – 286 с.

20. Cassese A. International Criminal Law / A. Cassese. – Oxford: University press, 2003. – 533 p.

21. Волеводз А. Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей / А. Г. Волеводз, В. А. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 3. – С. 3-13.

22. Иногамова-Хегай Л. В. Особенности объективных признаков преступлений против человечности в международном и национальном уголовном праве / Л. В. Иногамова-Хегай, Т. И. Курносова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016 – № 2 (32). – С. 33-36.

23. Хмелевский С. В. Военные преступления: понятие, содержание, привлечение виновных к ответственности в современных условиях / С. В. Хмелевский // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 168-173.

24. Распоряжение Президента Российской Федерации «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» от 16 ноября 2016 года № 361-рп. URL – <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201611160018.pdf> (дата обращения 20.05.2021).

УДК 343

DOI: 10.5281/zenodo.5746573

ПЕНЕТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА США И ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

САСОВ А.В.,

**к.ю.н, доцент, доцент кафедры
административного права факультета
юриспруденции и социальных технологий
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика**

БОГОСЛАВСКАЯ К.Э.,
Обучающаяся группы Юр-18-1
факультета юриспруденции и социальных
технологий
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Проблема совершенствования пенитенциарной системы является важнейшим вопросом уголовно-правовой политики стран цивилизованного мира. В первую очередь это касается США, в связи с тем, что даже Китай, население которого в четыре раза превышает население Америки, занимает второе место по количеству заключенных. Сейчас пенитенциарная система представляет собой громоздкую и чрезвычайно сложную конструкцию, которая является пережитком английской уголовной системы. Поэтому начато реформирование системы содержания заключенных как одно из направлений совершенствования федеральной уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: федеральная уголовно-правовая политика США, пенитенциарная система, реформирование системы содержания заключенных.

THE US PENITENTIAL SYSTEM AND ITS REFORM IN THE FRAMEWORK OF THE FEDERAL CRIMINAL AND LEGAL POLICY

SASOV A.V.,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Administrative Law, Faculty of
Jurisprudence and Social Technologies
SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic

BOGOSLAVSKAYA K.E.,
student of the group Yur-18-1 of the Faculty of Law
and social technologies

**SEE HPE «Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of the Donetsk People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic**

The problem of improving the prison system now concerned almost all countries of the civilized world. This primarily concerns the US at least due to the fact that even China, whose population is four times the US population, is second in the number of prisoners. Currently, the US prison system involves a complex system for inmates in prisons. Stay under arrest offenders can be divided into several stages with different living conditions from the harshest to the privileged. While American officials the prison experience using the English system of punishment, but improved under American conditions. However, US President Barack Obama, who is a professional lawyer, announced the implementation of a radical reform of the federal penal policy. Directions of this reform should be explored in this article.

Keywords: federal criminal policy of the US, penitentiary system, reform of penitentiary institutions.

Постановка задачи. Для усовершенствования пенитенциарной политики отечественных государств, в том числе ДНР, необходимо установить уровень научного исследования данной проблемы в американской и отечественной науке уголовно-правовой политики, проанализировать систему источников американского исправительного права, которая является основой совершенствования пенитенциарной политики США, изучить особенности совершенствования американской исправительной системы, которая является одним из важнейших объектов государственной уголовно-правовой политики.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы реформирования американской пенитенциарной системы постоянно находятся в поле зрения Департамента юстиции США, который публикует широкий круг источников права, возложенных в основу функционирования системы исправительных учреждений, что способствует появлению многих статистических исследований по состоянию содержания заключенных в тюрьмах США, прежде всего - федеральных. Среди авторов таких работ

особого внимания заслуживают Р. и М. Гейнс, М. Дюпон, А. Липтак, Дж. Сайкс, М. Хупер, Дж. Шмидт и др. Однако их научные работы только в общем виде наводят на размышления о том, как совершенствовать пенитенциарную систему США в соответствии с американской уголовно-правовой политикой.

Актуальность. В наше время даже в самых развитых странах мира наблюдаются кризис пенитенциарной системы. Развитие пенитенциарной политики в отечественных государствах должно быть основано на восприятии положительного зарубежного опыта её развития, прежде всего - американского, ведь страны СНГ стремятся к вступлению к мировому сообществу демократических и правовых государств, лидером которой являются Соединенные Штаты.

Целью статьи является всесторонний анализ состояния реформирования пенитенциарной системы США ввиду возможного использования ее положительных достижений в практике государственного строительства Донецкой Народной Республики.

Изложение основного материала исследования. Состояние пребывания граждан США в исправительных учреждениях вызывает острые дискуссии в среде специалистов по уголовно-правовой политике. Представители ее традиционного направления Л. Глейз, Д. Кейбл, Б. Уэлш и П. Таппан настаивают на сохранении многовековых традиций содержания заключенных в тюрьмах без особого внимания к поискам новых методов перевоспитания указанных лиц.

Однако либералы Б. Беннетт, К. Уорден, М. Мауер и К. Фокс исходят из необходимости поддерживать взгляды прошлого Президента США Б. Обамы на поиски современных методов исправления заключенных, особенно молодых правонарушителей. Очевидно, что американский опыт реформирования тюрем должен способствовать реформированию системы исправительных учреждений и в нашем государстве. Однако специальные научные исследования отечественных ученых на этот счет пока почти

отсутствуют. Определенные попытки обратиться к решению данной проблемы впервые сделали Н.А. Турчина и Е.Ю. Полянский, однако этот процесс требует дальнейшего развития [1, с. 12].

Известно, что проблемы совершенствования пенитенциарной системы в настоящее время беспокоят почти все страны цивилизованного мира. В первую очередь, это касается США хотя бы том, что эта страна занимает первое место в мире по количеству заключенных, Соединенные Штаты занимают первое место и в количестве заключенных на душу населения. Там каждые 100 000 населения приходится 751 человек, находящихся в тюрьме. Единственной другой крупной страной, которая приближается к этим показателям, является Россия, где на каждые 100000 человек приходится 627 заключенных. США имеет разветвленную систему учреждений, исполняющих наказание. На каждом уровне действует собственная система уголовных заведений: федеральные исправительные учреждения, тюрьмы штатов и муниципальные тюрьмы. Федеральные тюрьмы находятся в ведении правительственного Бюро исправительных учреждений. Для них установлены разные категории, а именно: для несовершеннолетних и малолетних преступников; для молодых и взрослых преступников; для взрослых преступников; для лиц, отбывающих краткосрочное лишение свободы; исправительные учреждения для женщин; общественные центры надзора за преступниками; медицинские центры, оказывающие помощь преступникам. Кроме того, есть классификация тюрем по уровню охраны [2, с. 45].

Тюрьмы максимальной безопасности обеспечены усиленной охраной для противодействия бунта осужденных. Максимальный уровень охраны предусмотрен для того, чтобы изолировать осужденных друг от друга, а также от сотрудников. В подобных заведениях содержатся наиболее опасные преступники.

Тюрьмы среднего уровня безопасности имеют вооруженную охрану, но в них нет высоких стен. Осужденные в этих тюрьмах

могут выводиться для работ за ее пределы. Местные же тюрьмы предназначены для содержания наименее опасных преступников, осужденных за хулиганство и мелкое воровство.

Учреждениями, исполняющими наказание в отношении несовершеннолетних лиц, являются воспитательные школы. У них устанавливается относительно мягкий режим содержания. Несовершеннолетние осужденные находятся там в течение дня и должны работать и учиться, а на ночь отправляются домой. Такой порядок существенно снижает негативные последствия лишения свободы, эффективно противодействует рецидиву [3, с. 234-238].

Согласно данным Бюро судебной статистики Министерства юстиции США, в 2020 году численность заключенных во всех исправительных учреждениях составляла 1613740 человек. Под наблюдением органов, ответственных за исправление правонарушителей, находилось 7,225,800 взрослых граждан, что составило около 3,1% всего взрослого населения США. Среди лиц, находившихся в тюрьмах в 2019 году, численность женщин составила 18%. В Америке в ведении министерства юстиции и управлений исправительных учреждений штатов находятся тюрьмы (states and federal prisons, reformatories), исправительные учреждения - тюремные фермы и мастерские (prison farms), центры приема, диагностики и классификации заключенных (reception, diagnostics, and classification centers, correction centers), а также специальные медицинские учреждения для лечения алкогольной и наркотической зависимости [4, с. 301-304].

Уровень содержания заключенных в США неизмеримо выше, чем в большинстве других стран мира, ведь состояние американской экономики позволяет предоставлять заключенным гораздо лучшие условия питания, лечения, размещение в камерах, чем в исправительных заведениях отечественных стран. В исправительных учреждениях типа «макси-макси», известных по голливудским фильмам, все оборудовано электронными средствами контроля и наблюдения для реализации курса на полную изоляцию заключенного. Он находится в одиночной

камере, оборудованной душем и туалетом, получает усиленное питание, но страдает от того, что не может общаться с другими людьми [5, с. 167].

Вообще, по убеждению многих исследователей, для тюремной системы США присуща антигуманность. Парадокс данной системы в том, что ее сформировали в конце XVIII века духовные авторитеты Общества друзей, то есть квакеров, которые строили массовое сознание в духе братской любви к ближнему. Однако квакеры, вопреки собственным идеям гуманизма, добились введения для значительной части территории США антигуманной пенсильванской системы содержания заключенных.

Пенсильванская система заключается в том, что в тюрьме создается особый режим уединения и молчания. Пенитенциарий специально приспособлен к реализации системы молчания, звуки шагов глушатся пробковыми дорожками, заключенные и администрация должны разговаривать вполголоса. Осужденные содержатся в одиночных камерах.

Коллективный труд запрещается, прогулки организуются одиночно в изолированных участках двора пенитенциария, контакты с внешним миром полностью исключаются. За малейшие нарушения применяются телесные наказания. Эта система страшно влияет на заключенного, подавляет его психику.

В 1820 году в США (г. Оберн) появилась новая тюремная система, в которой была предпринята попытка ослабления негативных свойств пенсильванской системы. Ее образовали политики, которые исходили из того, что в основе преступности лежит лень и стремление человека уклониться от работы. Заключенные ночью находились в отдельных камерах, а днем привлекались к работе в общих помещениях.

Система абсолютного молчания сохранилась, однако общее содержание днем на работах и разъединения на ночь по камерам ослабляло негативный эффект влияния пенсильванской системы на психику осужденных.

Особенностью пенитенциарной системы США является расово-этнический состав преступников. Так, доля чернокожих составляет лишь 13% населения США, а их доля среди заключенных составляет 37%.

Неудивительно, что расизм усложняет исправление преступников, ведь по отношению к белым применяются более мягкие требования. Американский криминолог М. Мауер еще в 1999 году подготовил для Комиссии США по гражданским правам сообщение «Кризис молодых афроамериканских мужчин и системы уголовного правосудия».

В нем он писал: «Истоки кризиса системы уголовного правосудия в области осуждения афроамериканских мужчин возникли в глубинах истории. К сожалению, несмотря на прогресс в отходе от расовой предвзятости во многих сферах жизни общества, положение чернокожих мужчин, подвергшихся действию системы правосудия, явно ухудшилось.

Хотя ситуация в этой сфере во многих отношениях тревожная, есть некоторые основания для осторожного оптимизма. Ведь наблюдаются определенные запрограммированные правительством изменения в политике в области уголовного правосудия» [6, с. 278-282].

В начале нашего века большой проблемой для тюремной системы США становится то, что правительство США взяло курс на сокращение бюджетных расходов на различные социальные программы. Чтобы облегчить нагрузку на бюджет, в восьмидесятые годы XX века в США началась приватизация тюрем и массовое строительство частных мест заключения. Компании, которые владеют и управляют тюрьмами, лагерями, следственными изоляторами функционируют на основе заключения контрактов с федеральным правительством и чиновниками штата. На каждого заключенного управляющая компания получает из бюджета гарантированную сумму денег. Сторонники такой системы содержания тюрем уверены, что она позволит повысить эффективность и надежность пенитенциарной

системы. Противники же следуют другой точке зрения на это и предостерегают, что управляющим компаниям будет выгодно экономить на охране, эксплуатировать бесплатную рабочую силу и способствовать продолжению сроков заключения.

Понятно, что после освобождения бывшие правонарушители очень трудно находят свое новое место в обществе, которое иногда враждебно встречает бывших заключенных. По этому поводу известный американский криминолог К. Уорден писал в исследовании «Преступление, наказание и реабилитация: проблема рецидивизма» следующее: «Если мы будем преследовать тех, кто ранее был осужден уголовником, он после освобождения из тюрьмы не получит ничего, кроме отказа от рабочего места, так нужного для него и его семьи. В результате такое лицо, скорее всего, вернется к преступному поведению, чтобы найти средства для существования... Сегодня заключенные, вышедшие на свободу, сталкиваются с проявлениями общественного осуждения за поступки, за которые они сожалеют, но не могут ничего изменить... Люди остаются людьми. Они будут портить свою жизнь, если мы будем преследовать их».

Особенно разрушительными являются последствия содержания в тюрьмах преступников, приговоренных к смертной казни. На нее в течение длительного времени в так называемых «коридорах смерти» американских тюрем ждут почти 3700 человек. Сейчас смертная казнь не грозит заключенным тюрем Канзаса, Орегона, Мены, Нью-Гемпшира, Колорадо, Северной Дакоты и других штатов. В Вайоминге, Монтане, Пенсильвании лиц, приговоренных к высшей мере наказания, практически не казнят. Однако есть и штаты американского Юга, где смертная казнь является обычной мерой наказания преступников еще со времен существования в США рабовладения. В этом случае местная Фемида и сейчас демонстрирует расистский характер отправления правосудия. Вот почему афроамериканцы составляют более половины всех казненных, хотя среди населения страны их доля составляет не более 15%. Кроме того, исследования

американских ученых радикального направления науки уголовной политики доказывают, что есть прямая связь наказания с уровнем материального положения осужденных, относящихся к низам общества.

Следует указать, что осужденные преступники, которые находятся в тюрьмах среднего и минимального уровней охраны, могут пользоваться услугами социального работника, адвоката, психиатра, школьного учителя или университетского преподавателя, принимать участие в отправлении религиозных обрядов т.д.

В исправительных учреждениях США разработан ряд программ, которые имеют целью снижение уровня преступлений. Работа с осужденными начинается сразу же после поступления в исправительное учреждение. Социальный работник совместно с другими службами проводит диагностику вновь прибывшего осужденного с целью подбора для него индивидуальной программы. Целью социальной работы в условиях исправительных учреждений является доведение до заключенного лица догмы о необходимости изменить их судьбу. Социальные работники помогают осужденным осознать это через повседневную работу с ними, которая направлена на прекращение проявлений насилия, азартных игр, расовых конфликтов и злоупотреблений наркотиками и алкоголем.

Следующий этап работы социальных работников с заключенными состоит в привитии им навыков, полезных не только в исправительных учреждениях, но и после выхода на свободу, когда эти люди будут искать работу, жилье, продукты питания, транспорт и др. В то же время социальные работники пытаются установить связь с родственниками осужденных, чтобы заручиться их поддержкой в преодолении негативных последствий временного пребывания осужденного за пределами семьи. Главная цель программы – помочь осужденным с участием социального работника проанализировать свое поведение и признать ответственность за совершенное преступление. В соответствии с

уголовной политики США, особенно тщательное наблюдение за заключенными осуществляется представителями службы условного освобождения. Ее социальные работники собирают информацию о преступниках путем проведения бесед с клиентом и его жертвами, анализируют его контакты с собственной семьей и работодателем. О полученных юридических фактах сообщают судьям, чтобы помочь им в принятии решения об условно-досрочном освобождении преступника.

В США существует программа «Возмещение причиненных убытков». В этом случае речь идет о ворах, которые на встрече с потерпевшим под руководством социального работника проводят обсуждение условий возмещения причиненных убытков. Поскольку возмещение убытков требует больших средств, которых у заключенных нет, правительство США в течение десятилетий реализует политику коммерциализации пенитенциарной системы. Сейчас тюремная система США активно использует принудительный труд, годовой оборот которого превышает 70 миллиардов долларов. Большинство тюрем в США – частные. Под властью восемнадцати корпораций находятся 100 000 заключенных в 27 штатах [7, с. 347-353].

Тюремный промышленный комплекс является огромной структурой, которая имеет строительные компании, инвестиционные дома на Уолл-Стрит, компании поставки сантехники, компании поставки пищевых продуктов, вооруженную охрану, собственные торговые выставки, съезды, веб-сайты и интернет-каталоги.

Компании, которые владеют и управляют тюрьмами, лагерями, следственными изоляторами или центрами реституции, подписывают контракт с федеральным правительством, правительством штата или окружной властью. Они обязуются содержать определенное количество заключенных в соответствии с государственными стандартами безопасности.

Рабочую силу частных тюремных заведений составляют выходцы из бедных слоев населения США.

Они производят 100% всех военных касок, бронежилетов, рубашек, брюк, палаток, рюкзаков и фляжек для вооруженных сил США, 98% от рынка монтажных инструментов, 36% бытовой техники, 30% наушников, микрофонов, мегафонов и 21% офисной мебели, а также авиационное и медицинское оборудование и многое другое.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Сейчас эффективность системы наказания правонарушителей в цивилизованном мире определяется ресоциализацией осужденных, под которой следует понимать длительный процесс внедрения комплекса психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических и организационных мероприятий, направленных на формирование у каждого осужденного способности и готовности к включению в обычные условия жизни общества после отбытия наказания. Такой процесс предполагает усвоение элементарных норм, ценностей и знаний, необходимых для того, чтобы быть включенными в жизнь общества [20].

Необходимо подчеркнуть, что пенитенциарная система Соединенных Штатов представляет собой феномен, сущность которого соответствует состоянию дел в американском обществе. Эта система имеет и положительные черты, и недостатки, но она должна служить определенным образцом для развития отечественной уголовно-правовой политики в отношении системных преобразований пенитенциарных учреждений ДНР.

Список использованных источников

1. Правительство ликвидировали пенитенциарную службу / [Текст]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/25815620/?frommail=14>.

2. Кризис пенитенциарной системы США: в американских тюрьмах отбывают наказание 25% заключённых планеты. – 18.12.2019 / [Текст]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/19859>.

3. Ковалев А. Г., Шереметьева М. В. Пенитенциарная система США: особенности организации и современные тенденции / А.Г. Ковалев, М. В. Шереметьева. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 356 с.
4. Турчина Н. А. Пенитенциарная система США / Н.А. Турчина. – М., 2017. – 521 с.
5. Шагидуллина Ж. В. Пробация как альтернативный лишению свободы вид уголовного наказания в США / Ж.В. Шагидуллина. – М.: «ТИСБИ», 2018. – 433 с.
6. Эскатова К. Исправительная система англоязычных стран / К. Эскатова. – М., 2019. – 378 с.
7. Докторов Т. Тюремная система США использует рабский труд / Т. Докторов. – М.: ИНФА-М, 2016. – 494 с.

УДК 343

DOI: 10.5281/zenodo.5746589

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 107 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

САСОВ А.В.,

К.ю.н, доцент кафедры административного права факультета юриспруденции и социальных технологий

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

МУСЕЙЧУК Д.Ю.,

студент группы ЮР-18-1 факультета юриспруденции и социальных технологий

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Обоснована актуальность и важность для уголовно-правовой науки рассмотрения вопроса о проблемах применения ст. 107 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики и его значение для правоприменительной деятельности. Внесены предложения по усовершенствованию уголовного законодательства Донецкой Народной Республики относительно такого преступления, как убийство матерью своего новорожденного ребенка.

Ключевые слова: уголовное право, мать, новорождённый ребенок, детоубийство, роды.

PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTICLE 107 OF THE CRIMINAL CODE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

SASOV A.V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Faculty of Jurisprudence and Social Technologies

SEI HPE «Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of Donetsk People's Republic»,

Donetsk, Donetsk People's Republic

MUSEJCHUK d.Y.,

student of the group YUR-18-1 of the Faculty of Law and Social Technologies

SEE HPE «Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of the Donetsk People's Republic»,

Donetsk, Donetsk People's Republic

The article substantiates the relevance and importance for the criminal law science of considering the issue of the problems of applying article 107 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic and its significance for law enforcement activities. Proposals have been made to improve the criminal legislation of the Donetsk People's Republic regarding such a crime as the murder of a mother of her newborn child.

Keywords: criminal law, mother, newborn child, infanticide, childbirth.

Актуальность. Как свидетельствует общая статистика преступлений в странах СНГ, такое преступление как «убийство

матерью новорожденного ребенка» в общей структуре умышленных убийств за последние годы имеет тенденцию роста. Учитывая высокую латентность «детоубийств», актуальность данного состава преступления приобретает все большее значение. Кроме того, привлечение к ответственности матери за убийство своего новорожденного ребенка во время родов или сразу после них вызывает на практике затруднения при квалификации и постановлении приговора в суде. Это связано со сложностью толкования отдельных оценочных понятий и положений этого состава, в частности признаков объективной стороны, которая имеет важное значение для правильной квалификации преступления.

Постановка задачи. На современном этапе развития уголовного права были проанализированы и исследованы практически все составы преступлений, однако и сейчас данный вопрос остается актуальным, поскольку такой состав преступления, как убийство матерью новорожденного ребёнка, является спорным с точки зрения правовой доктрины.

В связи с этим необходимо рассмотреть действующую формулировку уголовного законодательства и предложить некоторые изменения и дополнения с целью наиболее правильного применения нормы.

Обзор последних исследований и публикаций Исследованию проблемы применения уголовного законодательства относительно такого преступления как убийство матерью своего новорожденного ребенка посвятили свои труды такие ученые как Ф. Гребенкин, О. Погодин, А. Тайбаков, М. Трясоумов, А. Карасова, А. Лукичев, Е.Б. Кургузкина, Т.Д. Цыбуленко, П. Кривошеин, Н.С. Таганцев, М.Д. Шаргородский, В.В. Сташис, Е.П. Побегайло, А.М. Красиков, М.А. Погорецкий, С.М. Стаховский, М.С. Строгович, В.М. Тертышник, Л. Д. Удалова и др. Как видим, указанная проблема в науке не является новой, однако в отечественном уголовном праве сегодня она остается малоисследованной.

Целью статьи является теоретический анализ признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 107 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики, а также внесение предложений по усовершенствованию соответствующей уголовно-правовой нормы.

Изложение основного материала исследования. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) в ст. 107 предусматривает уголовную ответственность за умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка: «Убийство матерью новорождённого ребёнка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, - наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырёх лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок» [1].

Объектом преступления является жизнь новорожденного ребенка. Пострадавшим от этого преступления может быть лишь собственный новорожденный ребенок матери. Объективная сторона преступления характеризуется: 1) деянием – посягательством на жизнь новорожденного ребенка, которое может проявляться как в действиях (удушение, утопление, нанесение ударов и т.п.), так и путем бездействия (отказ от кормления, оставление ребенка на морозе и т.п.); 2) последствиями в виде ее смерти; 3) причинной связью между указанным деянием и следствием, а также 4) временем и определенной обстановкой – это деяние может быть совершено лишь во время родов или сразу после родов.

Субъектом преступления может быть только мать потерпевшего ребенка, которая является вменяемой или же в состоянии психического расстройства и на момент совершения преступления достигла 14-летнего возраста. Субъективная сторона состава преступления убийства матерью своего новорожденного ребенка характеризуется умышленной виной. Умысел при этом

может быть как прямой, так и косвенный. Это означает, что женщина осознает общественную опасность своих действий (бездействия).

Умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка является привилегированным составом преступления [2, с. 24].

Психическое отношение лица при совершении этого преступления характеризуют следующие особенности [3, с. 73]: 1) его совершение обусловлено эмоциональным напряжением, вызванным беременностью и родами и психическими процессами, которые их сопровождали (в частности, семейным конфликтом, супружеской изменой, материальными и другими социально - бытовыми проблемами); 2) временное психическое расстройство, которое ослабляет способность матери осознавать свои действия и руководить ими. Так, у беременных женщин часто наблюдаются ипохондрические идеи, импульсивность, навязчивое состояние. Роды являются нагрузкой для организма женщины, она испытывает при этом сильное физическое и психическое потрясение.

В этот период женщина испытывает особенно болезненные психофизические страдания, которые значительно ослабляют ее способность полностью осознавать свои действия или управлять ими. Родовой процесс характеризуется высшей степенью эмоционального напряжения, которая сопровождается физической болью и психическими нарушениями. В период родов мать и ребенок становятся источником боли друг друга и вступают в биологический антагонизм и конфликт.

Эмоциональное состояние матери обязательно должно учитываться во время расследования преступления, предусмотренного ст. 107 УК ДНР. Именно временное психическое расстройство, которое вызвано родами, ослабляет способность матери осознавать свои действия и управлять ими (ограниченная вменяемость), является тем признаком, который выделяет этот состав преступления как привилегированный.

Обязательными признаками объективной стороны данного преступления являются время и обстановка его совершения – во время родов или сразу же после родов. Эта формулировка, на наш взгляд, является не очень подходящей, так как указанные временные границы приставляются несколько размытыми, что также может приводить к неправильному применению данной статьи. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к понятию «новорожденный ребенок». Понятие «новорожденный ребенок» обособлено определенными временными границами. Начальный момент «новорожденности» совпадает с моментом начала жизни человека, то есть начинается с момента прорезывания головки младенца. Отделение ребенка от тела матери и переход на самостоятельное дыхание находятся за рамками начального момента жизни человека и новорожденности. Следовательно, преднамеренное нанесение ран в головку младенца, который рождается (то есть во время родов), можно рассматривать как совершение данного преступления. Так, А. Погодин и А. Тайбаков считают, что период «сразу после родов» – это короткий промежуток времени после рождения ребенка и до выделения плаценты [4, с. 263]. Однако с таким мнением нельзя согласиться, поскольку выделение плаценты считается родами. Однако их мнение является весомым, поскольку период «сразу после родов» не может быть значительно отдален во времени от самих родов, так как не будет в таком случае соответствовать критерию «сразу после родов». В литературе существует и другая позиция, сторонниками которой являются М. Трясоумов, А. Карасова, А. Лукичев. Они считают, что период «сразу после родов» длится до момента принятия матерью мер по жизненно важному уходу за ребенком [5, с. 286]. А. Лукичев конкретизирует такие мероприятия – это отделение или перевязывания пуповины, омывание ребенка и т. п. [6, с. 24-31]. Однако, на наш взгляд, собственно отделение пуповины не всегда можно отнести к таким мерам, поскольку женщина, отделяя пуповину, прежде всего, пытается отделить ребенка от себя. В

свою очередь, Е. Б. Кургузкина считает, что подобный временный интервал подлежит установлению в каждом конкретном случае и однозначно его определить невозможно, так как он является индивидуальным у каждой женщины [7, с. 98]. Определение точных сроков после родов отрицает и Т. Цыбуленко [8, с. 12].

По нашему мнению, установление данного промежутка времени в каждом конкретном случае будет порождать разногласия в квалификации и ответственности виновных лиц. Поэтому нужно искать другой критерий.

В связи с этим для определения конечного момента новорожденности следует обратиться к следующим критериям: в педиатрии – состояние новорожденности приравнивается к одному лунному циклу (28 дней), в акушерстве – одной неделе, в судебной медицине – одними сутками [9, с. 168]. Однако, мы считаем, что при убийстве матерью своего новорожденного ребенка сразу же после родов должен использоваться судебно-медицинский критерий, то есть одни сутки после появления ребенка на свет. Убийство новорожденного по истечении одних суток должно квалифицироваться по ст. 106 УК ДНР.

На наш взгляд, в диспозиции ст. 107 УК ДНР должно прямо указываться, что временные рамки убийства матерью новорожденного ребенка сразу после родов должны равняться одним суткам.

Спорным в литературе является и вопрос, может ли квалифицироваться по ст. 107 УК ДНР убийство матерью своего новорожденного ребенка, умысел на совершение которого у нее возник до начала родов. Чтобы установить социально-правовую сущность и необходимость выделения самостоятельного привилегированного состава, следует обратиться к научным публикациям.

Редакционная комиссия, подготовившая в конце XIX в. проект Уголовного уложения и пояснения к нему в комментарии к ст. 391, отмечала, что основанием выделения убийства матерью новорожденного ребенка в привилегированный состав должно

быть исключительно ненормальное психическое состояние женщины [10, с. 317-330].

М.Д. Шаргородский предлагал выделить самостоятельный привилегированный состав, исходя из состояния женщины во время родов. При этом он ссылаясь на большую медицинскую энциклопедию, где отмечалось, что родовой акт в той или иной степени может отражаться на состоянии нервной системы женщины и повлечь за собой такие поступки, как посягательство на самоубийство или детоубийство [11, с. 24- 31]. В. В. Сташис считает, что данная норма уголовного законодательства применяется и тогда, когда умысел убить ребенка возник еще до родов, а был реализован в период родов или сразу после них [12, с. 372]. Такой же точки зрения придерживаются и другие ученые, в частности, С.С. Яценко [13], Е. П. Побегайло [14]. Другая точка зрения высказана С.В. Бородиным, В.В. Ераскиным [15, с. 291], которые считают, что при установлении факта предварительной подготовки матери к следующему лишению жизни ребенка после его рождения или во время родов, было бы неправильно признавать как совершение убийства при смягчающих обстоятельствах. Обосновывая выделение убийства матерью новорожденного ребенка в самостоятельный состав, А.М. Красиков высказал мнение по поводу того, следует ли признавать состав убийства привилегированным [16, с. 397]. Он утверждает, что поскольку женщина в период физиологических родов испытывает особо болезненные психофизические страдания, убийство новорожденного ребенка матерью, находящаяся в нормальном состоянии в процессе родов и после них, которое не было обусловлено психотравмирующей ситуацией и психическим расстройством, влечет за собой ответственность на общих основаниях. Так, мать новорожденного имеет право отказаться от ребенка - поместить его в детский дом, но все же избирает самый трудный и страшный вариант – детоубийство. Действительно, если на психическое состояние женщины роды могут повлиять определенным образом, то правильно ли будет во всех случаях,

независимо от психического состояния женщины, применять привилегированный состав?

Приведенное мнение С.В. Бородина, В.В. Ераскина, А.М. Красикова, по нашему мнению, заслуживает внимания. Ведь основанием для выделения детоубийства в привилегированный состав является то, что женщина во время родов нередко оказывается в тяжелом состоянии, которое влияет на ее психику. Именно это состояние при детоубийстве признается смягчающим обстоятельством. Однако, редакция статьи 107 УК ДНР не дает оснований по-разному квалифицировать убийство матерью своего новорожденного ребенка в зависимости от момента возникновения намерения. Момент возникновения умысла убить новорожденного ребенка, исходя из содержания ст. 107 УК ДНР, на квалификацию убийства не влияет. Статья 107 УК ДНР применяется и тогда, когда умысел этот возник еще до родов, а был реализован в период родильного процесса или сразу же после него. Редакция ст. 107 УК ДНР имеет также следующие недостатки. В диспозиции статьи не предусмотрены квалифицирующие признаки. Считается, если мать убила двух и более своих новорожденных детей, она будет все равно отвечать по ст. 107 УК ДНР. На наш взгляд, это неверно. Степень общественной опасности убийства одного ребенка значительно отличается от убийства близнецов или двух или более детей.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, по нашему мнению, статья 107 УК ДНР является неполной, что может привести к неправильному применению данной нормы. Считается необходимым всю совокупность объективных и субъективных признаков преступления тщательно прописывать в диспозиции статьи, а не использовать расширенное толкование.

Учитывая все вышеизложенное, предлагаем изменить ст. 107 УК ДНР и изложить ее в следующей редакции:

Статья 107. Убийство матерью своего новорожденного ребенка.

1. Убийство матерью своего новорожденного ребенка с умыслом, который возник внезапно, во время родов или сразу после родов, то есть до истечения одних суток после рождения ребенка, если мать страдала временным психическим расстройством, вызванным родами, и которое ослабляло способность матери осознавать свои действия и руководить ими – наказывается...

2. То же деяние, совершенное матерью в отношении двух и более своих детей – наказывается...

Список использованных источников

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 № ВС 28-1 (по состоянию на 17.08.2021 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumentyverhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (Дата обращения: 23.09.2021).

2. Бояров С. Квалификация убийства детей / С. Бояров, – М: Российская юстиция, 2019. – 691 с.

3. Гребенкин Ф. Общественная опасность преступления и ее характеристики / Ф. Гребенкин, – М.: Статут, 2018. – 411 с.

4. Погодин О., Тайбаков А. Детоубийство: вопросы правовой оценки (переиздание) / О. Погодин, А. Тайбаков, – М: Прометей, 2018. – 414 с.

5. Трясоумов М., Карасова А. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве (переиздание) / М. Трясоумов, А. Карасова, – М: Юрайт, 2019. – 436 с.

6. Лукичев А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства (переиздание) / А. Лукичев, – М: Проспект, 2018. – 87 с.

7. Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение (переиздание) / Е.Б. Кургузкина, – М: Юрайт, 2019. – 217 с.
8. Цыбуленко Т. Д. Детоубийства и меры по их искоренению (переиздание) / Т. Д. Цыбуленко, – М: Прометей, 2017. – 57 с.
9. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка (переиздание) / П. Кривошеин, – Киев: Юрайт, 2016. – 363 с.
10. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. : С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. – особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н.С. Таганцева. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1904. – 1122 с.
11. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья (переиздание) / М. Д. Шаргородский, – М: Проспект, 2018. – 51 с.
12. Сташис В. В. Уголовная ответственность за детоубийство (переиздание) / В. В. Сташис, – Харьков: Норма, 2018. – 541 с.
13. Яценко С. С. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка (переиздание) / С. С. Яценко, – М: Норма, 2017. – 326 с.
14. Побегайло Е. П. Детоубийство: вопросы правовой оценки / Е. П. Побегайло, – М: Юрайт, 2019. – 213 с.
15. Бородин С.В., Ераскин В.В. Убийство матерью новорожденного ребенка (переиздание) / С. В. Бородин, В. В. Ераскин, – М: Проспект, 2018. – 592 с.
16. Красиков А. М. Убийство матерью новорожденного ребенка (переиздание) / А. М. Красиков, – М.: Статут, 2019. – 459 с.

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ СОДЕРЖАНИЯ СИБИРЕЯЗВЕННЫХ СКОТОМОГИЛЬНИКОВ. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

ДЕЛЕВЕР А.В.,
Адъюнкт 4 курса заочной формы обучения
адъюнктуры
ГОО ВПО «ДАВД МВД ДНР»,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье рассматривается насущная проблема содержания сибиреязвенных скотомогильников как на территории РФ так и в ДНР, ЛНР и Украине, основная опасность, которую они представляют для населенного пункта, на территории которого находятся, а также нормативно-правовая база, которая устанавливает и регулирует правила создания подобных скотомогильников. Данная статья направлена на обзор сложившейся ситуации, которая может повлечь за собой распространение одного из наиболее опасных эпидемиологических заболеваний, представляющего реальную угрозу для биологической безопасности и возможные пути ее решения.

Ключевые слова: сибирская язва, скотомогильник, биометрическая яма, ветеринарно-санитарные правила.

SKOTOMOGILNIKI-TIME BOMBS

DELEVER A.V.
Associate of the 4th year
correspondence courses
adjunct courses
SEI HPE «Donetsk academy of internal affairs of
the Ministry of internal affairs of the Donetsk
People's Republic»,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article deals with the urgent problem of the maintenance of anthrax animal burial grounds both on the territory of the Russian Federation and in the

DPR, LPR and Ukraine, the main danger that they pose to the locality on the territory of which they are located, as well as the regulatory framework that establishes and regulates the rules for the creation of such animal burial grounds. This article is aimed at reviewing the current situation, which may lead to the spread of one of the most dangerous epidemiological diseases that pose a real threat to biological safety and possible ways to solve it.

Keywords: *anthrax, animal burial ground, biometric pit, Veterinary and sanitary rules.*

Постановка проблемы. В настоящее время проблема распространения губительных, особо опасных эпидемий находится в приоритете, по отношению ко многим другим проблемам современного общества. По этой причине, исследование источников распространения таких эпидемий одна из первоочередных задач государства. Тем не менее, не смотря на указанное выше, до настоящего момента, данная задача не была решена даже на половину. В своей статье мы бы хотели обратить внимание на один из таких источников, в частности, сибиреязвенные скотомогильники, которые ненадлежащим своим содержанием представляют явную биологическую угрозу, должным образом которой, не уделяется внимание на законодательном уровне.

Обзор последних исследований и публикаций. Исследования по указанному направлению, а именно нарушению правил обращения и содержания сибиреязвенных скотомогильников проводились многими учеными такими как: Гудзь Н.В., Савченков С.Н., Азанов С.Н., Галкин В.В., Локтионова М.Н., Дятлов И.А., Шишкова Н.А. и др.

Актуальность данной темы заключается в том, что нарушение правил содержания сибиреязвенных скотомогильников, это деяние, последствия которого могут быть на столько разрушительными, на сколько может быть опасно вырвавшееся на свободу смертоносное заболевание, лечение, которого весьма затруднительно даже в современных условиях. Так, нарушение указанных правил, по масштабам своих

последствий можно смело сравнить с применением террористами биологического оружия.

Главное отличие заключается лишь в том, что во втором случае действия совершаются умышленно и преследуют свои личные мотивы, в то время как в первом случае нарушение правил в большинстве своем сопряжено с преступной халатностью, либо небрежностью, тем не менее разрушительный характер последствий у данных действий одинаков.

В связи с изложенным, *целью* данной статьи является рассмотрение современных условий содержания скотомогильников, в частности сибиреязвенных, с тем чтобы установить уровень опасности, которые на современном этапе они представляют для биологической безопасности, а также уголовно-правовое обеспечение данной проблемы.

Изложение основного материала исследования. В последнее время довольно часто возникает вопрос о назначении земельных участков, при выделении последних под застройку или иные муниципальные и частные нужды. В частности, интересует вопрос наличия ранее на выбранных участках, сельскохозяйственных построек, а также построек для иных нужд. Подобный интерес питает довольно распространенная сейчас проблема отсутствия у администрации того или иного населенного пункта полной информации касательно точного расположения участков, ранее отведенных под скотомогильники, не редко сибиреязвенные. Подобное положение вещей чревато резким ухудшением эпидемиологической обстановки в том или ином регионе.

Сибиреязвенные скотомогильники – это специально отведенные участки земли для захоронения трупов животных, зараженных спорами сибирской язвы, в народе их также называют «проклятыми полями» и не случайно. Опасность сибирской язвы, как нами указывалось ранее, несмотря на значительный прогресс в области биомедицины, остается актуальной и на современном этапе. По этой причине, наличие огромного количества неучтенных сибиреязвенных скотомогильников представляют

собой буквально бомбы замедленного действия и реальную угрозу не только для экологической безопасности, как указывается во многих источниках, но и непосредственную биологическую угрозу.

Казалось бы, почему давно не эксплуатируемым землям, которые никто не использовал по назначению долгие годы, уделяется такое пристальное внимание и чем они могут быть опасны? Дело в том, что бактерия сибирской язвы при доступе кислорода воздуха образует, так называемые споры, в результате чего обладает устойчивостью к высокой температуре, дезинфекции и высушиванию. По этой причине споры сибирской язвы отличаются завидным долголетием. Сохраняясь, они на протяжении многих лет могут служить источником заражения, находясь при этом либо в трупах животных и их испражнениях, либо в почве, которая является вторым, после животных резервуаром возбудителя сибирской язвы. Важно заметить, что инфицирование споровой формой *B. anthracis* (сибиреязвенная палочка) отмечалось при заражении от контаминированной почвы в 3–14 % из общего числа заболеваний.

Контаминированная (загрязненная, смешанная) спорами почва может оставаться источником инфекции многие годы, даже десятилетия. В истории известен случай заболевания сибирской язвой человека, заразившегося на месте захоронения трупов сельскохозяйственных животных, произведенного более 80 лет тому назад [1]. Кроме того, имеется сообщение о выделении двух жизнеспособных штаммов возбудителя сибирской язвы из костей животных, найденных при археологических раскопках в Национальном Крюгер-парке (Южная Африка). Радиоуглеродный анализ этих костей показал, что они относятся к животным, погибшим от сибирской язвы 200 ± 50 лет назад [2].

Таким образом, не удивителен факт обеспокоенности относительно невозможности получить утраченные данные относительно местонахождения подобного рода скотомогильников.

Говоря о скотомогильниках, мы бы не хотели ссылаться на простую теорию не подтвержденную, какими-либо реальными примерами, и поэтому хотим обратить внимание в первую очередь на тот факт, что угроза бесхозных сибирязвенных скотомогильников, в настоящее время не призрачна, она вполне реальна как для жителей РФ, так и для территории ДНР и ЛНР.

Так, что касается близлежащей к ДНР территории, то стоит заметить, что еще 5 июля 2017 года на заседании Инспекции по экологии при МЧС ДНР обсуждались вопросы возможных опасностей в случае разгерметизации скотомогильников и мест захоронения животных, погибших от сибирской язвы в Артемовском, Волновахском, Тельмановском и Ясиноватском районах, а также рядом с Мариуполем. Также еще в 2011 году в Дружковке, рядом со свинокомплексом, был выявлен достаточно крупный, 6 x 6 метров, открытый могильник, куда сбрасывали трупы животных. Неподалеку протекал ручей, впадающий дальше в реку Кривой Торец, которая является составной частью водной артерии региона~ «Северский Донец – Донбасс». Руководство Константиновского района тогда подтвердило законность этой биотермической ямы. Также было обещано оборудовать собственные площадки для сжигания трупов животных в пределах комплекса. Однако, на сколько известно, данное обещание до сих пор не исполнено.

Начальник главного управления ветеринарного контроля и надзора ДНР Виталий Савельев отметил, что на территории Донецкой области, временно подконтрольной Украине, с 1940 года и по настоящий период зарегистрированы 260 неблагополучных пунктов по сибирской язве и почти 400 скотомогильников, где были захоронены животные, больные сибирской язвой. «Однако, по состоянию на сегодня, точных данных о местах нахождения более 90 % скотомогильников, где были захоронены заразные животные, не имеется. Последний случай заболевания сибирской язвой животных на территории

Донецкой области был зарегистрирован в 2002 году в поселке Новозакономическое Красноармейского района [3].

В поддержании эпидемиологически неблагоприятной ситуации, по сибирской язве решающую роль играют почвенные очаги этой инфекции. Механизм передачи инфекции чаще всего контактный – отмечается при работе с больными животными (фуражиры, работники молочных ферм, конезаводов) или при работе с мясом и шкурами убитых животных (работники мясокомбинатов, кожгалантерейная промышленность). В 20% случаев передача инфекции происходит через готовые изделия из кожи, на которой возбудители сохраняются более 10-и лет [4].

Опасность сибиреязвенных скотомогильников, на территории ДНР и ЛНР, местонахождение части из которых до настоящего времени не известны, усугубляется также тем фактом, что в связи с активными боевыми действиями, большая часть которых приходится на район частного сектора, многие жители покидают свои дома, а вместе с ними бесследно утрачиваются последние данные о нахождении обсуждаемых объектов. Кроме того, сами военные действия чреваты, возможной разгерметизацией скотомогильников, которые могут угрожать распространением особо опасного заболевания.

Что же касается РФ, то здесь ситуация более плачевна, в основном, по причине обширности территории.

Так, согласно статистическим данным в РФ, насчитывается примерно 9.5 тысяч бесхозных скотомогильников, из которых 1,5 тысячи сибиреязвенных.

Больше всего захоронений без собственников в Приволжском федеральном округе – 2 тыс. 977 штук, меньше всего в Северо-Западном – 131. Об этом говорится в официальном письме Россельхознадзора, направленном в качестве ответа на запрос депутата Госдумы Максима Иванова [5].

Особую опасность скотомогильники представляют в том, случае, когда территории, на которых они располагаются передаются в частное, либо, что еще более опасно, в общественное

пользование, в результате чего, при проведении строительных работ, может быть нарушена целостность указанного объекта и заражению спорами сибирской язвы подвергнется неограниченное количество людей, а также животных, последние, в частности, заразившись могут распространить это заболевание далеко за пределы скотомогильника.

Таким образом, проведя краткий обзор нынешней ситуации относительно сибиреязвенных скотомогильников, хотим провести соответствующий, ранее заявленный автором уголовно-правой анализ.

Говоря о передаче указанных выше территорий в пользование или собственность отдельным лицам, следует указать об уголовной ответственности, которая может за этим следовать.

Согласно ст. 293 УК ДНР уголовная ответственность наступает за нарушение ветеринарных правил, повлекшее по неосторожности распространения эпизоотий или иных тяжких последствий.

Таким образом, несоблюдение правил обращения и содержания скотомогильника может привести к уголовной ответственности в виде лишения свободы сроком до двух лет. Однако не только эта норма может быть применена в подобных случаях, сюда может относиться и превышение должностных полномочий, и злоупотребление ими.

В подобном случае мы имеем дело со специальным субъектом.

Однако, хотим заметить, что, говоря о субъекте данного вида преступного деяния, мы ни в коем случае не ограничиваем его лишь специальным субъектом, то есть лицом, наделенным в данном случае определенными надзорными и иными полномочиями.

Субъект здесь может быть и общий, так примером тому служит случай, произошедший на территории Украины в с. Вознесенка Запорожской области в 2012 году, когда у одной из пенсионерок, от сибирской язвы умерла корова. Удивительно то,

что женщина, не дождавшись результатов анализов, намеревалась продать зараженное мясо, однако ей это сделать не удалось, действия пресекли сотрудники внутренних дел, которые изъяв мясо отправили его на утилизацию [5].

Кроме того, мы хотели бы сделать акцент на необходимости внесения изменения в статью 293 УК ДНР, а именно не ограничиваясь, лишь непосредственными действиями, которые могут привести к эпизоотии или иным тяжким последствиям, считаем целесообразным дополнить диспозицию статьи созданием угрозы подобных последствий. Что, несомненно, ужесточит уголовное преследование нарушителей данной уголовно-правовой нормы.

Также, считаем целесообразным принять ряд нормативно-правовых актов, регулирующих процесс содержания и обустройства скотомогильников в большей степени сибиреязвенных, как наиболее опасных в случае вскрытия подобных захоронений, особенно, что касается территории ДНР.

А именно наиболее важными и актуальными на современном этапе считаем принятие ветеринарно-санитарных правил сбора, утилизации и уничтожения биологических отходов, так как именно этот нормативно-правовой акт, на территориях РФ и ЛНР предусматривает, что захоронение трупов животных зараженных сибирской язвой категорически запрещается, а биологические отходы, зараженные или контаминированные возбудителями: сибирской язвы, эмфизематозного карбункула, чумы крупного рогатого скота, чумы верблюдов, бешенства, туляремии, столбняка, злокачественного отека, катаральной лихорадки крупного рогатого скота и овец, африканской чумы свиней, ботулизма, сапа, эпизоотического лимфангоита, мелиоидоза (ложного сапа), миксоматоза, геморрагической болезни кроликов, чумы птиц, сжигают на месте, а также в трупосжигательных печах или на специально отведенных площадках. Естественно, нарушение подобной процедуры утилизации зараженного скота,

должно аналогично РФ и ЛНР, преследоваться уголовным и административным законодательством.

В вопросе нормативно-правового регулирования проблем содержания скотомогильников, мы придерживаемся позиции С.Н. Савченкова и С.Н. Азанова которые указывают, что существующие нормативно-правовые акты, их положения и требования не в полной мере отвечают поставленным целям в обеспечении правового регулирования общественных отношений в сфере защиты населения от опасностей, обусловленных возбудителем сибирской язвы, поскольку были приняты без должных научных концептуальных разработок в данной сфере и соответствующих социально-политических, экономических и иных экспертных оценок ее состояния и перспектив развития.

В правовом поле имеются существенные пробелы по многим вопросам, имеющим важнейшее значение в решении возложенных задач, в том числе полномочий и ответственности субъектов права за разработку и внедрение современных подходов и технологий обнаружения, дезинфекции и хранения биологических отходов, зараженных возбудителем сибирской язвы [7, с. 95].

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме).

Таким образом, суммируя вышеуказанное, можно заключить следующее: реалии современности таковы, что человечество, не готово к полномасштабному отражению «нападения» особо-опасных эпидемиологических заболеваний.

В виду чего, вполне обоснована позиция «лучше предупредить распространение, чем бороться с его последствиями», по этой причине легкомысленное отношение к источникам подобного рода заболеваний должно уступить место трезвому взгляду на ситуацию без каких-либо преуменьшений ее значения, и в первую очередь это должно проявиться в создании крепкой, неразобщенной уголовной и административной нормативно-правой базы.

Список использованных источников

1. Онищенко Г.Г. Постановление «О мерах совершенствования мероприятий по профилактике сибирской язвы в Российской Федерации» № 41 от 27.06.2008 г.

2. Адамович В.Л., Белицкая Г.А., Кукарекин Н.Ф. К вопросу оздоровления почвенных очагов сибирской язвы в Брянской области. В сб.: Вопросы эффективности противосибиреязвенных мероприятий. Материалы Всесоюзного научного симпозиума IX Пленарного заседания междугосударственной научно-методической комиссии по борьбе с сибирской язвой. М., 1974, С. 170-171.

3. На заседании Совместной инспекции рассмотрели вопрос возможной опасности для населения расположенных на территории Донбасса мест захоронения животных, погибших от сибирской язвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gum-centr.su/news/na-zasedanii-sovmestnoi-inspekicii-rassmotreli-vopros-vozmoznoi-opasnosti-dla-naselenia>.

4. Сибирская язва: все от возбудителя и симптомов заболевания до профилактики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nlmrb.ru/uploads/profilaktika/sibirskaya-yazva.pdf>.

5. «Мина замедленного действия» В России 9,5 тыс. бесхозных скотомогильников, из них 1,5 тыс. — с сибирской язвой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.znak.com/2020-0113/v_rossii_9_5_tys_beshozyaynyh_skotomogilnikov_iz_nih_1_5_t_s_s_sibirskoy_yazvoy.

6. На Украине обнаружен очаг сибирской язвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kyiv/400095.html>.

7. Савченко С.Н., Азанов С.Н.//Нормативная правовая база защиты населения и территорий от опасностей, обусловленных возбудителем сибирской язвы//Право и безопасность №4, 2010.- с.93-96.

РАЗДЕЛ 7

Международное право; Европейское право

УДК 349.3

DOI: 10.5281/zenodo.5746657

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

СОЛОВЬЁВА Ю. А.,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и
международного права,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»;
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье дан краткий обзор международного законодательства, регламентирующего право на охрану здоровья; проанализировано содержание международных стандартов права на охрану здоровья; установлено их значение для внутригосударственного права.

Ключевые слова: право; охрана здоровья; здравоохранение; международные стандарты; объекты стандартизации в сфере охраны здоровья.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR THE RIGHT TO HEALTH PROTECTION

SOLOVYOVA U.A.,
candidate of law, docent department of
constitutional and international law,
Donetsk national university,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article provides a brief overview of international legislation regulating the right to health protection; analyzed the content of international standards of the right to health protection; established their significance for domestic law.

Keywords: law; health protection; healthcare; international standards; objects of standardization in the field of health protection.

Актуальность. Человек, его жизнь и здоровье являются наивысшими первичными ценностями, в соответствии с которыми должна определяться политика социально-экономического развития любого государства. При этом, сегодня, в условиях всеобщей пандемии, вызванной распространением коронавируса COVID-19, как никогда остро стоит вопрос сохранения здоровья населения планеты, что является приоритетной задачей каждого государства и мирового сообщества в целом. От этого, в частности, отмечается в Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ГА ООН) от 10 октября 2019 года [1], где подчеркивается, что всеобщий охват услугами здравоохранения имеет основополагающее значение для достижения целей в области устойчивого развития всего общества, при этом ответственность за эффективность проводимых мероприятий в указанной сфере должна возлагаться на правительства всех стран мира. Отмечая важность наращивания глобальных усилий по построению более здорового мира, в Резолюции провозглашается, что охрана здоровья является инвестицией в человеческий капитал и социально-экономическое развитие, служит цели полной реализации человеческого потенциала и вносит весомый вклад в защиту прав человека. Таким образом, ГА ООН делается акцент на обязанности государств обеспечивать реализацию прав человека в сфере здравоохранения (естественно, с учетом национальных условий и приоритетных задач развития).

При этом государственное управление здравоохранением в каждом государстве должно основываться на международных стандартах обеспечения охраны здоровья (с соблюдением минимальных и допустимых требований, которые признаются мировым сообществом как такие, которые не могут быть нарушены ни при каких обстоятельствах, и должны соблюдаться всеми цивилизованными странами).

Постановка проблемы. В тоже время, в условиях обострения глобальных проблем сохранения здоровья населения планеты,

актуальным представляется исследование основных составляющих институционального фундамента права на охрану здоровья на основе анализа положений международных документов в данной сфере.

Обзор последних исследований и публикаций. Рассмотрению вопросов международных стандартов права на охрану здоровья определенное внимание уделено в работах С. В. Нечаева [2, с. 56-59], М. В. Вронской [3], Д. Г. Бартенева [4] и других авторов. Нормативно данное право закреплено в ряде международных правовых актов, а именно: Всеобщей декларации прав человека [5], Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [6], Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [7], Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [8] и пр.

В связи с этим *целью данного исследования* является анализ содержания международно-правовых стандартов права на охрану здоровья и установление их значения для внутригосударственного права.

Изложение основного материала исследования. Стандарт в широком смысле – это образец, эталон, модель, который принимается за исходный для сравнения с ним других объектов. Стандарт – это определение ожидаемого (получаемого) качества, утвержденная модель, которая является основой процесса оценки, документ, составленный в результате консенсуса специалистов, одобренный специализированной организацией и направленный на достижение оптимальной степени упорядоченности в данной сфере [9, с. 3].

Международный стандарт обязательно выражается в международно-правовых нормах, которые развивают и конкретизируют принципы уважения к человеку не только в сфере здравоохранения (то есть права пациентов, деятельность медицинских работников и пр.), но также и в других сферах жизнедеятельности (социальной, трудовой и т.д.).

Таким образом, международно-правовые стандарты в сфере охраны здоровья – это зафиксированные международно-правовыми актами принципы и нормы, которые определяют объем прав человека в сфере здравоохранения и служат юридическим «основанием» для определения национальной политики в этой сфере [10, с. 126].

Основными объектами стандартизации в сфере охраны здоровья являются: права и обязанности населения и медицинского персонала; информация об уровне и состоянии медицины; организация здравоохранения, включающая требования, выдвигаемые к медицинскому персоналу и образованию, качеству лекарственных препаратов, медицинским услугам и пр.).

Признаки стандартов в сфере охраны здоровья заключаются в следующем:

- научная, практическая и техническая обоснованность;
- конкретность требований к качеству медицинского обслуживания с учетом реального состояния отрасли, а именно финансового и кадрового обеспечения, материально-технических ресурсов, образовательного уровня специалистов и т.п.;
- соответствие принципу научно обоснованной медицинской практики;
- четкость, конкретность и ясность определений;
- актуальность, которая достигается путем периодического анализа и пересмотра ранее установленных стандартов, выработки механизмов обеспечения или стимулирования выполнения действующих стандартов [11, с. 16].

Необходимо отметить, что определение права на охрану здоровья впервые было закреплено в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП), где в ст. 12 указано, что «страны-участники настоящего Пакта признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» [6]. Согласно указанной статье, для полного

осуществления этого права, государства должны принять следующие меры:

- по сокращению мертворождаемости и детской смертности;
- по улучшению всех аспектов «чистоты» внешней среды и гигиены труда в промышленности;
- по предупреждению и лечению эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбе с ними;
- по созданию условий, обеспечивающих всем, без исключения, медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (далее – КЭСКП) является органом, уполномоченным ООН по контролю за соблюдением МПЭСКП, который, в свою очередь, выдал Замечание общего порядка о праве на здоровье – Замечание общего порядка № 14 [12].

Замечание общего порядка КЭСКП № 14 определяет, что «право на здоровье включает в себя широкий спектр социально-экономических факторов, создающих условия, в которых люди могут вести здоровый образ жизни, и охватывает основополагающие детерминанты здоровья». КЭСКП также определено основные «предпосылки здоровья» (но данный перечень не является исключительным): «адекватное» (надлежащее) обеспечение продуктами питания; жилье; здоровые условия проживания и окружающей природной среды; доступ к безопасной питьевой воде и создание санитарно-гигиенических условий; безопасные и здоровые условия труда; доступ к медицинскому образованию и информации, в том числе по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья. Как нами уже отмечалось, международные стандарты права человека на охрану здоровья закреплены в разных по характеру международных актах, основными из которых являются следующие: Всеобщая декларация прав человека (ст. 25) [5]; Международный пакт об экономических, социальных и

культурных правах (ст. 12) [6]; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ст. 5 (d, iv)) [7]; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (ст. 11.1 и 12) [8] и пр.

Анализ указанных международно-правовых актов позволяет сделать вывод, что право человека на охрану здоровья включает такие возможности:

- «достаточный» жизненный уровень, который включает пищу, одежду, жилье, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, необходимые для поддержания здоровья;

- запрет пыток и жестокого или унижающего достоинство обращения/наказания;

- снижение уровня мертворождаемости и детской смертности;

- предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и других болезней и борьба с ними;

- улучшение всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности;

- надлежащий уровень медицинской помощи, а также консультативных и образовательных услуг;

- благоприятные и соответственно безопасные условия труда;

- охрана материнства и защита детей (молодежи).

Продолжая рассмотрение вопросов о международных стандартах права лица на охрану здоровья, хотелось бы отметить, что Европейская Социальная Хартия [13] содержит две статьи, посвященные именно праву на охрану здоровья. Так, ст. 11 обязывает государства, подписавшие Хартию, принять меры по устранению причин ухудшения здоровья; по предоставлению услуг консультационного и образовательного характера, направленных на укрепление здоровья и развитие чувства личной ответственности за свое здоровье; по предотвращению эпидемических, эндемических и иных заболеваний.

Ст. 13 Европейской Социальной Хартии в целях обеспечения эффективного осуществления права на социальную и медицинскую помощь обязывает государства-подписантов Хартии:

- предоставить всем лицам, которые не имеют достаточных средств к существованию, соответствующую медицинскую помощь, а в случае болезни – уход, необходимый в их состоянии;

- обеспечить, чтобы лица, пользующиеся такой помощью, не были ущемлены по этой причине в своих политических, социальных и иных правах;

- предусмотреть возможность каждого лица на получение консультаций по вопросам охраны его здоровья, а также любой индивидуальной помощи, чтобы «предотвратить, устранить или облегчить состояние личной или семейной нужды».

Несколько иным образом охарактеризовано право на охрану здоровья в пособии «Охрана здоровья и права человека» [14, с. 10-11], освещающем международные механизмы защиты прав человека в указанной сфере, где к элементам указанного права отнесено следующее:

- 1) наличие учреждений здравоохранения, товаров, услуг и программ, которые доступны в достаточном количестве и включают следующее:

- основные детерминанты здоровья (питьевая вода, надлежащие санитарно-гигиенические условия);

- учреждения здравоохранения (больницы, поликлиники и т.д.);

- надлежащий уровень квалификации медицинского персонала;

- наличие основных лекарственных средства и препаратов;

- 2) доступность, что включает в себя следующее:

- отсутствие дискриминации (доступность всем без исключения (в независимости от расовой принадлежности, религии, политических или иных убеждений, национального или

социального происхождения и пр.) товаров и услуг здравоохранения);

– физическая доступность (физическая досягаемость для всех слоев населения учреждений здравоохранения, медицинских товаров и услуг);

– экономическая доступность (медицинские товары и услуги должны быть доступными по цене для всех, а не непропорционально обременительными для бедных);

– информационная доступность (свобода получения и распространения информации по вопросам здравоохранения, естественно, с соблюдением права на конфиденциальность персональных данных);

3) приемлемость (обеспечение соблюдения принципов медицинской этики);

4) качество (учреждения здравоохранения, товары и услуги должны иметь надлежащий научный и медицинский уровень (это включает в себя квалифицированных медицинских кадров, надлежащее качество лекарственных средств и медицинского оборудования и пр.)).

Кроме актов общего характера, регулирующих вопросы стандартов в сфере здравоохранения, можно выделить те, которые устанавливают права отдельных категорий лиц, обладающих определенными особенностями (возраст, физические или психическое состояние и т.д.), а именно:

– акты, регламентирующие правовой статус определенных категорий граждан в зависимости от социально-демографической группы (например, Конвенция о правах ребенка 1989 г. [15]);

– акты, закрепляющие правовой статус индивидов в зависимости от особенностей осуществляемой ими трудовой деятельности и условий ее осуществления, а также их местонахождения (например, Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ 2008 г. [16]);

Необходимо также отметить, что среди международно-правовых актов, закрепляющих права человека, в том числе и право на охрану здоровья, отдельно внимания заслуживает анализ положений, так называемых, специализированных международных актов, которые направлены на регулирование общественных отношений исключительно в сфере охраны здоровья. Как известно, эти документы принимаются специальными организациями, созданными для непосредственной разработки стандартов в области здравоохранения. К таким организациям относятся Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная медицинская ассоциация (ВМА), Всемирная ассоциация медицинского права (ВАМП) и т.д. Так, например, в 2018 году было разработано и принято Международные стандарты ВОЗ по безопасной работе в анестезиологии [17], которые предназначены для помощи специалистами по анестезии, их профессиональным организациям, администрациям больниц и учреждений, а также правительствами для поддержки и повышения качества и безопасности анестезиологической помощи. Стандарты охватывают профессиональные аспекты; помещения и оборудования; лекарства и внутривенные растворы; мониторинг; непосредственное проведение анестезии.

В качестве примеров специализированных международных актов в сфере здравоохранения хотелось бы также привести Конвенцию Международной организации труда (далее – МОТ) № 130 о медицинской помощи и пособиях по болезни 1969 г. [18] и Конвенцию МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения от 28 июня 1952 года [19]. Последней, в частности, определено примерный круг лиц, которым оказывается бесплатная медицинская помощь и рекомендовано, среди прочего, государствам, в которых экономика и медицинское обслуживание еще не достигли достаточной степени развития, обеспечивать медицинской помощью не менее 50% от общего числа работающих по найму на промышленных предприятиях, на которых занято не менее 20 человек, а также их жен и детей.

Также в Конвенции МОТ № 102 регламентировано минимальный перечень мер, которые должны быть предприняты в случае заболевания лица, а именно:

- первичная (общая) врачебная помощь (включая визиты на дом);
- помощь, оказываемая специалистами стационарным или амбулаторным больным в больницах, и помощь, которая может оказываться специалистами вне больниц;
- обеспечение наиболее необходимыми лекарственными средствами;
- госпитализация в случае необходимости.

Помимо перечисленных видов медицинской помощи, которые оказываются врачами-специалистами, минимальные нормы медицинского обслуживания охватывают и обеспечение необходимыми лекарственными средствами. Скорее всего, в данном случае речь идет о предоставлении медикаментов «социально незащищенным» лицам. При этом, если лекарственный препарат предоставляется на безвозмездных началах, то можно говорить, что эта гарантия является составным элементом системы социального обеспечения государства [20, с. 354]. Отмечая значение международных стандартов в сфере здравоохранения для внутригосударственного права, хотелось бы обозначить, что, во-первых, посредством их применения достигается закрепление в национальных правовых системах государств (различного уровня экономического развития) единого набора прав и их минимально допустимого объема и содержания [20, с. 354]. А, во-вторых, основными способами имплементации таких международных норм в национальное законодательство являются следующие:

- прямой (обязательное исполнение решений МОТ, ВОЗ и т.д.);
- опосредованный (заключение и ратификация международных соглашений, содержащих обязательства для государства в сфере здравоохранения);

– доктринальный (непосредственное использование международных стандартов по вопросам охраны здоровья);

– институциональный (учет наработок и рекомендаций международных организаций по вопросам здравоохранения).

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, международные стандарты права человека на охрану здоровья закреплены в разных по характеру международных актах, анализ которых позволяет сделать вывод, что право человека на охрану здоровья включает такие возможности: жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья; запрет пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; снижение уровня мертворождаемости и детской смертности; улучшение всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности; предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьба с ними; медицинская помощь; консультативные и образовательные услуги; справедливые и благоприятные, безопасные и здоровые условия труда; охрана материнства; защита детей и молодежи. Во-вторых, к основным элементам права на охрану здоровья необходимо отнести: наличие учреждений здравоохранения, товаров, услуг и программ, которые доступны в достаточном количестве; отсутствие дискриминации; физическая, экономическая и информационная доступность; приемлемость и качество. В-третьих, право на охрану здоровья имеет три уровня закрепления и правового регулирования в международном законодательстве: акты общего характера; акты, регулирующие права индивидов, обладающих определенными особенностями; акты, направленные непосредственно на регулирование отношений в сфере охраны здоровья населения и организации медицинской помощи

(специализированные международные акты). В четвертых, посредством применения международных стандартов в сфере здравоохранения достигается закрепление в национальных правовых системах государств (различного уровня экономического развития) единого набора прав и их минимально допустимого объема и содержания.

Список использованных источников

1. Политическая декларация заседания высокого уровня по вопросу о всеобщем охвате услугами здравоохранения: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10 октября 2019 года № 74/2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/2> (дата обращения: 10.09.2021).

2. Нечаев, С. В. Международные стандарты права на охрану здоровья / С. В. Нечаев // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – Серия «Гуманитарные науки». – № 4(14). – 2010. – С. 56-59.

3. Вронская, М. В. Институционализация права человека на охрану здоровья в международно-правовом пространстве / М. В. Вронская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-prava-chelovek-a-na-ohranu-zdorovya-v-mezhdunarodno-pravovom-prostranstve> (дата обращения: 10.09.2021).

4. Бартенев, Д. Г. Право на охрану здоровья в международном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Дмитрий Геннадиевич Бартенев. – Санкт-Петербург, 2006. – 193 с.

5. Всеобщая декларация прав человека: Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.-shtml (дата обращения: 10.09.2021).

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной

Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

7. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: Резолюция 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racesconv.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

8. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: Резолюция 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

9. Якубовяк В. Международный опыт стандартизации в здравоохранении / В. Якубовяк // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2002. – № 4. – С. 3-5.

10. Карташкин, В. А. Международная защита прав человека / В. А. Карташкин. – М., 1976. – 206 с.

11. Колоколов Г. Основы медицинского права / Г. Колоколов, Н. Косолапова, О. Никульникова. – М.: Экзамен, 2005. – 320 с.

12. Замечание общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,CESCR,,,47ebcc3c2,0.html> (дата обращения: 10.09.2021).

13. Европейская Социальная Хартия (Страсбург, 3 мая 1996) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/evropejskaa-social-naa-hartia> (дата обращения: 10.09.2021).

14. Охрана здоровья и права человека: ресурсное пособие / под научной редакцией И. Я. Сеньюты (версия на рус. языке). – 5-е изд., доп. – Львов: Издательство ЛОБФ «Медицина и право», 2015. – 989 с.

15. Конвенция о правах ребенка: Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

16. Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2567688/> (дата обращения: 10.09.2021).

17. Международные стандарты безопасной анестезии: обзор рекомендаций Всемирной организации здравоохранения и Всемирной федерации обществ анестезиологов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal-grsmu.by/index.php/ojs/article/view/2415> (дата обращения: 10.09.2021).

18. О медицинской помощи и пособиях по болезни: Конвенция МОТ № 130 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901762620> (дата обращения: 10.09.2021).

19. О минимальных нормах социального обеспечения: Конвенция МОТ № 102 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902244295> (дата обращения: 10.09.2021).

19. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения: учебник для академического бакалавриата / Е. Е. Мачульская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 441 с.

20. Подвязникова, М.В. Международное сотрудничество в сфере охраны здоровья населения и взаимообусловленность национальных систем права социального обеспечения / М.В. Подвязникова // Право и политика. – 3 (183). – 2015. – С. 351-356.

РАЗДЕЛ 8

Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность

УДК 342.728

DOI: 10.5281/zenodo.5743001

НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

КОТЛЯР А.В.,

ст. преподаватель кафедры административного
и финансового права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

ОСТРАДЧУК С.С.,

студент .риджического факультета

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье рассматриваются общетеоретические вопросы правовой регламентации надзора за деятельностью общественных объединений. Также, проводится сравнительно-правовой анализ норм российского законодательства по сравнению с законодательством Донецкой Народной Республики, касательно контроля и надзора за деятельностью общественных объединений.

Ключевые слова: общественные объединения, государство, права граждан, контроль, надзор.

SUPERVISION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

KOTLYAR A.V.,

Senior Lecturer the department of administrative
and financial law,

STO HPE "Donetsk National University" Donetsk,
Donetsk People's Republic,

OSTRADCHUK S.S.,
law student STO HPE "Donetsk National
University",
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article deals with general theoretical issues of legal regulation of supervision over the activities of public associations. Also, a comparative legal analysis of the norms of Russian legislation in comparison with the legislation of the Donetsk People's Republic, concerning the control and supervision of the activities of public associations, is carried out.

Keywords: public associations, the state, citizens' rights, control, supervision.

Актуальность. В современном обществе государство является регулятором социально-экономических, политических отношений, гаранта обеспечения прав и свобод человека. В Донецкой Народной Республике на стадии становления существует ряд проблем, однако особое внимание следует обратить на правовое регулирование деятельности общественных объединений и повышение социального значения осуществляемой ими деятельности. Данное обстоятельство вызывает необходимость детального исследования особенностей их взаимодействия с органами государственной власти, а также контроля со стороны уполномоченных органов.

Постановка задачи. Донецкая Народная Республика – достаточно молодое государство, только идущее по пути развития своего законодательства, призванного наиболее полно обеспечить своих граждан всеми правами и свободами, которые предусматривают как международные документы в области прав человека, так и Конституция Донецкой Народной Республики. Общественные объединения – очень важный институт гражданского общества, призванный в равной мере обеспечить всем гражданам возможность выражать свое коллективное мнение по тому, или иному вопросу, а также осуществлять коллективную деятельность в самых различных сферах.

Кроме того, право на объединение – это одно из тех мер возможного поведения человека, которое прямо предусмотрено

Конституцией. Поэтому механизм реализации этого права должен быть предусмотрен одним из первых, наряду с иными правами, установленными Основным законом государства.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросами исследования общественных объединений занимались такие ученые, как: Борискова И.В., Шухов Ф.Г., Морозова Л.А.

Цель статьи. Анализа законодательной базы, регламентирующей порядок контроля и надзора за деятельностью общественных объединений.

Изложение основного материала исследования. Общественные объединения играют значительную роль в формировании правового государства, а государство в свою очередь выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан.

Так, в Конституции Донецкой Народной Республики сказано, что государство признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [1].

Одним из таких прав выступает право граждан на создание объединений. В свою очередь статьей 22 Международного пакта о гражданских и политических правах одобренного Генеральной Ассамблеи ООН, предусмотрено право каждого человека на свободу ассоциаций с другими. Международный пакт о гражданских и политических правах, фиксируя право каждого на объединение, использует в ст. 22 фразу «свобода ассоциации с другими». При этом конкретизация применяемой фразы отсутствует [2].

Вместе с тем статья 3 Конституции Донецкой Народной Республики закрепляет, что: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц».

В свою очередь, ч. 1 ст. 23 Конституции Донецкой Народной Республики закрепила право на объединение, в том числе право

создавать профсоюзы (профессиональные союзы) для защиты своих интересов [1].

Все выше сказанное говорит о том, что гражданам дается возможность создавать общественные объединения с целью защиты общих интересов, а также с целью достижения общих целей.

Объединения создаются на добровольной основе, и каждый человек может вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также беспрепятственно выходить из их членства объединения [3].

Действительно, общественные объединения как институт гражданского общества очень важны для формирования демократического правового социального государства. Ведь для эффективного функционирования государства всегда одной из необходимостей было взаимодействие с общественными объединениями.

Следует сказать, что в научной литературе можно встретить три главных направления сотрудничества государства и общественных объединений:

- информирование общественных объединений о состоянии в какой-либо сфере жизни общества, а также о принимаемых решениях органами государства;

- взаимодействие государства с общественными объединениями с целью совместного решения социально значимых проблем (охрана и обеспечение правопорядка, сфера охраны труда, и т.д.);

- в сфере законотворчества и правотворчества (через общественные движения могут воздействовать на процесс правотворчества, изучать общественное мнение, проводить общественную экспертизу законопроектов, и других нормативных правовых актов и т.д.)

Что же касается контроля, за деятельностью общественных объединений со стороны государства, то он заключается в контроле:

1. за законность деятельности общественных объединений, путем регистрации их уставных документов, надзором за тем, чтобы их деятельность не выходила за пределы уставных целей и задач;

2. за законностью источников получения доходов данными объединениями. [4].

Опираясь на нормы Федерального закона РФ от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об общественных объединениях», следует сказать, что под общественным объединением понимается: «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения» [5].

Как мы уже говорили ранее, право граждан на создание общественных объединений реализуется путем объединения лиц с целью удовлетворения и защиты своих прав и законных интересов.

Исходя из этого, признаками общественного объединения является:

а) добровольность их создания, а также добровольная возможность вступления в уже существующее объединение;

б) самоуправляемость общественных объединений (государство вправе вмешиваться, только если нарушается законодательство);

в) носит некоммерческий характер деятельности, (создается без цели получения прибыли);

г) создаются по инициативе граждан;

д) основа объединения – общность целей и интересов [6, с.127-128].

На современном этапе развития Донецкой Народной Республики трудно определить место общественных объединений как института гражданского общества. Вступивший в силу 1 июля 2020 года Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики не дает четкого определения понятию «общественное объединение». Отдельные статьи Главы 4 регламентируют деятельность

некоторых видов общественных объединений, однако, отдельный нормативно правовой акт, определяющий правовое положение объединений в Донецкой Народной Республике на сегодняшний день, отсутствует.

В связи с этим возникает проблема осуществления контроля за деятельностью общественных объединений [7].

В то же время, стоит отметить Указ Главы Донецкой Народной Республики от 1 марта 2019 года №56 «Об утверждении Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики», где было определено, что одним из стратегических приоритетов внешней политики Донецкой Народной Республики является интеграция с Российской Федерацией [8].

Поэтому, по мнению автора, является целесообразным рассмотрение Федерального закона Российской Федерации от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об общественных объединениях» в качестве примера дальнейшего развития правового положения общественных объединений в Донецкой Народной Республике.

Так, статья 38 данного закона устанавливает субъектов контроля и надзора за деятельностью общественных объединений. Из анализа данной статьи можно сказать, что к органам контроля над деятельностью общественных объединений относятся:

- прокуратуры;
- орган, принимающий решения о государственной регистрации общественных объединений;
- органы государственного финансового контроля;
- орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов;
- орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения [5].

Проводя аналогию с российскими субъектами контроля и надзора, можно сказать, что прокуратура Донецкой Народной

Республики согласно п. 1,2 ч. 2 ст. 1 Закона ДНР «О прокуратуре», в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, исполнением законов органами исполнительной власти, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций [9].

Как отмечала А.С. Шерязова, среди ученых существуют противоречивые мнения по поводу разграничения понятий «контроль» и «надзор». Исходя из обыденного понимания значений этих слов, можно сказать, что данные понятия тождественны. Под контролем и надзором понимается «наблюдение или постоянное наблюдение с целью присмотра, проверки за кем-то или чем-нибудь, за соблюдением каких-нибудь правил».

Рядом ученых понятие контроль трактуется шире понятия надзор, поскольку контроль позволяет «не только надзирать, т.е. наблюдать за законностью и ставить вопрос об устранении нарушений, но и устранять их своей властью» [10].

Так, Л.А. Николаева под основной задачей прокуратуры понимает точное и неуклонное исполнение законов, это означает, что деятельность поднадзорных органов прокуратуры можно оценивать только с позиции законности [11, с.161].

Следующий орган ДНР, который должен осуществлять контроль над деятельностью объединений является Республиканский орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере налогового и таможенного дела – Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики.

Данный орган, принимает решения о государственной регистрации общественных объединений, осуществляет контроль за соответствием деятельности общественных объединений их уставным целям.

Кроме того, согласно ч.12 ст.10 Закона Донецкой Народной Республики от 18 декабря 2020 года №220-ПНС «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц – предпринимателей», проверка достоверности сведений, включаемых или включенных в Единый государственный реестр, проводится регистрирующим органом в случае возникновения обоснованных сомнений в их достоверности, в том числе в случае поступления возражений заинтересованных лиц относительно предстоящей государственной регистрации изменений устава юридического лица или предстоящего включения сведений в Единый государственный реестр, посредством: изучения документов и сведений, имеющихся у регистрирующего органа, в том числе возражений заинтересованных лиц, а также документов и пояснений, представленных заявителем; получения необходимых объяснений от лиц, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для проведения проверки; получения справок и сведений по вопросам, возникающим при проведении проверки; привлечения специалиста или эксперта для участия в проведении проверки [12].

Также стоит заметить, что согласно п.2.1.8 Положения «О министерстве доходов и сборов Донецкой Народной Республики», утвержденного Постановлением Правительства Донецкой Народной Республики от 12 сентября 2019 года №25-20, Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики осуществляет контроль соблюдения законодательства о налогообложении, бюджетного, таможенного и другого законодательства, относящегося к сфере его деятельности [13].

Министерство финансов Донецкой Народной Республики является республиканским органом исполнительной власти, реализующий функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере бюджетной, страховой, финансовой деятельности, финансового мониторинга, осуществления финансового, бюджетного и иного контроля

(надзора), а исходя из этого его можно считать органом контроля за деятельностью общественных объединений

Так, согласно пп. 10,11 п. 14 Положения о Министерстве финансов Донецкой Народной Республики, утвержденного Советом Министров Донецкой Народной Республики 22.07.2015 №13-33, основными задачами Министерства финансов являются: осуществление государственного контроля (надзора) по вопросам ведения Министерства финансов; выработка государственной политики и нормативное правовое регулирование в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём и финансированию терроризма. [14].

Все эти органы контролируют и осуществляют надзор, за деятельностью общественных объединений исходя из специфики предметов своего ведения.

Однако, помимо внешнего контроля и надзора, в общественном объединении всегда создается орган внутреннего контроля за их деятельностью. Зачастую таковым является контрольно-ревизионная комиссия.

Так, например, согласно п. 5.21 Устава Общественного движения «Свободный Донбасс», контрольно-ревизионная комиссия, ее Председатель осуществляют проверку деятельности Движения и руководящих органов Движения на предмет соответствия уставным целям и задачам, а также осуществляет контроль финансовой деятельности Движения. Все должностные лица Движения обязаны по запросу Председателя КРК предоставлять необходимую информацию и документы [15].

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство Донецкой Народной Республики в части регламентации контроля и надзора за деятельности общественных объединений еще находится на пути своего формирования. Отдельные законодательные «начала» правовой регламентации, в том числе

контроля и надзора уже заложены в некоторых нормативных актах.

Однако с целью улучшения правовой регламентации деятельности общественных объединений, в том числе и вопросов контроля и надзора, возникает необходимость в принятии отдельного нормативного правового акта (Закона ДНР «Об общественных объединениях»), призванного урегулировать общественные отношения, возникающие в этой сфере.

Список использованных источников

1. Конституция ДНР: принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>. – (дата обращения: 24.06.2021).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ – (дата обращения: 24.06.2021).

3. Сойфер, Т.В. К вопросу о понятии общественного объединения // Актуальные проблемы российского права. 2009. №3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-obshchestvennogo-obedineniya> – (дата обращения: 25.06.2021).

4. Борискова, И.В. Государство и общественные объединения // Территория науки. 2012. №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-obshchestvennyye-obedineniya> – (дата обращения: 25.06.2021).

5. Об общественных объединениях: Федеральный закон РФ от 19.05.1995 №82–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995.– №21.– ст. 1930.

6. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – Москва : Норма, Инфра-М, 2017. – 463 с.

7. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР. Принят постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 № 81-ПНС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (дата обращения: 25.06.2021).

8. Об утверждении Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 1.08.2019 г. №56 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://denis-pushilin.ru/doc/ukazy/Ukaz_N56_01032019.pdf / – (дата обращения: 25.06.2021).

9. О прокуратуре: Закон ДНР. Постановление Народного Совета Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 243-ПНС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurate/> — (дата обращения: 25.06.2021).

10. Шерьязова, А. С. Государственный контроль и надзор за деятельностью общественных объединений // Вестник ЧелГУ. 2010. №9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrol-i-nadzor-zadeyatelnostyu-obschestvennyh-obedineniy> (дата обращения: 25.06.2021).

11. Николаева, Л. А. Соотношение прокурорского надзора и государственного контроля / Л.А. Николаева // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Сборник научных трудов. – М., 1975, Ч. 1. – С. 160-169

12. О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц – предпринимателей: Закон ДНР. Постановление Народного Совета Донецкой Народной Республики от 18.12.2020 № 220-ПНС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o->

gosudarstvennoj-registratsii-yuridicheskikh-lits-i-fizicheskikh-lits-predprinimatelej/ — (дата обращения: 25.06.2021).

13. О министерстве доходов и сборов Донецкой Народной Республики. Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 12.09.2019 г. №25-20 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0030-25-20-20190912/> — (дата обращения: 25.06.2021).

14. Положение о Министерстве финансов Донецкой Народной Республики. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики 22.07.2015 №13-33 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-13-33-20150722/> — (дата обращения: 25.06.2021).

15. Устав Общественного объединения «Свободный Донбасс»: [Электронный ресурс] // URL: https://xn--d1aa2an.xn--p1ai/?page_id=1118 (дата обращения: 25.06.2021).

УДК 340.5

DOI: 10.5281/zenodo.5746914

ЗАКОННОСТЬ, КОНТРОЛЬ И НАДЗОР: СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ ТЕРМИНОВ (СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД)

ШЕСТАК С.В.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при главе Донецкой Народной Республики»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье рассмотрены современные подходы соотношения таких правовых терминов, как законность, контроль и надзор; понятий «правовая рецепция» и «гармонизация законодательства», соотношение данных понятий. Выделено теоретическое обоснование применения правовых терминов в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: общество, государство, право, законность, контроль, надзор, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика.

LEGALITY, CONTROL AND SUPERVISION: RELATIONSHIP OF LEGAL TERMS (MODERN APPROACH)

SHESTAK S.V.,

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

SEI HPE «Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of Donetsk People's Republic»,

Donetsk, Donetsk People's Republic

The article examines modern approaches to the correlation of such legal terms as legality, control and supervision. concepts of legal reception and harmonization of legislation, the ratio of these concepts. Highlighted the theoretical justification for the use of legal terms in the legislation of the Donetsk People's Republic.

Keywords: society, state, law, legality, control, supervision; Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic.

Постановка проблемы. Донецкая Народная Республика является демократическим правовым социальным государством [1], равно как и Луганская Народная Республика. Как и любые государства, они заинтересованы в стабильности, поддержании в обществе желаемого для них режима законности. Законность – атрибут существования и развития демократически организованного общества. Она необходима для обеспечения свободы и реализации прав граждан, демократии, создания и функционирования гражданского общества, научно обоснованного строительства и рациональной деятельности государственного аппарата. Законность обязательна для всех элементов государственного механизма (государственных органов, государственных организаций, государственных служащих), гражданского общества (общественных, религиозных

организаций, независимых средств массовой информации, неформальных объединений и т.п.) и для всех граждан. Современное состояние процесса государственно-правового строительства имеет противоречивый характер. Переход к качественно новой государственной политике предопределяет необходимость соответствующих изменений.

Именно поэтому определение таких правовых терминов, как «законность», «контроль», «надзор» сегодня имеет не только теоретическое значение, но и весьма существенное прикладное значение в контексте общего вопроса о реформировании правовых систем Донецкой Народной Республики (далее по тексту ДНР) и Луганской Народной Республики (далее по тексту ЛНР).

Для обеспечения режима законности используются разные способы правового характера, основными из которых являются контроль, надзор, обращение граждан в соответствующие компетентные органы или их должностным лицам за защитой своих прав, восстановление нарушенных прав и наказание виновных лиц, поощрение и принуждение и т.п.

Научной разработкой общетеоретических аспектов законности занимались такие видные ученые, как С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, С.Н. Бабаев, В.М. Баранов, Д.Н. Бахрах, А.В. Васильев, А.Б. Венгеров, А.И. Левченков, А.Е. Лунев, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.Н. Матузов, В.С. Нерсисянц, М.С. Строгович и др. Исследованиями проблем в сфере контроля и надзора – А.П. Алехин, Г.В. Атаманчук, И.Л. Бачило, Ю.М. Козлов, М.С. Студеникина, С.Е. Чаннов, В.С. Четвериков, В.С. Шестак, С.О. Шохина и др.

Цель публикации заключается в том, чтобы на основе анализа научных источников, обобщения нормативно-правового материала заложить научно обоснованные основы концепции обеспечения законности в ДНР и ЛНР, проанализировать значение и соотношение правовых терминов «законность», «контроль» и «надзор».

Изложение основного материала исследования. Проблемы законности были и остаются одними из важнейших в практике государственно-правового строительства, так как являются непосредственно связанными со стратегической задачей любого демократического правового государства – обеспечением основных прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на наличие многочисленных общетеоретических работ в сфере законности и способах ее обеспечения, остается еще немало дискуссионных и, более того, неизученных проблем. В настоящее время ДНР и ЛНР находятся в условиях разгорающихся противоречий и конфликтов на международной арене. Как отмечает А.И. Левченков, «мир действительно стал нестабильным и вошел в полосу войн, пока что локальных, региональных, в основе которых лежит очередное геополитическое перераспределение сил и ресурсов между крупнейшими державами» [2, с. 4]. Эти проблемы ставят перед органами государственной власти Республик определенные задачи по эффективному, адаптированному к постоянному изменению экономических, социальных и политических реалий, обеспечению законности и правопорядка.

Законность – неоднозначная категория в юриспруденции и вообще в правовой мысли. Проблема законности всегда находилась в центре внимания не только ученых-юристов, но и философов, политологов, социологов, лингвистов и др. Подход к разработке вопросов законности во многом связан с решением и обоснованием проблем о приоритетах общественных ценностей, о соотношении права и государства, о формах государства, принципах его деятельности, руководства им, о соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Основы законности, ее нормативная база и цели формируются с учетом экономических и социальных основ государственной власти, государственных органов. На законность влияет и историко-географическое положение государств, позволяющих использовать правовой опыт соседних государств. Значительное влияние на законность имеют

и политические ориентиры государственных деятелей, партий и их лидеров. На постсоветском пространстве, наряду с политическим противостоянием внутри государств, на законность оказывает влияние рост коррупции, организованной преступности. Нельзя отбрасывать и условия, в которых находится государство, а именно: состояние войны, чрезвычайных ситуаций, обострение политической борьбы и, как следствие, кризис власти. На современном этапе законность представляет собой сложное по содержанию политико-правовое явление, занимающее важное место в государственной политической системе и взаимодействует с такими ее элементами, как демократическое социальное правовое государство, право, законодательство и др. В научной литературе существует точка зрения, что законность имеет три значения: 1) законы; 2) принципы деятельности государства; 3) процесс законодательства [3, с. 17]. Мы полностью поддерживаем их вывод о том, что закон является основным содержанием законности, без системы действующих в государстве законов принцип законности утрачивает всякий смысл. Несколько отличаются взгляды на законность И.С. Самощенко, С.С. Алексеева, Б.Н. Бахраха, Явича Л.С., Строговича М.С. и др., хотя на роль законов, законодательства в установлении режима законности обращают внимание практически все авторы. Причины разной оценки сущности законности состоят в том, что некоторые авторы считают законы элементом законности, другие же, указывая на неразрывную связь законов и законности, элементом законности их не считают [4, с. 201-232]. Отдельного внимания заслуживает позиция Халфиной Р.О., которая рассматривает законность не только с наличием развитого законодательства, формой правовой нормы и ее содержанием, но и с субъектами нормотворчества, количеством правовых актов в государстве и отдельных отраслях. Опираясь на конкретные примеры, ею сделан вывод, что законность может захлебнуться в лавине необоснованных противоречивых ведомственных инструкциях и приказах, рекомендациях и т.п. [5, с. 92-93]. Действительно, в

Российской империи и в СССР в законотворчестве сложилась традиция, при которой общий закон порождает большое количество подзаконных актов (постановлений, положений, инструкций и т.п.), которые порой «выхолащивают» содержание самого закона. Это объясняется тем, что основная нагрузка на выполнение требований закона возлагается на органы исполнительной власти. Для эффективной работы указанных органов необходимо соответствующее регулирование их деятельности.

Подзаконное нормотворчество позволяет разгрузить законы от т.н. «технологических деталей». К сожалению, на сегодняшний день правовой баланс между законами и подзаконными актами пока не найден. Вместе с тем необходимо учитывать, что процесс подзаконного нормотворчества должен осуществляться в пределах разумного и указанные документы должны соответствовать актам высшей юридической силы.

Принимая во внимание выводы Халфиной Р.О., мы полагаем, что на законность существенное влияние также оказывают соблюдение субъектами нормотворчества своих полномочий, профессиональный уровень специалистов, участвующих в этой работе, уровень их правовой культуры, научность и т.п.

В настоящей работе мы не ставим цели раскрыть содержание терминов (понятий) «законность», «контроль» и «надзор» как способов обеспечения законности с научной точки зрения, поскольку существует достаточное количество публикаций по этой тематике. Для органов государственной власти важно знать смысловую определенность этих терминов (понятий) в законодательных актах.

Однако не надо понимать вопрос так, что абсолютно все понятия, используемые в законодательном акте, должны иметь законодательную дефиницию. Необходим дифференцированный подход к этой проблеме. Так, определенный пласт понятий, имеющих основополагающее значение, должен быть дефинирован в конституционном законодательстве (в самой Конституции или

иных конституционных актах), другой пласт понятий – на уровне кодексов, третий – на уровне правительственных постановлений, четвертый – на уровне ведомственных нормативных актов, пятый – на уровне разъяснений верховных судебных органов [6, 289].

Прежде чем перейти к их рассмотрению, автор считает необходимым изложить свою точку зрения на понимание законности, контроля, надзора. Определение того или иного понятия – всегда один из самых важных моментов научного исследования, поскольку такое определение демонстрирует меру истинности понимания его автором природы того явления (предмета), которое находит отражение в соответствующем определении.

В связи с этим необходимо обратить внимание на некоторые общие положения, касающиеся гносеологического аспекта любой научной работы, прежде всего на те, которые указывают на отсутствие в юриспруденции «вечных» понятий, то есть абсолютно истинных и потому неизменных при любых условиях.

Ведь определение понятия всегда является результатом степени разработки соответствующего понятийного материала в данный конкретный момент духовного развития человечества, его содержание определяется на данный исторический момент и касается данного вопроса, в целом у него находит выражение мировоззренческая позиция его автора.

При отсутствии единого подхода к определению понятий в нормативно-правовых актах появляются разногласия, что приводит к неэффективному распределению контрольно-надзорных функций между органами государственной власти. Определение термина можно назвать однозначным тогда, когда оно закреплено законодательно.

В юридической литературе существует множество мнений по поводу определения этих понятий, опубликовано большое количество работ, приняты многочисленные нормативно-правовые акты, регламентирующие разные аспекты осуществления государственных функций. Большое количество трудов,

посвящённых проблеме теоретических аспектов контроля и надзора, характеризуются неоднозначностью толкования их смысла. Разногласия в толковании понятий контроля и надзора прослеживаются и в законодательстве. Понимание юридических терминов зависит от четкости их определения в нормативных актах. Чем большему числу юридических терминов будут даваться определения, тем меньше будет ошибок и недоразумений на практике.

Тот факт, что правовая норма представляет собой формализованное предписание, свидетельствует о том, что четкие юридические определения должны даваться всем терминам, имеющим решающее значение для правового регулирования. Потребность в четких нормативных дефинициях стала особенно ощутимой за последнее время. Это связано с ростом общего объема законодательства и расширением его специализации, что приводит к увеличению словарного состава нормативных актов.

Законность – понятие многомерное, или, как нередко пишут в юридической литературе, – многоаспектное понятие. Многоаспектность законности состоит в том, что она может рассматриваться сквозь призму таких категорий, как «режим», «принцип», «метод», характеризоваться в свете этих категорий. Такого рода характеристики законности содержательно во многом похожи одна на другую. Вместе с тем они близки, но не тождественны, поскольку обусловлены различными точками зрениями на законность. Так, законность – это:

– режим нормативной жизни общества и государства, требующий точного соответствия поведения (деятельности) субъектов права предписаниям законов, подзаконных актов;

– принцип государственной и общественной жизни, выражающийся в точном, полном и единообразном осуществлении действующего законодательства всеми субъектами права, т.е. гражданами и их объединениями, государственными органами и их должностными лицами, органами местного самоуправления;

– метод осуществления государственной власти.

Кроме этого, законность – это необходимый элемент демократии. В юридической литературе обычно пишут, что законность – это соблюдение и исполнение всеми субъектами права действующего законодательства. Такое сугубо юридическое понимание законности подчеркивает общеобязательность норм права, закрепленных в законодательстве, указывает на законность как на принцип права.

Если обобщить трактовки понятия «законность», предложенные в юридической литературе, можно сделать вывод, что практически все авторы, исследовавшие проблемы законности, абсолютно правильно указывают на неразрывную связь законодательства и законности, что, безусловно, соответствует социально-политическому содержанию законности, поскольку попытка представить законность без законодательства оставляет ее и без материального содержания.

В нашем исследовании мы ориентируемся на понимании законности, который давно известен в науке и его следует признать доминирующим в юриспруденции. Правильность такого суждения подтверждает и вывод В.С. Четверикова о том, что «сущность законности состоит в единообразном понимании, осознании и точном осуществлении действий по соблюдению норм и правил действующего законодательства, прежде всего органами государственной власти, общественными организациями и другими негосударственными объединениями, должностными лицами и гражданами [7, с. 397].

В Конституциях ДНР и ЛНР не упоминается ни принцип законности, ни принцип верховенства права, как это принято в конституциях развитых демократических государств. Однако это не означает, что Республики отказались от принципа законности. На наш взгляд, содержание статей 7, 49, 56, 59, 80, 81 Конституции ДНР и аналогичных в Конституции ЛНР позволяют сделать вывод, что законность – это конституционный принцип, предусмотренный основными законами указанных Республик.

Для обеспечения неуклонного соблюдения и исполнения законов и основанных на них подзаконных актов всеми без исключения участниками общественных отношений необходима эффективная система способов, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений, восстановление нарушенного противоправным поведением состояния, оказание воздействия на нарушителей законности.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что большинство исследователей к системе способов обеспечения законности относят контроль, надзор, контрольно-надзорную деятельность, обжалование действий, меры морального и материального воздействия, юридическую ответственность, воспитание человека и др. Однако практически все авторы к основным способам обеспечения законности относят контроль и надзор.

Термины «контроль» и «надзор» достаточно часто становятся предметом отражения в правосознании юристов-ученых, юристов-практиков и фигурируют в их правовом мышлении, поскольку они являются составной частью правового (юридического) языка, который, как и любой другой язык, «образует органическое единство с осмыслением, потому что они друг без друга не существуют» [8, с. 175]. Необходимо отметить, что содержание термина «контроль» в толковых словарях раскрывается с помощью термина «надзор». И наоборот, мы можем наблюдать, как при раскрытии содержания термина «надзор» употребляется термин «контроль».

Сопоставление интерпретационных характеристик терминов «контроль» и «надзор» убедительно показывает их сущностную равнозначность, семантическую идентичность. Взгляд на термины «контроль» и «надзор» как на синонимы подчеркивает общее у этих терминов. И «контроль», и «надзор» – это и соответствующая деятельность, и определенные субъекты, осуществляющие эту деятельность. Можно сделать вывод, что надзор предполагает не только активную, но и пассивную форму деятельности –

«наблюдение». Однако и контроля без наблюдения субъектом контроля за объектом контроля не существует, контролю также может быть присуща пассивная форма деятельности. Термины «контроль» и «надзор» являются одновременно как общелитературными, так и правовыми. В связи с отсутствием в ДНР и ЛНР единого правового акта, в котором бы закреплялись основы деятельности государства по контролю и надзору, отечественное законодательство, регулирующие вопросы государственного контроля (надзора), развивается противоречиво. Нормативные правовые акты не согласованы между собой, имеют слабый понятийный аппарат, содержат значительное количество отсылочных норм и др.

Мы связываем такое положение с отсутствием единства во взглядах на понятия «надзор» и «контроль». Анализ действующего законодательства также не приводит к ответу на вопрос о разграничении понятий контроля и надзора, хотя нормативные правовые акты изобилуют терминами «государственный контроль», «государственный надзор», «контроль и надзор», «контроль (надзор)», «высший надзор», «контрольно-надзорная деятельность» и т.п., разграничение которых по содержанию представляется весьма затруднительным.

Действительно, трудно вывести единый универсальный критерий для разграничения понятий контроля и надзора. Тем более что законодатель не всегда находит в этом целесообразность.

Таким образом, с теоретической точки зрения, термины «контроль» и «надзор» обладают специфическими чертами. Контроль обычно характеризуется:

- осуществлением оценки деятельности контролируемого объекта как с точки зрения законности, так и целесообразности и эффективности;
- возможностью вмешательства контролирующего субъекта в деятельность контролируемого объекта;

– нормативно закрепленной возможностью субъектов контроля непосредственно привлекать к ответственности правонарушителей.

Надзор характеризуется:

– осуществлением оценки деятельности поднадзорного объекта исключительно с точки зрения законности;

– невозможностью вмешательства в деятельность поднадзорного объекта, субъект надзора констатирует нарушение законности поднадзорным объектом;

– реагированием в форме обращения к нарушителю с предупреждением, предписанием об устранении нарушений или в вышестоящий орган по отношению к нарушителю в вышестоящий надзорный орган либо в суд;

– надзорная деятельность всегда осуществляется в отношении объектов, не находящихся в организационном подчинении надзорных органов [9, с. 175].

Выводы. В нашем исследовании мы исходим из того, что все предложенные авторами определения терминов «контроль», «надзор», «законность», данные ими в советское и постсоветское время, с разных сторон раскрывают их характерные черты и свойства, позволяют говорить как об их достоинствах, так и недостатках.

Каждый из перечисленных нами авторов вложил в понимание контроля, надзора, законности свой смысл, зависящий в первую очередь от того, в какой отрасли права проводились или проводятся исследования, в какое время и, соответственно, каким образом эти исследования соотносятся с понятиями «контроль», «надзор», «законность» в теории права и государства.

На наш взгляд, этим и объясняется отсутствие универсального определения понятий «контроль», «надзор», «законность». Наша точка зрения заключается в том, что надзор может осуществляться специально уполномоченными субъектами только за соблюдением законов и за деятельностью субъектов контроля, т.н. «контролирующих органов», при этом надзорные

органы всегда выполняют свои функции по отношению к неподчиненным им субъектам, а контроль может осуществляться специально уполномоченными субъектами за выполнением определенными органами своих полномочий, за фактическим результатом их выполнения в соответствии с установленными требованиями, путей и средств достижения результата, проведением каких-либо мероприятий, процедур, выполнения определенных программ и т.п.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14.05.2014 г.) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>.

2. Левченков А.И. Проблемы правового регулирования общественных отношений в нестабильных социумах: монография / А.И. Левченков; МВД ЛНР; Луганск. академ. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. – Луганск, 2019. – 440 с.

3. Лунев А.Е. Социалистическая законность в советском государственном управлении / А.Е. Лунев, С.С. Студеникин, Ц.А. Ямпольская. – М., 1948. – 136 с.

4. Алексеев С.С. Правовое государство – судьба социализма / С.С. Алексеев. – М., 1988. – 75с.

5. Явич Л.С. Господство права (к концепции правового государства в СССР / Л.С. Явич // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 11-20

6. Халфина Р.О. Право как средство социального управления / Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1988. – С. 201-232.

7. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред.

член-корр. Т.Я. Хабриевой, проф. Н.А. Власенко. – М.: Эксмо, 2010. – 254 с.

8. Четвериков В.С. Административное право / В.С. Четвериков. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 512 с.

9. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М., 1985. – 399 с.

10. Яблонская А.Б. Контрольно-надзорная функция государственной власти в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): 12.00.01 / дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 175.

РАЗДЕЛ 9

Гражданский процесс; арбитражный процесс

УДК: 341.63

DOI: 10.5281/zenodo.5734734

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УЧЕНИЯ ОБ АРБИТРАЖЕ

АСЕЕВА М.А.,

аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В настоящей статье исследуется правовая природа арбитража, в том числе в историческом аспекте, а также значение международного коммерческого арбитража как важного правового института.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство, теории правовой природы арбитража.

THE LEGAL NATURE OF THE DOCTRINE OF ARBITRATION

ASEEVA M.A.,

graduate student,

State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»,

Donetsk, Donetsk People's Republic

This article examines the legal nature of arbitration, including in the historical aspect, and also the importance of international commercial arbitration as an important legal institution.

Keywords: international commercial arbitration, arbitration proceedings, theories of the legal nature of arbitration.

Актуальность. Проблема правовой природы третейского разбирательства продолжает оставаться актуальной и сейчас. Исследователи предлагают новые гипотезы, происходит деконструкция выводов, сделанных людьми науки ранее,

реализуется дифференциация подходов к регулированию отношений между сторонами, связанных с решением определенных споров, возникших или могущих возникнуть в связи с какими-либо правоотношениями, независимо от того, носило ли данное решение договорной характер или нет.

Анализ последних исследований и публикаций. Поиски решений вопросов правовой природы арбитража как одного из наиболее современных и перспективных механизмов преодоления разногласий продолжаются.

Как верно обращает внимание Курочкин С.А., «некоторые исследования приобрели междисциплинарный характер. Стремление отдельных ученых вывести арбитраж за рамки правовой системы привлекло внимание специалистов из смежных отраслей научного знания. Доктрина МКА обогатилась трудами экономистов, философов, конфликтологов и многих других» [1].

Целью данного исследования является изучение исторического аспекта правовой природы международного коммерческого арбитража как важного правового института.

Задачи: рассмотреть и проанализировать исторически сложившиеся в мире теории правовой природы арбитража от момента их возникновения до настоящего времени.

Изложение основного материала исследования. Научные исследователи традиционно обращаются к вопросу о правовой природе арбитража, дискутируя о праве на существование той или иной теории его возникновения и существования. Издавна в мировой правовой науке сложилось несколько доктрин правовой природы третейского суда. Международная торговля и международный коммерческий арбитраж (далее – МКА) глубоко связаны между собой – большинство споров из внешнеторговых отношений разрешаются именно МКА. Круг научно-теоретических проблем данной сферы исследования очень объёмен и до сих пор окончательно не разрешен.

Договорная (концессуальная) теория правовой природы арбитража, сформировавшаяся в начале XX в., определяет

третейское разбирательство как вид реализации гражданско-правовых договорных отношений. Приверженцы данной концепции утверждают, что третейский суд заканчивает гражданское правоотношение. В свою очередь, арбитражное соглашение, достигнутое сторонами в рамках данной теории, является гражданско-правовым договором, порождающим традиционные гражданско-правовые обязанности сторон, в том числе обязательство рассматривать данное решение безоговорочным к исполнению. Из данного определения следует, что договорная теория определяет арбитра в качестве агента сторон, выражающего их волю, благодаря чему его решение обладает договорным свойством, заключенным в соответствии с договором поручения. Очерченная доктрина подверглась критике отечественных исследователей. Роль арбитра, согласно упомянутой теории, заключается в том, чтобы выступать посредником между сторонами, арбитражное решение выступает как договор, заключаемый по поручению сторон. Из этого можно сделать вывод о том, что третейское решение отражает волю участвующих сторон, границы юридической силы данного решения характеризуются лицами, подписавшими это соглашение. Как представляется, указанная концепция имеет ряд теоретических изъянов, обозначенных в ряде доктринальных источников [2].

Приверженцы юрисдикционной (процессуальной) теории придерживаются мнения о том, что арбитражное соглашение порождает единственный эффект – процессуальный. Основываясь на этом, можно говорить о том, что арбитражное соглашение представляет собой процессуальный договор. Единственной и важнейшей целью этого договора является изменение подведомственности спора, исключение возможности его рассмотрения государственным судом. Для того есть и определенные основания, поскольку деятельность арбитра похожа на процессуальную форму действий государственного судьи, который также связан процессуальными нормами, их цель –

обеспечить в рамках определенного режима правильное разрешение правового спора. Источником компетенции третейского суда является государственное усмотрение, в то время как арбитражное соглашение представляет собой процессуальный договор, коим исключается правомочность государственного суда по рассмотрению данного конкретного спора.

Одно из существенных отличий юрисдикционной теории от договорной заключается в том, что если вторая обзревает третейское соглашение и арбитражное решение в качестве неразрывно связанных звеньев, то первая гласит о том, что в третейском соглашении действительно выражена воля сторон, в то время как в арбитражном решении – воля третейских судей, не зависящая от усмотрения сторон. Наряду с этим, в отличие от договора, «арбитражное решение может быть пересмотрено, изменено апелляционным судом, что, по мнению приверженцев исследуемой теории, решительно подтверждает тот факт, что оно является судебным решением, а не договором» [3, 4].

Очевидно, что обе теории небезукоризненны, у каждой есть свои плюсы и минусы.

Последователи смешанной теории считают, что в арбитраже присутствует как договорное, так и процессуальное начало. Вопросы право- и дееспособности сторон при заключении арбитражного соглашения, определения его формы относятся к материально-правовым отношениям.

Вопросы арбитражного разбирательства, принятия и исполнения арбитражного решения относятся к процессуальным моментам.

Выдвинутая доктрина объединяет в себе следующие черты, такие как: 1) сочетание материальных и процессуальных правовых элементов; 2) стороны вправе избрать закон, применимый к соглашению об арбитраже; 3) на условия действительности арбитражного соглашения не обязательно распространяются нормы о действительности основного договора; 4) арбитраж будет регулироваться как материальными, так и процессуальными

нормами; 5) взаимодействие арбитража с государственными судами.

Попытки поиска единого начала, объединяющего все указанные выше теории, не привели к успеху. Как нечто похожее на отрицание этих доктрин возникла автономная теория коммерческого арбитража («*sui juris*»). Эту концепцию выдвинул Ж. Рюбеллен-Девизи в 1965 году, указав, что правовая природа третейского разбирательства может быть определена только с учётом его целей и реальной пользы.

Характерными чертами доктрины стало то, что коммерческий арбитраж рассматривается как отдельное, независимое явление, юридическая природа которого должна быть объяснена прагматическими соображениями быстроты и удобства разрешения споров, возникающих между предпринимателями. Именно данное обстоятельство и влияет на совершенствование и преобразование процедуры третейского разбирательства, закономерность развития которого диктуются реальным спросом коммерческого оборота.

В свою очередь, Виноградова Е.А. утверждает, что доктрина «*sui juris*» не является теорией его правовой природы, вследствие чего на суд общественности ею было вынесено своё понимание данной теории, как имеющей несколько уровней, а именно: 1) международно-правовой, 2) национальное законодательство, 3) локальные правовые акты. На каждом из уровней на основе информационного обмена происходит селекционный отбор наиболее совершенных норм и правил организации и деятельности третейского суда [5].

С целью создания иммунитета третейских судей (отсюда и второе её наименование – теория иммунитета) была выдвинута концессуальная теория арбитража, в её основе лежит тот факт, что государство даёт полномочия третейским судам (даёт концессию) на реализацию правосудной функции. Рассматриваемая теория исходит из того, что решение арбитража и те последствия, которые оно вызывает, является результатом «уступки» со

стороны государства. Эти последствия проявляются в строго оговоренных рамках, заданных законодателем, исходя из соображений целесообразности допуска частных лиц в правоприменительную деятельность на определенном этапе развития гражданского оборота, в то время как судебные акты являются прямым проявлением государственной власти» [6]. В то же время нельзя не отметить то, что данная теория не получила широкого признания у отечественных научных исследователей и практически не создает конкуренции другим концепциям правовой природы третейского разбирательства.

В результате дискуссий отечественных научных исследователей о правовой природе третейского разбирательства была сформулирована теория частного процессуального права. Придерживающиеся данной доктрины выявили и определили ряд особенностей, характеризующих институт арбитража: частный режим правового регулирования, и процессуальная целевая направленность.

Сторонники этой теории исходят из того, что процедура третейского разбирательства порождается исключительно только волей участников арбитража, с чем согласиться нельзя, так как законодательство содержит императивные предписания, определяющие обязательность поведения участников третейского разбирательства, и не могут быть изменены усмотрением состязавшихся сторон [7]. Также данная теория не дает ответа на вопрос о характере тех правоотношений, которые складываются в государственном суде при рассмотрении заявления об отмене решения третейского суда и заявления о принудительном исполнении данного решения.

Кроме перечисленных выше, существует ещё одна доктрина правовой природы третейского суда – теория деюридизации арбитража. Она гласит о том, что арбитраж не относится к правовой сфере, а является антагонистом права. В контексте, выдвинутой Давидом Р. теории арбитраж, выступает вне правовой сферы и является результатом ненасильственного согласования

воли частных лиц. Нельзя не отметить того, что данная доктрина не нашла своего развития даже в собственных трудах исследователя.

Чтобы разъяснить юридическую сущность третейского суда, Тарасов В.Н. выдвинул договорно-процессуальную теорию. По этой теории, в рамках третейского разбирательства существуют процессуальные отношения не только между одним из участников процесса и третейским судом, но и между сторонами спора, т.е. процессуальные отношения не только публично-правового, но и договорного характера [8, 9]. В качестве вывода автора данной доктрины особая природа таких процессуальных отношений говорит о существовании следующих юридических последствий: 1) вопросы правосубъектности сторон, формы и действительности третейского соглашения квалифицируются как договорно-процессуальные, т.е. они регулируются на базе норм третейского процессуального права.

В порядке аналогии закона к таким отношениям могут применяться нормы гражданского процессуального, арбитражного процессуального и гражданского законодательства, регулирующие сходные отношения; 2) правила третейского разбирательства также регулируются третейским процессуальным правом; 3) третейские судьи выполняют негосударственные процессуальные функции по применению норм права и разрешению спора по воле сторон; 4) в соответствии с принципом автономии воли сторон вполне возможно обращение к иностранному праву в негосударственном третейском суде, в т.ч. и по процессуальным вопросам. Как следствие, при решении всех вопросов, касающихся третейского суда, за исключением вопросов признания и исполнения третейского решения, возможно применение иностранного права.

По мнению Тарасова В.Н., такие основные контуры данной новой, выдвинутой им теории, позволяют более адекватно (по сравнению с существующими теориями) объяснить природу третейского суда [10, 11].

Отечественные и западные ученые вот уже свыше полутора веков делают попытки определить природу арбитража с юридической точки зрения, а также выяснить, какая же из теорий определит его сущность наилучшим образом. По мнению Скворцова О.Ю., в современной юридической литературе не имеется единого теоретического представления о сущности третейского судопроизводства. В свою очередь данное обстоятельство корреспондирует известную неопределенность институтов правового регулирования третейского разбирательства и значимые противоречия между практикой третейского разбирательства и государственного арбитражного суда по вопросам исполнения решений данных правовых институтов.

По мнению Тер-Овакимян А.А., смешанная теория лучше всего отражает правовую природу арбитров МКА. В соответствии с положениями данной доктрины полномочия арбитров основаны на договоре сторон, то есть на арбитражном соглашении. Так как третейские судьи не являются государственными служащими, они участвуют в разрешении спора сторон, а не в защите интересов государства. В свою очередь, решение арбитров характеризуется невозможностью пересмотра по существу. Как результат, происходит взаимодействие гражданско-правовых и процессуальных элементов [2].

В ходе развития межгосударственных экономических связей цеха и профессиональные корпорации вышли за рамки государственных рубежей. Межгосударственное и наднациональное правовое регулирование арбитража стало необходимостью для признания юридической силы арбитражного соглашения и арбитражного решения. В связи с этим были приняты Женевский протокол 1923 года [12], Женевская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1927 года [13], Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [14], Типовой закон ЮНИСИТРАЛ 1985 года [15], а также национальные законы о регулировании деятельности третейских судов и пр.

Исторически на почве различных критериев классификации сложились следующие виды арбитража: 1) институциональный арбитраж или арбитраж *ad hoc* (в зависимости от времени его существования); 2) коммерческий или иной специализированный арбитраж (например, спортивный) (в зависимости от сферы деятельности); 3) внутренний или международный арбитраж (в зависимости от места арбитража); 4) частный или государственный (в зависимости от сторон вида собственности участников). Последний присутствовал в СССР и по своей сути являлся системой государственных квазисудебных органов по разрешению хозяйственных споров между предприятиями, организациями и учреждениями советского социалистического хозяйства.

С развитием торговли и промышленности были открыты Торговые палаты в Женеве (1865 год) и Цюрихе (1873 год). В 1911 году Торговой палатой города Цюрих был создан свой первый арбитражный суд, который занимался вопросами разрешения споров внутреннего и международного арбитража. В свою очередь, Женевский арбитраж своими решениями открыл новый этап в развитии международных отношений, в том числе в части порядка разрешения международных споров.

Интерес к третейскому суду в России проявлялся и ранее, но более детальное исследование понятия и правовой природы третейского суда (арбитража) началось только после судебной реформы 1864 года [16].

В общей сложности развитие третейской формы рассмотрения споров с участием иностранцев на территории России прошло шесть этапов. Первый этап (IX-XIII вв.) представлен зарождением третейской формы рассмотрения споров по делам частноправового характера (Древний Новгород и Псков) и формированием особых судебных органов для разрешения торговых споров с участием иностранцев. Второй этап (XIII – сер.XVII вв.) ознаменован упадком третейской формы рассмотрения споров и закреплением в Соборном Уложении

1649 года исключительной компетенции государственных судов по рассмотрению споров с участием иностранных купцов. Третий этап (сер. XVII – нач. XX вв.) включает в себя возрождение третейской формы рассмотрения споров – формальное закрепление данной формы рассмотрения споров в Положении о третейском суде 1831 г. и образование арбитражных комиссий при торговых и хлебных биржах.

В ходе четвертого этапа (1917-1930 гг.) произошло введение монополии внешней торговли и закрепление третейского разбирательства в качестве основной формы рассмотрения споров из концессионных и иных соглашений с участием советского государства и государственных внешнеторговых объединений. Пятым этапом (1930-1993 гг.) стало формирование арбитражных учреждений, действующих на постоянной основе – Морской арбитражной комиссии в 1930 году и Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате в 1932 году, а также установление фактической монополии данных арбитражных учреждений в области рассмотрения внешнеторговых споров.

И заключительный, шестой этап (1993 год по настоящее время), характеризуется закреплением в законодательстве юридической возможности передачи споров на разрешение в международный коммерческий арбитраж или в государственный суд [17].

Тенденции движения гражданского общества к урегулированию возникающих среди его членов споров являются вполне естественными. Они приводят к тому, что в обществе, независимо от воли государства, появлялись различные варианты урегулирования конфликтов в качестве необходимого социального института, например, суды при духовенстве, биржах или иных объединениях.

Государство, в свою очередь, не передавало свои полномочия по отправлению правосудия третейским судам, а легализовывало уже сложившиеся отношения, тем самым поддерживая те

традиции и начинания, которые были выработаны обществом для решения своих потребностей в решении конфликтов.

Выводы. Де-факто практическая значимость проанализированных теорий юридической природы арбитража заключаются, главным образом, в том, что они необходимы для понимания квинтэссенции третейского разбирательства, признаков отдельных его институтов и выявления основных тенденций совершенствования законодательства, регулирующего отношения по рассмотрению и разрешению гражданских дел в третейских судах.

Вопросы развития третейского разбирательства представляют несомненный интерес для современных правоведов. Несмотря на то, что сравнительное правоведение не пользуется особым почетом в юридической среде, сравнение позиций государства по отношению к третейским судам представляет интерес ввиду близкого менталитета и законодательной среды.

Все познается в сравнении, поэтому с полной уверенностью можно утверждать то, что когда сравнивается отношение двух государств к третейскому разбирательству, чужие проблемы уже не кажутся такими острыми в их анализе, а также при более детальном и подробном рассмотрении порой можно найти если не ответы, то, по крайней мере, достойные внимания подсказки для решения проблем и коллизий собственного законодательства [19].

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 08.12.2020 по состоянию на 07.06.2021) (далее – АПК РФ) отдельными статьями регламентирует положения, касающиеся компетенции арбитражных судов по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также вопросы, касающиеся споров, подлежащих передаче на рассмотрение третейского суда.

Кроме того, АПК РФ посвятил отдельную главу производству по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских

судов. В то же время Арбитражным процессуальным кодексом Донецкой Народной Республики (далее – АПК ДНР), принятым постановлением Народного Совета 30 апреля 2021 года, проигнорирован исследуемый институт третейского разбирательства. АПК ДНР разработан в целях установления механизма поэтапного и сбалансированного перехода от действующего на сегодняшний день порядка осуществления арбитражного судопроизводства к модели, предусмотренной АПК РФ, что соответствует избранному курсу на гармонизацию отечественного законодательства. В то же время по состоянию на сегодняшний день в Республике не предусмотрен правовой режим регулирования для международного внутреннего третейского рассмотрения, что не противоречит актуальности данного вопроса в будущем.

Список использованных источников

1. Курочкин С.А. Новейшие течения в зарубежной доктрине международного коммерческого арбитража: краткий обзор // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=93849#09817050490408432>.

2. Тер-Овакмян А.А. Правовой статус арбитров в международном коммерческом арбитраже: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Тер-Овакмян А.А. – Москва, 2018. – 213 с.

3. Скворцов О.Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации: учебник для бакалавриата и магистратуры / О.Ю. Скворцов. – М.: Юрайт, 2019. – 239 с.

4. Курочкин С.А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство: учебник для студентов вузов / С.А. Курочкин. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 260 с.

5. Николюкин С.В. Международный коммерческий арбитраж / С.В. Николюкин. – М.: Юстицинформ, 2009. – 216 с.

6. Котельников А.Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / А.Г. Котельников. – Екатеринбург, 2008. – 288 с.

7. Курочкин С.А. К вопросу о частном процессуальном праве / С.А. Курочкин // Третейский суд. – 2010. – № 3 (69). – С. 10-20.

8. Афанасьев С.Ф. Спорные вопросы предметной подведомственности третейских судов / С.Ф. Афанасьев, А.И. Зайцев // Третейский суд. – 2000. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2000/5/art03.html>.

9. Бакхауз Н.А. Право третейского суда решать вопрос о своей компетенции и его реализация в практике арбитража при Московской торгово-промышленной палате / Н.А. Бакхауз // Третейский суд. – 2002. – № 5/6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2002/content56.html>.

10. Балашов А.Н. Некоторые проблемы заключения и утверждения мирового соглашения в третейском судопроизводстве / А.Н. Балашов // Третейский суд. – 2001. – № 5/6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2001/content56.html>.

11. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С.А. Курочкин. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 272 с.

12. Protocol on Arbitration Clauses. Geneva, 24 September 1923 / League of Nations, Treaty Series, vol. 27, p. 157.

13. Convention on the Execution of Foreign Arbitral Awards. Geneva, 26 September 1927 / League of Nations, Treaty Series, vol. 92, p. 301.

14. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards. New York, 10 June 1958 / United Nations, Treaty Series, vol. 330, p. 3.

15. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (1985), with amendments as adopted in 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uncitral.org/uncitral/en/uncitral_texts/arbitration/1985Model_arbitration.html. – (Дата обращения: 04.06.2021).

16. Каса И. Арбитраж (третейский суд): история создания и правовая природа / И. Каса // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 269-288.

17. Поляков Ю.В. Основные тенденции развития международного коммерческого арбитража и определения применимого им права: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ю.В. Поляков. – Москва, 2010. – 173 с.

18. Морозов М.Э. Российский взгляд на украинские проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://antiraid.com.ua/news/14913-o-tretejskih-sudah-ukrainy/>.

РАЗДЕЛ 10 УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

DOI: 10.5281/zenodo.5746951

ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ВОРУШИЛО В.П.,

канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой
административного права

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»

г. Донецк, Донецкая Народная Республика;

СУПРУН О.В.,

магистрант ЮРм-21з-1 факультета
юриспруденции и социальных технологий

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

В статье рассматривается понятие и суть процесса доказывания по уголовному делу. С целью определения понятия доказывания проанализировано уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь. На основании проведенного анализа выдвигается идея о необходимости законодательного закрепления понятия процесса доказывания в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: доказывание, уголовное дело, субъекты доказывания, процесс, сбор, проверка, оценка доказательств.

THE MAIN CHARACTERISTIC OF PROVING IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

VORUSHILO V.P.,

**Cand. jurid. Sciences, Associate Professor, Head of
the Department of Administrative Law**

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

SUPRUN O.V.,

**Master's student YRm-21z-1 of the Faculty of Law
and Social Technologies**

**SEI HPE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration under the Head of Donetsk
People's Republic»,**

Donetsk, Donetsk People's Republic

This article examines the concept and essence of the process of proving in a criminal case. In order to define the concept of proof, the article analyzes the criminal procedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Based on the analysis, the idea is put forward of the need to legislatively consolidate the concept of the process of proof in the Criminal Procedure Code of the Donetsk People's Republic.

***Keywords:** proof, criminal case, subjects of proof, process, collection, verification, assessment of evidence.*

Постановка задачи. Понятие и процесс доказывания по уголовному делу вызывает интерес у научного сообщества вполне не случайно. Наличие оснований считать лицо виновным в инкриминируемом преступном деянии возможно лишь при наличии достаточных и достоверных доказательств, добытых в процессе доказывания. Вместе с тем законодатель недостаточно четко регламентирует понятие и процесс доказывания по уголовному делу в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой

Народной Республики. Поэтому возникла необходимость в дополнительных научных исследованиях в сфере доказывания в уголовном процессе.

Анализ последних исследований и публикаций. Понятие и процесс доказывания изучали такие ученые, как Н.М. Кипнис, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, П.А. Лупинская, Э.К. Кутуев, Б.Б. Булатов, А.М. Баранова, О.И. Андреева, А.Д. Назаров, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузов, В.М. Тертышник, Ю.К. Якимович, однако на сегодняшний день остается актуальным вопрос определения понятия доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве Донецкой Народной Республики.

Актуальность. Главной целью уголовного судопроизводства является установление объективной истины по уголовному делу для решения вопроса о виновности или невиновности лица и принятия законного и справедливого решения по делу. Данная цель достигается посредством доказывания.

Правильное понимание данного процесса является основополагающим в производстве по уголовному делу. Ведь каждый неверный шаг, допущенная в процессе доказывания ошибка может привести к неверному установлению обстоятельств совершенного преступления и, как следствие, принятия незаконного решения по делу, что, в свою очередь, влечет за собой грубейшее нарушение прав человека.

Целью данной статьи является изучение понятия и процесса доказывания по уголовному делу в Донецкой Народной Республике.

Изложение основного материала исследования. Статья 42 Конституции Донецкой Народной Республики закрепляет один из основополагающих принципов судопроизводства – презумпцию невиновности, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена приговором суда, вступившим в законную силу [1]. Это положение Конституции определяет роль доказывания в

уголовном процессе Донецкой Народной Республики, целью которого является установление истины по делу.

Уголовно-процессуальная деятельность – это сложная и многогранная деятельность, состоящая из разных систем действий. Доказывание – это самая важная часть уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 119].

В Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики [3] отсутствует норма, раскрывающая понятие «доказывание».

Поэтому целесообразно рассмотреть соответствующие нормы о доказывании, содержащиеся в Уголовно-процессуальных кодексах стран ближнего зарубежья.

Так, статья 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определяет доказывание как процесс сбора, проверки и оценки доказательств с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию [4]. Аналогичное понятие содержится в статье 102 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [5].

Вместе с тем в Донецкой Народной Республике законодательно закреплена обязанность по доказыванию, которая возложена на субъекты доказывания. В соответствии со ст. 72, 73 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики субъектами доказывания являются лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд.

Проанализировав эти нормы, можно сделать вывод, что доказывание – это деятельность лица, проводящего дознание, следователя, прокурора и судьи по сбору, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, регулируемая нормами уголовно-процессуального законодательства.

Булатов Б.Б., Баранова А.М. под доказыванием также понимают деятельность органов предварительного следствия, прокурора и суда, осуществляемую в установленном процессуальным законодательством порядке и направленную на

установление обстоятельств, имеющих значение для данного уголовного дела [2, с. 117].

Аналогичного мнения придерживаются также Е.К. Кутуев [6, с. 146], А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский [7, с.178], Андреева О.И., Назаров А.Д., Стойко Н.Г. и Тузов А.Г. [8, с. 107].

Таким образом, рассматривая процесс доказывания более детально, можно сделать вывод, что по своему содержанию процесс доказывания состоит из ряда элементов, органически связанных друг с другом, а именно: из сбора, проверки и оценки доказательств.

Так, статья 72 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики устанавливает порядок сбора и предоставления доказательств.

Тертышник В.М. определяет сбор доказательств как процессуальные действия субъектов доказывания, совершенные в пределах своих полномочий и направленные на обнаружение, истребование, получение и фиксацию доказательств в порядке, установленном законом [10, с. 173].

Таким образом, сбор доказательств представляет собой процесс, состоящий из последовательно сменяющих друг друга этапов, а именно: поиска, обнаружения, получения и фиксации доказательственной информации.

Поиск доказательств – это деятельность субъектов доказывания, направленная на их обнаружение. Следовательно, обнаружение доказательств – это их отыскание, выявление.

Поиск и обнаружение доказательств являются начальной стадией сбора доказательственной информации.

Получение доказательств, по мнению Смирнова А.В., – это передача доказательной информации от источника к субъекту доказывания. Например, изъятие вещей, обнаруженных при осмотре, обыске, выемке, получение заключения эксперта, полученная при допросе информация и т.д.

Фиксацией же доказательств, по мнению автора, является процессуальное закрепление полученной доказательственной

информации, которое заключается в обобщении и регистрации доказательственной информации путем внесения ее в протокол следственного действия, а в некоторых случаях – также путем представления обнаруженных предметов понятым, фотографирования или звукозаписи и видеозаписи, упаковки и опечатывания доказательств [7, с. 209].

Сбор доказательств должен обеспечивать полноту всего собранного по уголовному делу доказательственного материала. Ни одно доказательство не должно остаться вне поля зрения субъекта доказывания.

По мнению Кутуева Э.К., проверка доказательств включает проверку их относимости, допустимости, достоверности, то есть проверку соблюдения процессуальных правил сбора доказательств, относимости к делу информации, составляющей содержание доказательства, достоверности источника полученной информации.

Под оценкой доказательств Кутуев Э.К. понимает умственную, логическую деятельность лица, проводящего дознание, следователя, прокурора и суда по определению относимости, допустимости и достоверности каждого доказательства и их достаточности для установления обстоятельств, включенных в предмет доказывания, и принятия процессуального решения [6, с. 147].

Уголовно-процессуальным кодексом Донецкой Народной Республики закреплен принцип свободы оценки доказательств. Так, статья 73 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики гласит: «Суд, прокурор, следователь и лицо, проводящее дознание, обязаны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению на основе всестороннего полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела, в их совокупности, руководствуясь при этом законом. Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, проводящего дознание, не имеют заранее установленной силы». Следует отметить, что процесс доказывания не предполагает

определенных границ между его элементами. Доказательства проверяются путем сбора новых доказательств, в результате чего принимается решение о сборе новых доказательств, которые, в свою очередь, также проверяются и так далее [8, с. 146].

Необходимо обратить внимание на ряд особенностей, присущих доказыванию, а именно:

- 1) применяется только по уголовным делам;
- 2) используется для установления только конкретных фактических обстоятельств прошлого и настоящего;
- 3) включает как практические действия по сбору, проверке доказательств, так и умственные действия по оценке полученного доказательственного материала;
- 4) процесс доказывания осуществляется только специальными субъектами. В соответствии со ст. 72, 73 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики – это лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд;
- 5) процесс доказывания ограничен по времени. Так, ст. 120, 133 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики установлены процессуальные сроки производства по делу;
- 6) средства доказывания строго определены уголовно-процессуальным законом. Статья 71 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики ограничивает инструменты доказывания перечисленными источниками доказательств, полученных в результате следственных действий;
- 7) уголовно-процессуальное доказывание носит удостоверяющий характер;
- 8) процесс доказывания обеспечивается государственным, уголовно-процессуальным принуждением;
- 9) наличие заинтересованных в результатах доказывания лиц (потерпевший, обвиняемый, их связи и др.), что, соответственно, должно быть принято во внимание при оценке полученных доказательств;
- 10) законодательное закрепление обязанности доказывать;

11) предмет доказывания ограничен законом. Статьей 70 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики определен обязательный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно:

– событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства преступления);

– вопрос о виновности обвиняемого в совершении преступления и мотивах совершения преступления;

– обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также другие обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

– вопрос о характере и размере вреда, причиненного преступлением, а также о размере затрат на стационарное лечение потерпевшего от преступного деяния;

12) обязанность принимать окончательные решения по результатам доказывания [2, с. 117-119].

Немаловажным является тот факт, что доказывание должно производиться в строгом соблюдении требований Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики.

В противном случае, доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, будут признаны недопустимыми, что влечет за собой утрату доказательствами юридической силы и невозможность использования для доказывания обстоятельств, указанных в ст. 70 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, а также невозможность быть положенными в основу обвинения.

Итак, можно сделать вывод, что установление истины по уголовному делу, то есть установление и подтверждение всех фактических обстоятельств расследуемого события, имеющих значение для правильного разрешения дела и принятия справедливого решения, достигается единственным процессуальным способом установления фактов – доказыванием, т.е. деятельностью субъектов доказывания по сбору, проверке и

оценке доказательств в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [10, с. 3].

Следовательно, доказывание подлежит детальной законодательной регламентации, которая составляет его юридическую сторону.

С этой целью является целесообразным дополнить главу 5 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики «Доказательства» статьей следующего содержания:

1. Доказывание состоит из сбора, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 70 настоящего Кодекса.

2. Доказывание осуществляют лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. № 1-1) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>. – (Дата обращения: 25.03.2021).

2. Уголовный процесс: учебник для СПО / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 555 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 10.09.2018 г. № 240-ІНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – (Дата обращения: 05.04.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2020) / СПС

«Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. – (Дата обращения: 05.04.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З (ред. от 09.01.2019) / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/normativnyedokumenty/webnpa/text.asp>. – (Дата обращения: 05.04.2021).

6. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с.

7. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.

8. Андреева О.И. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2015. – 445 с.

9. Тертышник В.М. Уголовный процесс: учебник / В.М. Тартишник. – Киев, 2001. - 561 с.

10. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учебное пособие. – Томск: Из-во Том. у-нта., 2015 – 80с.

Научное издание

**ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск № 23

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

Материалы представлены на языке оригинала

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов,
которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника

При цитировании или частичном использовании текста публикаций
ссылка на сборник обязательна

Ответственный за выпуск – Саенко Б.Е.

Научный редактор – Ворушило В.П.

Технический секретарь–Ушакова Д.С.

Литературный редактор – Моисеенко З.И.

Компьютерная вёрстка – Артамонов Д.А.

Подписано в печать 28.10.2021 г.

Рекомендовано к опубликованию решением Ученого Совета ГОУ ВПО «ДОНАУИГС»,
протокол № 3 от 28.10.2021 г.

Формат 60x84¹/₁₆ Бумага офсетная 10,02 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ

ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Адрес редакции: ДНР, 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163а

ГОУ ВПО «ДОНАУИГС»